

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

**«ОСВОЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ
(IX–XXI вв.): ИДЕИ, ПРАКТИКИ, РЕЗУЛЬТАТЫ»
(К 90-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

*Материалы
Всероссийской научной конференции,
Курск, 31 мая 2024 г.*

Курск
2024

УДК 94(470+571):930:911.37"9/21"(063)

ББК 63.3(2)

О 72

Рецензенты: В. В. Коровин, доктор исторических наук,
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»;
К. В. Яценко, доктор исторических наук,
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».

О 72 Освоение и организация территории России (IX–XXI вв.): Идеи, практики, результаты» (к 90-летию образования Курской области) : материалы Всероссийской научной конференции. Курск, 31 мая 2024 г. / под редакцией Е. П. Маслова. – Курск : ООО «Центр рекламы «Лоцман», 2024. – 194 с. – Текст: непосредственный.

Редакционная коллегия: Е. П. Маслов (гл. редактор) – директор ОКУ «Госархив Курской области»; О. В. Пешехонова – зам. директора ОКУ «Госархив Курской области»; О. А. Черников – заведующий филиалом ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: О. Н. Аргунов, канд. ист. наук.

Сборник содержит тексты докладов и сообщений ученых, сотрудников архивных учреждений, работников учреждений культуры, краеведов, представленных на конференцию. Публикуемые материалы в своем большинстве подготовлены на основе документальных источников, выявленных в центральных и местных архивах, впервые вводимых в научный оборот. Издание предназначено для самого широкого круга читателей, интересующихся историей. Материалы опубликованы в авторской редакции.

УДК 94(470+571):930:911.37"9/21"(063)

ББК 63.3(2)

© Архивное управление Курской области, 2024

© ОКУ «Госархив Курской области», 2024

© Авторы статей, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	3–6
------------------	-----

Исторические аспекты административно-территориального устройства России

Ефремова И.С.	Административно-территориальная реформа Екатерины II (1775–1796 гг.) (на примере Курской губернии)	7–13
Ажигулова А.И.	Административно-территориальное деление Южного Урала в 1920-е – 1930-е гг.: численность, состав, национальное районирование	13–16
Есипов Д.М.	Административно-территориальное районирование РСФСР в 1928–1930 гг.	16–23
Щукина Е.П.	Территориальный эксперимент 1954 года. История образования Липецкой области	23–31
Батавина М.А.	Курская областная Дума и вопросы административно-территориального устройства региона	31–36

Личный фактор в региональной истории

Гордеев П.Н.	«Было и нет, как дни свободы»: Жизнь и деятельность Е. К. Малиновской в Нижнем Новгороде во время Первой российской революции	37–44
Савинова Т.А.	Александр Александрович Рыбников, как экономикогеограф	44–47
Неганов С.В.	Об актуальности публикации книги М. Г. Торновского «От Господина Великого Новгорода до Великого океана (историко-социально-экономические записки)» и о судьбе	

ее автора 58–50

**Экономические, политические, социальные и культурные
аспекты истории регионов**

Чаплыгин В.П.	Формирование организационно-правовых основ предпринимательской деятельности в России во второй половине XIX – начале XX вв.	51–61
Головин Е.А., Коровин Р.В., Манжосов А.Н.	Опыт административно-структурного реформирования сети железных дорог в пределах Курского региона (XIX – середина XX веков)	61–70
Шпиньков Д.И.	Электрификация сельской местности в Курской области в XX веке	70–73
Чаплыгина Н.И.	Первая мировая война и духовная жизнь провинции (на примере Курской губернии)	74–81
Сулицкая Е.В.	Горнозаводская промышленность от Подмосковского угольного бассейна до угольного бассейна Донбасса	82–84
Тилинин А.В.	Деятельность местных органов военного управления по организации всеобщего военного обучения в Курской губернии в 1918 году	85–92
Суржик О.С.	Красная Армия 1918 – 1920-е гг. в документах низовых профорганизаций ЦГАМО	92–96
Кононов Н.Г.	Первый объединенный пленум Курского обкома ВКП(б) и областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов о перспективах развития области	96–104
Моисеев Е.Л.	Модернизация сельской инфраструктуры Курской области в предвоенные годы (по материалам газеты «Курская правда»)	104–108

Хисамутдинов Д.Р.	Политико-воспитательная работа в училищах и школах фабрично-заводского обучения Чкаловского областного управления Министерства трудовых резервов в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.)	109–113
Пчелинов-Образумов А.А., Крылова Т.В.	Формирование и деятельность Белгородского областного Совета депутатов трудящихся в 1954 году	113–120
Фомичев Н.Н.	Состояние промышленного производства в городе Шебекино в 1954 году	120–126
Салтык Г.А.	Влияние работы Курского завода тракторных запасных частей на социально-экономическую и культурную жизнь региона в 1960-е – 1990-е гг.	127–134

Военная история регионов

Миненко И.Ф.	Деятельность Курской биофабрики в период ее эвакуации в Башкирскую АССР и Чкаловскую область: 1941–1945 гг.	135–140
Хисамутдинова Р. Р.	Проблема отопления в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала)	141–148
Волкова А.И.	Преступления немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны на территории восточных районов Курской области (на примере Мантуровского района) ..	148–154
Федулов С.В., Муксинов К.Б., Соколов В.В.	Роль водной Дороги жизни Финского залива в прорыве блокады Ленинграда	154–163
Черников О.А.	К вопросу о ходе восстановления сферы торговли и общественного питания Курской области (1943–1944 гг.)	163–167

Источниковедческие и историографические аспекты истории регионов России

Петров К.В.	Исследование М. Ю. Зенченко о южном порубежье конца XVI – начала XVII вв. в историографическом контексте	168–173
Николашин В.П.	Современная историография Смутного времени	174–177
Конищев А.Р.	Федор Иосифович Лаппо и его вклад в изучение территории курского края в XVIII в. (по материалам личного фонда)	178–181
Филёв М.В.	Первые шаги Калининградской области: обзор источников	181–188
Аргунов О.Н.	Основные проблемы изучения регионального административно-территориального устройства в послевоенный период (на примере Курской области)	188–193

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ

И. С. Ефремова

Государственный архив Курской области

Административно-территориальная реформа Екатерины II (1775–1796 гг.) (на примере Курской губернии)

Аннотация. В статье дается краткая характеристика реализации так называемой губернской реформы эпохи правления Екатерины II. Длительность (более двадцати лет) преобразований объясняется сложностями в установлении новых границ между административно-территориальными образованиями Российской империи.

Ключевые слова: административно-территориальная реформа; Екатерина II; провинция; наместничество; губерния; уезд; округа.

Законодательную основу административно-территориальной реформы 1775–1796 гг.¹ составили «Учреждениями об управлении губерний Всероссийской империи» (далее – «Учреждения»), подписанные Екатериной II 7 ноября 1775 г. [1, с. 229–304]. Сопоставление этого акта с указами, принимавшимися в процессе его реализации, показывает наличие отступлений, вызванных ассимиляцией законодательства в социально-экономических и политических реалиях того времени.

В соответствии с «Учреждениями» трехчастная система районирования «губерния – провинция – уезд» официально заменялась двухчастной, состоявшей из губернии, или наместничества, и уезда, или округа². Однако фактически, административно-территориальное деление Российской империи сохранило трехзвенную структуру, а в некоторых местностях – даже четырехчастную. Обратимся к «Полному собранию законов Российской империи».

В соответствии с главой XX «Учреждений» городам присваивался особый статус, наделявший мещанское общество правом юридического лица. Как следствие, оно получало в собственность земельные и лесные участки, имело общинную кассу и личные источники дохода в виде мельниц, ярмарок, бань; могло обратиться с ходатайством о разрешении на строительство культурных и коммерческих объектов [11, с. 259–261]. В мае 1781 г. права городов на земельную собственность закреплялись

¹ Реформа началась с учреждения 25 ноября 1775 г. Смоленского и Тверского наместничеств и закончилась с образованием 8 августа 1796 г. Виленского наместничества.

² В нормативно-правовых актах, в том числе «Учреждениях», территориально эти понятия рассматриваются как синонимы.

посредством проложения городской межи «...дабы пределы городского начальства и управления от таковых же в округе известным образом отделены были...» [2, с. 125], а в апреле 1785 г. была издана «Грамота на права и выгоды городам Всероссийской империи», структурировавшая городское самоуправление [3, с. 344–358]. «Особый» статус городов имел и внешнее выражение. С конца 1770-х гг. началась полномасштабная перестройка городских центров в соответствии с регулярной планировкой, разработанной «Комиссией для устройства городов Санкт-Петербурга и Москвы». В 1782–1784 гг. регулярные планы получили и все 15 городов Курского наместничества [4].

Анализ нормативно-правовой базы позволяет отметить еще одну особенность рассматриваемой реформы. Некоторые наместничества, такие как Пермское, Уфимское, Тобольское, делились не только на уезды, но и на провинции, или области (на две каждая) [5, с. 365; 6, с. 379]. Проложение границ между областями осуществлялось по тем же правилам, что и между уездами [2, с. 125]. На основании вышеизложенного, приходим к выводу, что в соответствии с административно-территориальной реформой 1775–1796 гг. центральная часть империи получила трехчастную систему районирования («губерния – уезд – город»), а сибирская – четырехчастную («губерния – провинция – уезд – город»).

Корректировалось и предписание в отношении размежевания территорий. Согласно главе I «Учреждений» размер будущих наместничеств (губерний), и уездов (округ) зависел от количества податных душ. Так, в границах наместничества (губернии) должно было проживать от 300 тыс. до 400 тыс. душ, уезда – от 20 тыс. до 30 тыс., «дабы порядочно был[и] управляет[ы]» [1, с. 231, 323]. В итоге, вместо 23 губерний и 276 уездов, существовавших до 1775 г., империя была разделена на 40 наместничеств (губерний) и 483 уездов [7, с. 66].

Фокусировка на количество населения при разграничении административно-территориальных единиц уже применялась в Российской империи. Пример тому – ландратские доли, учрежденные Петром I в 1715 г. и составлявшие 5536 податных дворов [8]. Однако указанные единицы оказались нежизнеспособными, поскольку нарушали складывавшиеся десятилетиями контакты между местностями. Эти отношения играли огромную роль в экономической и политической жизни русского общества, так как связь город – округа (уезд) формировалась одновременно с эволюцией русского государства. В связи с этим, будучи официально упраздненными в ходе реформ 1708 и 1719 гг., уезды продолжали функционировать. В частности, в документах 1715–1727 гг. неоднократно фигурировал Курский уезд, которого официально в этот период не существовало [9, с. 387–394].

Разработчики реформы 1775–1796 гг. понимали, что для долговечности новых преобразований необходимо соблюсти два важных

условия: постепенность реализации и укрепление связи между городом и округой. Поэтому формирование новой системы административно-территориального деления предполагало несколько направлений: 1) формальное (исходя из численных показателей) разделение страны на губернии и уезды с обозначением будущих центров этих единиц; 2) повышение статуса «города» за счет внешнего (перестройка по подтвержденным из столицы планам) и институционального (создание системы учреждений политического, экономического и социального характера) преобразования; 3) корректировка размежевания территорий, исходя из географических условий местности и правила о неделимости дач (земельных владений) [10, с. 110–115; 11, с. 29–45].

В связи с этим количество уездов, городов, а также границы между ними корректировались даже после официального учреждения той или иной губернии. Например, в Тверском наместничестве, образованном еще в ноябре 1775 г., в 1781 г. появился новый, тринадцатый, уезд. Границы между Курским и Харьковским, Новгород-Северским, Орловским наместничествами, генеральное межевание которых началось в октябре 1781 г., к концу 1782 г. еще не были проложены [12, с. 300; 13; 14; 15]. В итоге, в установленный для уезда лимит в 30 тыс. душ 7 из 15 уездов Курской губернии не попадали (по состоянию на 1784 г.: Курский уезд – 36 779, Белгородский – 30 430, Корочанский – 30 352, Рыльский – 30 952, Суджанский – 30 828, Фатежский – 34 384, Щигровский – 39 810) [16, л. 56–71]. Данный аспект подтверждает, что административно-территориальная реформа 1775–1796 гг. не преследовала чисто механического разделения регионов, а ориентировалась на экономико-географические особенности местности и соблюдение прав собственников земельных участков (территория внутри уездов делилась, исходя из границ частных и казенных землевладений).

По этой причине подписание нормативного акта об учреждении того или иного наместничества было только началом долгого пути его административно-территориального оформления. Так, Курское наместничество было учреждено 23 мая 1779 г. [17, с. 825–826]. 8 января 1780 г. Сенат утвердил изображения гербов для 15 городов этой губернии [18, с. 907]. 21 января 1780 г. в губернском г. Курске и 14 уездных городах состоялось открытие присутственных мест [19, л. 5 об. – 6]. 29 октября 1781 г. официально начиналось генеральное размежевание земель в Курском наместничестве, которое активно продолжалось до 1784 г. [12, с. 300].

За разграничение территорий на центральном уровне отвечала Межевая экспедиция 1-го департамента Правительствующего Сената (далее – Сенат), на местном – губернская межевая контора. Оба учреждения были организованы еще в октябре 1765 г. и состояли из присутствия (землемер и два помощника) и канцелярии (писцы) [20, с. 354]. В 1775 г. в структуре контор появились чертежные, которые

занимались составлением новых планов губернских и уездных границ, а также поместий и городских кварталов. Кроме того, согласно «Учреждениям» свой землемер появлялся и в каждом уезде [21, с. 232]. До 1781 г. межевые конторы руководствовались инструкциями, утвержденными в мае 1766 г. [21, с. 717]. Согласно новым правилам они стали функционировать на основании следующих принципов:

- 1) уездные землемеры по всем вопросам подчинялись губернским;
- 2) губернские межевые канцелярии ежегодно и по третям отсылали отчеты в Межевую экспедицию Сената, в которых указывали количество средств, полученных за решение частных межевых споров; решенные и нерешенные вопросы; расходы на выплату жалованья и рабочие издержки;
- 3) административный надзор за межеванием осуществляли генерал-губернаторы, правовой – суды;
- 4) назначение и смещение с должности, а также финансирование землемеров производила Межевая экспедиция;
- 5) при определении границ между наместничествами требовалось присутствие от каждого из них: советника от Палаты гражданского суда, двух заседателей верхнего земского суда, двух заседателей верхней расправы и губернского землемера, которые по завершении необходимых работ обязывались поставить на видном месте межевые знаки с губернскими гербами и составить план губернии в пяти экземплярах с приложением описания (для Межевой экспедиции, Палаты гражданского суда, казенной палаты, верхнего земского суда, верхней расправы);
- 6) при размежевании уездов и провинций предписывалось присутствовать уездному предводителю дворянства как представителю уездного суда, заседателю нижней расправы, уездному землемеру, которым предстояло изготовить планы в семи экземплярах (для уездного суда, нижней расправы, верхнего земского суда, верхней расправы, Палаты гражданского суда, казенной палаты, Межевой экспедиции);
- 7) при разграничении городских выгонов присутствовали городничий, бургомистр, ратман, градской голова, землемер, а планы предстояло изготовить в девяти экземплярах;
- 8) размежевание государственных территорий финансировалось из казны, а за решение частных споров платил истец [2, с. 124–126].

На сложность ситуации с размежеванием территорий указывают сразу несколько факторов: 1) большое количество апелляционных исков, сохранившихся в фондах уездных судов и Курской казенной палаты; 2) нехватка кадров, вынуждавшая упрощать требования в отношении кворума (например, вместо губернского землемера мог присутствовать уездный); 3) увеличение расходов межевых контор [22; 23; 24].

Рассмотрим более детально процесс формирования Курского наместничества. По состоянию на 1775 г. в состав Белгородской губернии входили 30 уездов: Болховский, Белевский, Брянский, Белгородский, Валуйский, Вольновский, Карповский, Корочанский, Курский,

Карачевский, Кромский, Миропольский, Мценский, Новооскольский, Новосильский, Суджанский, Обоянский, Путивльский, Рыльский, Орловский, Салтовский, Севский, Суджанский, Старооскольский, Трубчевский, Полатовский, Хотмыжский, Чернский, Чугуевский, Яблоновский – и 6 заштатных городов: Недригайлов, Каменный, Тополи, Нежегольск, Болховец, Алешня [25, с. 14, 15–16].

Именным указом от 23 мая 1779 г. Белгородская губерния упразднялась, а большая часть ее территории вошла в состав Курского наместничества, разделенного на 15 уездов: Белгородский, Богатенский, Дмитриевский, Курский, Корочанский, Львовский, Новооскольский, Обоянский, Путивльский, Старооскольский, Суджанский, Рыльский, Тимский, Фатежский, Щигровский. Шесть из них – Дмитриевский, Львовский, Тимский, Фатежский и Щигровский – были впервые образованы из территорий Курского, Старооскольского и Обоянского уездов, а их административными центрами стали бывшие однодворческие села и пригородные слободы. Богатенский уезд появился вследствие лишения Карпова статуса «города» и переноса уездного центра в образованный из села г. Богатый [17, с. 825–826]. Относительно дальнейших изменений границ указ точных предписаний не давал, а лишь обозначал возложение на генерал-губернаторов ответственности за решение всех спорных вопросов [17, с. 825–826].

К 1782 г. (к 4-й ревизии) произошли следующие преобразования:

Яблоновский уезд был упразднен с разделением его территории между Новооскольским и Корочанским уездами.

Хотмыжский, Миропольский, Салтовский, Вольновский, Чугуевский уезды перешли в состав Харьковского наместничества (исходя из указа 23 мая 1779 г. на этих территориях проживало около 120 тыс. душ) [17, с. 826].

Валуйский и Полатовский, а также часть Новооскольского и Старооскольского уездов передавались в Воронежское наместничество.

Брянский уезд был разделен между Калужским, Орловским и Смоленским наместничествами.

Болховский, Карачевский, Кромский, Мценский, Орловский, Севский, Трубчевский уезды перешли в новообразованное Орловское наместничество, а Белевский, Новосильский и Чернский – в Тульское [26, с. 152–160; 27, с. 24–33].

Таким образом, административно-территориальная реформа Екатерины II максимально учитывала экономико-географические и исторические особенности Российской империи, что подтверждает ее долговечность. На первом этапе границы между наместничествами и уездами определялись как формальные, а их последующая корректировка осуществлялась специальными учреждениями в присутствии представителей судебной власти. Не малую роль на успех реформы оказало акцентирование внимания на города. Урбанизационные и

государствообразующие процессы со времен Киевской Руси представляли единое целое. Поэтому центры будущих губерний и уездов определялись заранее, исходя из множества критериев, среди которых действующий статус поселения не играл первостепенной роли (город мог стать селом, а село городом). Каждый регион имел свои задачи, и новое административно-территориальное устройство должно было способствовать их реализации.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание 1. СПб., 1830. Т. XX. Ст. 14392. С. 229–304.
2. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXI. Ст. 15160. С. 124–126.
3. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXII. Ст. 16186. С. 344–358.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 325. Оп. 1. Д. 15.
5. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXI. Ст. 15307. С. 365–366.
6. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXI. Ст. 15324. С. 379–380.
7. Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // Логос. № 1 (46). 2005. С. 65–101.
8. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. V. Ст. 2879. С. 139–140.
9. Раздорский А.И. Из истории областной реформы Петра Великого (административно-территориальный статус Курска и Обояни в 1708–1719 гг.) // Государство и общество в России: XV – начало XX в.: Сб. ст. памяти Н.Е. Носова. СПб., 2007. С. 387–394.
10. Белов А.В. Административно-территориальная реформа Екатерины II: реализация на местах и личности сановников-управленцев (по материалам губерний Центральной России) // История: факты и символы. № 2 (27). 2021. С. 110–115.
11. Белов А.В. Реформа города Екатерины II: замысел, процесс реализации, результаты (по материалам губерний центральной России) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. XX. № 3. 2008. С. 29–45.
12. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXI. Ст. 15269. С. 300–301.
13. ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 19а.
14. ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 24.
15. ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 25.
16. ГАКО. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 196.
17. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XX. Ст. 14880. С. 825–826.
18. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XX. Ст. 14964. С. 907–908.
19. ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 4.
20. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XVII. Ст. 12488. С. 354–356.
21. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XVII. Ст. 12659. С. 717–724.
22. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1.
23. ГАКО. Ф. 114. Оп. 1.
24. ГАКО. Ф. 1695. Оп. 1.
25. Административно-территориальное деление Белгородского края: конец XVI – начало XXI вв. Справочник / [сост. Л.В. Горбачева, Е.В. Кривцова, А.А. Кривчиков и др.]; Упр. по делам архивов Белгор. обл., Обл. гос. учреждение «Гос. архив Белгор. обл.». Белгород, 2011. 536 с.
26. Евсюков Д.Е. История административно-территориального деления Яблоновского уезда: Часть 1. Формирование уезда в XVII веке // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 5. Белгород: КОНСТАНТА, 2020. С. 152–160.

27. Пенская Т.М. Из истории образования Белгородской губернии / Т.М. Пенская // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: IV междунар. науч. конф., Белгород, 8 дек. 2006.: сб. науч. тр.: в 2 т. / отв. ред. И. Т. Шатохин. Белгород, 2006. Т. 1. С. 24–33.

А. И. Ажигулова

кандидат исторических наук

Оренбургский государственный педагогический университет

**Административно-территориальное деление Южного Урала
в 1920-е – 1930-е гг.: численность, состав,
национальное районирование**

Аннотация. Южный Урал традиционно представляет собой многонациональный край. В начале XX века здесь происходили масштабные события, связанные с административно-территориальными преобразованиями региона. Деление происходило исходя из задач индустриализации, а также с учетом интересов национальных меньшинств. В рассматриваемый период создаются национальные районы, сельские Советы, строятся национальные школы. Ретроспективный анализ исторического опыта административно-территориального устройства с учетом интересов национальных меньшинств позволяет глубже изучить и укрепить национальную политику современного российского государства.

Ключевые слова: Южный Урал; население; национальные районы; национальные меньшинства; административно-территориальное деление.

Современный Южный Урал представляет собой регион, объединяющий три субъекта – Республику Башкортостан, Челябинскую и Оренбургскую области. В начале XX века здесь как во всем Советском Союзе происходили административно-территориальные преобразования, связанные со строительством нового государства. Регионы выделялись в соответствии с хозяйственно-экономической деятельностью, а также с учетом интересов национальных меньшинств.

Башкирская автономная советская социалистическая республика (БАССР) была образована 20 марта 1919 г., Челябинская область была выделена из состава Уральской области 17 января 1934 г., Оренбургская область выделена из состава Средне-Волжского края 7 декабря 1934 г. (в декабре 1938 г. Оренбург был переименован в Чкалов, а область – в Чкаловскую).

Внутри территории Южного Урала в 1920-е – 1930-е гг. происходили постоянные изменения границ субъектов. Данные изменения способствовали локализации национальных меньшинств, централизации регионов, распределению сельскохозяйственных и промышленных

территорий. Происходившие административно-территориальные преобразования были связаны с изменением состава населения и урбанизацией региона. К 1920-м гг. как самостоятельная административно-территориальная единица существовала только Башкирия, что касается Челябинской и Оренбургской областей, то между этими и соседними с ними регионами шли постоянные обмены территориями, ставшие одной из причин изменения численности населения.

Башкирская АССР на момент 1926 г. включала в себя 8 кантонов: Аргаяшский, Белебеевский, Бирский, Зилаировский, Месягутовский, Стерлитамакский, Тамьян-Катайский, Уфимский, которые состояли из 117 волостей и пяти городов: Уфа, Белебей, Бирск, Стерлитамак, Белорецк. Население Башкирии насчитывало 2 523 444 человек, среди которых горожан было 5,9 %, сельчан 94,1 % [1, с. 6].

Оренбургская область к 1926 г. существовала как губерния и включала три уезда Каширинский, Оренбургский и Орский, которые состояли из 33 волостей, а также четырех городов: Оренбурга, Каширинска, Илецкой Защиты и Орска. Население губернии состояло из 601 004 человек, из них 23 % горожан, 77 % сельчан. Современные Бугурусланский и Бузулукский районы в 1920-е гг. входили в состав Самарской губернии. Часть районов, образующих Оренбургскую область будут присоединены из Казахстана (Акбулакский, Адамовский, Хобдинский, Тепловский) и Башкортостана (Зиянчуринский) уже в 1930-е гг. После 1934 г. и образования самостоятельной области Оренбуржье будет включать в себя 52 района [2, с. 11].

Челябинская область в 1926 г. была частью Уральской области. Челябинский округ включал 16 районов и город Челябинск с населением 471 600 человек, из которых 16 % горожан, 84 % сельчан. 17 января 1934 г. область выделена из Уральской в составе 64-х районов, часть районов затем будут переданы Свердловской области [3, с. 8].

Во всех трех субъектах Южного Урала сельское население в 1920-х гг. преобладало над городским, с началом индустриализации численность городского населения существенно увеличится. Основным источником трудовых резервов выступала деревня, большая часть трудоспособного населения пополнит города за счет села. Крестьяне направлялись в города на стройки индустриализации, на учебу, направление населения шло как добровольно, так и планомерно.

В рассматриваемый период большое внимание уделялось национальному районированию регионов. Интересы национальных меньшинств обеспечивались путем компактного расселения, для этого создавались национальные районы и сельские советы. Этническому населению Южного Урала отводилось особое внимание в связи с его разнообразием. Выделение национальных районов в регионе с целью обеспечения интересов национальных меньшинств могло быть даже в

случае отсутствия установленной для этого среднеокружной нормы населения [4, л. 7].

Оренбургская область была представлена следующими национальными районами: казахское население преобладало в Буртинском, Домбаровском районах, татарское – в Илекском, Оренбургском, Орском, Краснохолмском районах; немцы и мордва – в Покровском районе [5, л. 95].

Окрисполком в Челябинской области, в случае укрупнения сельских советов, в качестве приоритетной задачи, выделял сельсоветы среди национальных меньшинств. Например, при районировании Троицкого округа было выделено 16 сельских советов национальных меньшинств: семь нагайбакских, четыре татарских, три украинских и по одному башкирских и мордовских [6, с. 113–114].

Вышеуказанные сведения согласуются с мнением К. А. Моргунова, который указывал, что «национально-государственное строительство в период с 1924 – до середины 1930-х гг. на Южном Урале имело достаточно гибкие формы территориальной автономии, учитывая разнообразные национально-культурные потребности населения. Национальные меньшинства, проживающие вне пределов своей национальной автономии, или не имеющие таковой вовсе, получили возможность создания своих национальных районов и сельских советов» [7, с. 18].

В разных административно-территориальных единицах Южного Урала численность русского населения колебалась от 40 до 80 %, численность представителей национальных меньшинств также различалась. Согласно переписи 1939 г. в Челябинской области проживало русских 87,22 %, татар 4,27 %, украинцев 2,96 %, башкир 2,51 %, казахов 1,03 %, мордвы 0,67 % [8, с. 35]. В Чкаловской области русских 69,16 %, украинцев 9,07 %, мордвы 6,91 %, татар 6,25 %, казахов 4,26 %, башкир 1,34 %, чувашей 1,13 %, немцев 1,1 %, белорусов 0,23 % [9, с. 238]. В БАССР русских 40,56 %, татар 24,61 %, башкир 21,25 %, чувашей 3,38 %, украинцев 2,92 %, марийцев 2,85 %, мордвы 1,83 %, удмуртов 0,8 % [9, с. 238].

Таким образом, в первые десятилетия Советской власти, 1920-е – 1930-е гг., в Советском Союзе и, в том числе, на Южном Урале в процессе административно-территориальных преобразований велась последовательная политика по урегулированию национального вопроса – уравнивания интересов национальных меньшинств. Административно-территориальные изменения проводились с учетом компактного расселения этнических групп и вовлечения национальных меньшинств в экономическую, культурную, политическую жизнь нового государства. В зависимости от преобладания той или иной нации в определенных субъектах южноуральского региона складывалась и определенная хозяйственная специфика. Там, где русские составляли большинство населения, например, Челябинская область, преобладал индустриальный

сектор, тюркские народы больше были связаны с аграрным сектором (животноводством), поэтому Башкирская АССР в первые десятилетия существования Советского Союза ассоциируется как аграрная республика. Советское государство активно проводило культурно-просветительскую деятельность среди национальных меньшинств, повышало их культурный, образовательный уровень, максимально практикуя реализацию прав представителей разных наций советского народа.

Источники и литература

1. Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1969 года. Уфа, 1969. 429 с.
2. Оренбургская область в цифрах. Статистический сборник / Общая редакция О. М. Туля. Челябинск, 1974. 184 с.
3. Челябинская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1970 г. Челябинск, 1971. 193 с.
4. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 655. Оп. 5. Д. 2.
5. СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 5. Д. 173.
6. Челябинская область. 1917–1945 гг. Сборник документов и материалов / под редакцией профессора П. Г. Агарышева. Челябинск, 1998. 302 с.
7. Моргунов К.А. Исторический опыт государственного регулирования национальных отношений на Южном Урале (1917–1939 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Оренбург, 2000. 26 с.
8. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. М., 1999. 207 с.
9. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сб. материалов / сост. В. П. Мотрович. Екатеринбург, 2002. 372 с.

Д. М. Есипов

Государственный архив Курской области

Административно территориальное районирование РСФСР в 1928–1930 гг.

Аннотация. Настоящая статья посвящена общим аспектам реализации административной реформы 1928–1930 гг. в РСФСР. Проанализированы предпосылки и характер преобразований. Сделан вывод, что реформа имела не только экономические предпосылки, но и политические, направленные на окончательный разрыв с дореволюционными принципами административно-территориального устройства страны.

Ключевые слова: районирование; экономическое развитие; административная реформа; РСФСР.

Проведенное в РСФСР в 1928–1930 гг. административное районирование, в результате которого была упразднена губернно-уездно-

волостная система и введено новое административно-территориальное деление (область, край, национальная автономия, округ, район), является важным этапом в развитии Советского государства.

Административная реформа 1928–1930 гг. проводилась в обстановке обостренной классовой борьбой, в ходе которой коммунистической партии приходилось преодолевать огромные трудности внутреннего и внешнего порядка. Курс партии на построение социализма в СССР, на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства вызвал яростное сопротивление капиталистических элементов, особенно кулачества, и защищавшей их интересы троцкистско-бухаринской шайки. Опираясь на поддержку рабочего класса и широчайших масс трудового крестьянства, партия разгромила «левых» и «правых» капитулянтов и на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства добилась ликвидации последнего капиталистического класса в стране – кулачества. Одновременно были раскрыты и разгромлены вредительские организации буржуазных специалистов и других врагов народа.

Огромные внутренние трудности, которые приходилось преодолевать партии, усугублялись напряженной международной обстановкой. Империалистические правительства принимали все меры к тому, чтобы любыми средствами затормозить ход социалистического строительства в СССР. Разрыв английским правительством в 1927 г. дипломатических и торговых отношений с Советским Союзом, налеты на советские полпредства и торгпредства в Берлине, Пекине и других городах, убийство в Варшаве советского посла П. Л. Войкова, организации английскими шпионами диверсий в СССР, захват маньчжурскими милитаристами принадлежавшей Советскому Союзу Китайско-Восточной железной дороги, нападения войск маньчжурских милитаристов на дальневосточные границы нашей Родины – таков далеко не полный перечень враждебных и провокационных актов против СССР со стороны империалистов.

Партия успешно преодолела все эти внутренние и международные трудности, уверенно ведя страну вперед по пути социализма.

Для успеха социалистического строительства необходимо было максимально приблизить к населению партийно-советский и хозяйственно-кооперативный аппарат. Эту цель и преследовала проводившаяся в 1928–1930 гг. реформа административного районирования. Оценку этой реформы дал И. В. Сталин в докладе на XVI съезде партии. «Не может быть сомнения, – говорил И. В. Сталин, – что мы не смогли бы поднять громадную работу по перестройке сельского хозяйства и развитию колхозного движения, если бы не провели районирования <...> Цель районирования – приблизить партийно-советский и хозяйственно-кооперативный аппарат к району и селу, для того чтобы получить возможность своевременно разрешить наболевшие

вопросы сельского хозяйства, его подъема, его реконструкции» [1, с. 335–336].

Несоответствие старого административного деления, унаследованного от царской России, сущности Советского социалистического государства стало ясно сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Установленное еще в XVIII в. административное деление, не потерпевшее существенных изменений в течение почти двухсот лет, не считалось с экономическим тяготением отдельных районов и с национальным составом населения. Это деление отвечало главным образом целям дворянско-помещичьего строя, державшего в уезде рабочих и крестьян и жестко угнетавшего население России национальности. Сразу после Октябрьской революции началось административное переустройство России по национальному и экономическому признакам.

Важной составной частью принципов советского районирования явились ленинско-сталинские положения о советской федерации и советской автономии.

К осени 1921 г. Государственная плановая комиссия (Госплан), созданная при Совете Труда и Оборона, использовав материалы Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО), разработала проект экономического районирования Советской России, по которому территория всей страны разделялась на 21 экономический район или области. Эти области должны были иметь свои областные исполкомы с достаточно широкими правами.

По проекту Госплана, существовавшее тогда административно-территориальное деление страны (губерния – уезд – волость) должно было быть перестроено в соответствии с новым районированием по экономическому признаку. Новая система административно-территориального деления по проекту, предоставлялась в следующем виде:

1. Крупнейшей территориальной единицей является область (с границами экономического района и крупным производственным центром общесоюзного значения).

2. Следующей единицей является округ, по своим размерам представляющей нечто среднее между губернией и уездом. Границы округа определяются на основании тех же данных экономического районирования.

3. Третьей единицей, частью округа, является районная волость, по территории в 2–4 раза большая, чем дореволюционная волость. При такой структуре уезд упраздняется, как лишнее звено, его место занимает так называемая «районная волость» (впоследствии – район) [2, с. 52–54].

Порочным в этом проекте районирования было то, что он игнорировал основные принципы ленинско-сталинской национальной политики, требовавшие выделение территории, отличающихся особым

национальным составом населения, в особые административно-хозяйственные единицы.

Этот коренной недостаток проекта Госплана исправила созданная в конце 1921 г. комиссия под председательством М.И. Калинина. Комиссия к весне 1922 г. выработала «Тезисы по районированию». Тезисы устанавливали, что экономический принцип районирования необходимо применять в такой форме, чтобы он содействовал всестороннему развитию всех национальностей РСФСР. Автономные республики и области должны были или представлять собой самостоятельные экономические районы, или входить в них целиком в качестве подрайонов.

XII съезд РКП(б), обсуждавший вопрос о районировании страны, принял решение о проведении для начала районирования двух районов:

- 1) промышленного;
- 2) сельско-хозяйственного, с организацией в них областных исполкомов [3, с. 497].

Опытное районирование было проведено на Урале в 1923–1924 гг. и на Северном Кавказе в 1924–1925 гг.

Положительный опыт, полученный при районировании Урала и Северного Кавказа, дал основание Советскому правительству провести районирование Сибири в 1925 г., Дальнего Востока в 1926 г. и северо-запада РСФСР в 1927 г. (Ленинградская область).

Территория этих пяти областных объединений составляла 46,6 % всей территории РСФСР, а население – 31,9 % населения республики [4, с. 8].

Кроме того, в нерайонированных частях РСФСР, где еще не были созданы области и края, в ряде губерний был осуществлен переход от уездно-волостного деления к районному делению. Образование районов вместо уездов и волостей было произведено в Астраханской, Северо-Двинской, Тульской, частично в Иваново-Вознесенской губерниях и ряде автономных республик и областей.

Административное районирование было также проведено на Украине и в Белоруссии. В этих республиках области не были созданы, и мелись только округа и районы.

Таким образом, к 1927 г. имелся уже значительный опыт по проведению административного районирования. Этот опыт показал, что задачи планового руководства всем народным хозяйством смогут быть осуществлены в полной мере лишь тогда, когда старые административные единицы будут заменены новыми, построенными с учетом их производственно-хозяйственных возможностей, национального состава населения, а также удобства управления.

Решающее значение в завершении административного районирования всей Российской Федерации имело указание XV съезда партии о районировании (декабрь 1927 г.) В резолюции «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» съезд записал: «С

целью наиболее полного охвата плановым руководством народно-хозяйственной жизни страны съезд считает необходимым в течение предстоящего пятилетия окончить районирование всей страны» [3, с. 244].

Однако районирование было проведено раньше установленного съездом срока. В интересах досрочного выполнения первой пятилетки образование новых административно-территориальных единиц – областей и краев в РСФСР – было форсировано и закончено к октябрю 1929 г.

На основе постановлений ВЦИК от 14 и 21 мая 1928 г. в том же году были образованы следующие три областных и краевых объединения с переходом от губернского, уездного и волостного деления на окружное районное:

1) Центрально-Черноземная область, включившая в свой состав территории Курской, Орловской, Тамбовской и Воронежской губерний. Областным центром стал город Воронеж;

2) Нижневолжский край, составившийся из Астраханской, Сталинградской, Саратовской губерний, одной автономной области и одной автономной республики. Центром стал город Саратов;

3) Средневолжская область, созданная из территорий Пензенской, Ульяновской, Самарской и Оренбургской губерний. Ее центром стала Самара [5, с. 406–407]. В конце 1929 г. эта область получила название Средневолжского края, так как в ее составе была образована Мордовская автономная область [6, с. 421].

Территория этих трех областных (краевых) объединений вместе с Казахстаном (входившим тогда в РСФСР и районированным в том же 1928 г.) составляла 18 % территории Российской Федерации, а их население – 29,4 % населения РСФСР.

Таким образом, к концу 1928 г. районированная часть территории РСФСР составила около двух третей всей территории РСФСР (с населением в 60 с лишним процентов населения РСФСР) [3, с. 8].

1929 г. явился следующим важным этапом в административном районировании. Теперь районирование прежде всего должно было содействовать успешному разрешению задачи массовой коллективизации сельского хозяйства. Вместе с тем продолжала сохранять свое важнейшее значение проблема индустриализации областей и краев.

В 1929 г. (на основе постановления Президиума ВЦИК от 14 января и ряда последующих постановлений) [7, с. 116] на нерайонированной до того территории РСФСР образовались пять новых административно-территориальных объединений краевого и областного значения. Это были:

1) Северный край в составе Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и автономной области Коми с краевым центром в Архангельске;

2) Западная область, в которую вошли Смоленская, Брянская и Калужская губернии, с центром в городе Смоленске;

3) Московская область, включавшая в свой состав Московскую, Тверскую, Тульскую и Рязанскую губернии, с центром в городе Москве;

4) Ивановская промышленная область, созданная из территорий Иваново-Вознесенской, Владимирской, Ярославской и Костромской губерний. Ее центром стал Иваново-Вознесенск;

5) Нижегородский край в составе Нижегородской и Вятской губерний, Марийской и Вотской (Удмуртской) автономных областей и Чувашской автономной республики. Центром края стал город Нижний Новгород¹.

Таким образом, в 1929 г. заканчивался переход от губернско-уездно-волостного деления на новую систему административно-политического деления (область – округ – район) по всей территории РСФСР, завершалась громадой важности реформа в управлении страной.

Реформой административного районирования РСФСР, как и проведением районирования на территории всего Советского Союза, руководила коммунистическая партия. Вопросы районирования обсуждались на съездах и конференциях партии. Центральный Комитет ВКП(б) осуществлял систематическое руководство районированием страны, создав для этого в составе ЦК особую комиссию (Комиссию ЦК по районированию). Наиболее важные и принципиальные вопросы районирования обсуждались на заседаниях Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б).

Образованию областей и краев предшествовала большая подготовительная работа, которую проводили на местах так называемые временные бюро ЦК ВКП(б) и оргкомитеты ВЦИК.

Для практического повседневного партийного руководства реформой административного районирования Центральным Комитетом ВКП(б) в 1928–1929 гг. были образованы на местах (в центрах создаваемых областей и краев) временные областные (краевые) бюро ЦК ВКП(б). Бюро должны были осуществлять политическое и хозяйственное руководство на территориях формируемых областей и краев, а также организационную работу по замене старого и созданию нового партийного аппарата, по подбору кадров в связи с ликвидацией губерний, уездов и волостей впредь до созыва партийных конференций новых административных единиц.

Временные бюро ЦК ВКП(б) были созданы в Воронеже, Саратове, Самаре в 1928 г., в Москве, Смоленске, Архангельске, Иваново-Вознесенске и Нижнем Новгороде – в 1929 г. Бюро составлялись из работников губкомов ВКП(б), губисполкомов и губпланов, входивших в область или край губернии.

¹ В постановлении ВЦИК от 14 января 1929 г. говорилось об образовании Нижегородской области. Рядом последующих постановлений ВЦИК территория области была увеличена и решением правительства от 15 июля 1929г. область была переименована в Нижегородский край.

В центрах создаваемых округов были также образованы на период организационной работы по районированию временные партийные органы – окружные партийные тройки (окрпарттройки); для руководства работой районов – районные партийные тройки (райпарттройки).

Временные бюро Центрального Комитета партии, осуществляя партийное руководство районированием на местах, придавали большое значение популяризации задач районирования, как среди членов партии, так и среди всего населения. Для этой цели прежде всего была использована местная печать. Местные газеты широко освещали ход административного районирования. В них помещались передовые, посвященные этому вопросу, печатались конкретные материалы, обосновавшие образование тех или иных округов и районов (их состав, экономические характеристики, границы, центров и т. п.). Газеты информировали население о трудностях, возникавших в ходе работ по установлению границ областей и краев, сообщали о решениях правительства по вопросам административного районирования.

Для руководства проведением административного районирования по советской линии в центрах создаваемых областей и краев были образованы временные советские органы – организационные комитеты ВЦИК (оргкомитеты ВЦИК). На оргкомитеты ВЦИК была возложена вся организационная работа по оформлению новых административных единиц – областей и краев, округов и районов, по созданию на местах советского аппарата впредь до созыва областных, краевых, окружных и районных съездов Советов. Соответственно в округах имелись окружные организационные комитеты или комиссии (окроргкомиссии), в районах – районные организационные комитеты или комиссии (райоргкомиссии).

Для руководства территориальной перестройкой профсоюзных организаций в связи с административным районированием в центрах областей и краев образовались временные организационные бюро ВЦСПС (оргбюро ВЦСПС), для территориальной перестройки комсомольских организаций – временные бюро ЦК ВЛКСМ.

Компетенция, объем прав и функции органов Советской власти административно-территориальных единиц, созданных в РСФСР взамен губерний, уездов и волостей, определялись «Положением о краевых (областных), окружных, районных съездах Советов и их исполнительных комитетах», издания ВЦИК 6 апреля 1928 г. [8, с. 503].

Краевым и областным органом государственной власти передавались, кроме губернских, некоторые права и функции центрального аппарата, значительно расширявшие компетенцию новых органов в хозяйственно-бюджетном отношении. На основе «Положения» районные организации получили права упраздненных уездов, округа – права губерний. В связи с предстоящим завершением районирования РСФСР постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 22 июля 1929 г. компетенция областных и краевых советских органов была еще более

расширена. В связи с укреплением местных органов власти на местные бюджеты с государственного бюджета преданы многие предприятия и учреждения местного значения [9, с. 729].

К концу 1930 г. было завершено административное районирование РСФСР, в результате чего ликвидирована устаревшая система административно-территориального деления, унаследованная Советским социалистическим государством от царской России.

Территориальная организация Советского социалистического государства, созданная в результате административного районирования, полностью соответствовала новому общественному строю нашей страны, основным функциям социалистического государства, особенностям его государственного механизма, его многонациональному составу.

Источники и литература

1. Сталин И.В. Сочинения. М., 1952. Т. 12. 397 с.
2. Экономическое районирование России. Доклад Госплана III сессии ВЦИК, М., 1922.
3. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1940.
4. Власть Советов. 1928. № 28–29.
5. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1928. № 54.
6. СУ РСФСР. 1928. № 56.
7. СУ РСФСР. 1929. № 10.
8. СУ РСФСР. 1928. № 70.
9. СУ РСФСР. 1929. № 74.

Е. П. Щукина

Почетный архивист Российской Федерации
Государственный архив Липецкой области

Территориальный эксперимент 1954 года. История образования Липецкой области

Аннотация: Статья посвящена 70-летию образования Липецкой области. В ней рассказывается о территориальном эксперименте 1950-х гг., в результате которого на карте РСФСР появилась новая область – Липецкая, которая успешно существует и по настоящее время. Говорится о первых руководителях, возглавивших молодой регион, а также о первых шагах его становления.

Ключевые слова: эксперимент; РСФСР; Липецкая область; Указ Президиума Верховного Совета СССР; становление.

В 1950–1954 гг. в РСФСР был осуществлен эксперимент по дальнейшему разукрупнению ряда средних по размеру единиц

административно-территориального деления. И в январе 1954 г. на окраинах ряда областей центральной части России были образованы сразу 5 новых областей. Это был последний акт процесса разукрупнения, начавшегося еще в 1930 г.

Из пяти новых областей, созданных 6 января 1954 года: Арзамасской, Балашовской, Каменской, Белгородской и Липецкой, жизнеспособными оказались только две с центрами в Белгороде и Липецке.

Белгородская область была создана за счет южных районов Курской и части Воронежской областей, а Липецкая — за счет окраин Воронежской, Орловской, Рязанской и Курской областей

Областные претензии остальных территорий реализованы не были. Между тем стартовые условия у всех были одинаковыми: трудные послевоенные годы, далеко не самая развитая промышленность, скудные урожаи, острый дефицит техники [1, л. 6].

Непосредственно как субъект Федерации Липецкая область была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1954 г. В ее состав вошли города Липецк Воронежской области, Елец Орловской области и 34 района Воронежской, Орловской, Рязанской и Курской областей [2, л. 3].

Из Воронежской области переданы 12 районов: Боринский (упразднен в 1963 г.), Водопьяновский (в 1957 г. переименован в Донской, упразднен в 1963 г.), Грачевский (упразднен в 1956 г.), Грязинский, Дмитришевский (упразднен в 1956 г.), Добринский, Липецкий, Молотовский (в 1957 г. переименован в Октябрьский, упразднен в 1963 г.), Талицкий (упразднен в 1956 г.), Усманский, Хворостянский (упразднен в 1960 г.) и Хлевенский.

Из Орловской области – 9: Волынский (упразднен в 1963 г.), Долгоруковский, Елецкий, Задонский, Измалковский, Краснинский, Становлянский, Чернавский (упразднен в 1960 г.), Чибисовский (упразднен в 1956 г.).

Из Рязанской – 10: Березовский (упразднен в 1959 г.), Воскресенский (упразднен в 1963 г.), Данковский, Добровский, Колыбельский (упразднен в 1956 г.), Лебедянский, Лев-Толстовский, Троекуровский (упразднен в 1963 г.), Трубетчинский (упразднен в 1963 г.), Чаплыгинский.

Из Курской – 3: Больше-Полянский (упразднен в 1956 г.), Воловский, Тербунский [3, л. 545–546].

Территория области составляла 23,8 тыс. км² с населением свыше одного миллиона человек.

Для решения первоочередных задач по устройству Липецкой области в Липецк были направлены первый секретарь Воронежского обкома КПСС Константин Павлович Жуков и инспектор ЦК КПСС, ранее работавший председателем Ярославского облисполкома Николай Семенович Пашкин.

29 января 1954 г. Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил исполнительный комитет Липецкого областного Совета депутатов трудящихся в составе:

председателя исполнительного комитета Пашкина Николая Семеновича; первого заместителя председателя исполнительного комитета Корнеева Николая Степановича;

заместителей председателя исполнительного комитета Гомозова Дмитрия Григорьевича, Дубкова Ивана Алексеевича, Прилепского Ивана Карповича;

секретаря исполнительного комитета Докукина Владимира Александровича;

членов исполнительного комитета Жукова Константина Павловича, Зимина Григория Семеновича, Калганова Михаила Петровича [4, л. 2–3].

Как свидетельствует отчет о работе исполнительного комитета Липецкого областного Совета депутатов трудящихся с января 1954 по ноябрь 1955 г. «Правительство организовало новые области для того, чтобы приблизить советские и партийные органы к населению, к промышленному и колхозно-совхозному производству для дальнейшего развития народного хозяйства и культуры».

В этот же день 29 января 1954 г. Совет Министров СССР принял Постановление № 164 «О мероприятиях по организации Липецкой области», которым «обязал Совет Министров РСФСР построить в 1954–1955 гг. в Липецке Дом Советов объемом 62 тыс. м³, два 64-квартирных жилых дома, здание гостиницы на 100 номеров, гараж на 50 автомашин и стандартные жилые дома общей жилой площадью 2 тыс. м²; выделить в 1954 г. Липецкому облисполкому на строительство этих объектов и на приобретение транспортных средств, инвентаря и оборудования 7,5 млн рублей...» [5, л. 224–228].

14 марта 1954 г. состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Депутатами в Совет Союза Верховного Совета СССР от Липецкой области были избраны:

- Жуков Константин Павлович – секретарь обкома КПСС;
- Козлов Петр Дмитриевич – токарь Липецкого тракторного завода;
- Пашкин Николай Семенович;
- Шепелева Анастасия Павловна – председатель колхоза «Родина»

Краснинского района.

В Совет Национальностей Верховного Совета СССР избран Маршал Советского Союза, первый заместитель Министра Вооруженных Сил СССР Александр Михайлович Василевский.

Первая областная партийная конференция, состоявшаяся 19–20 марта 1954 г., избрала обком КПСС. Первым секретарем обкома КПСС стал Константин Павлович Жуков.

21 марта 1954 г. открылась первая сессия Липецкого областного Совета депутатов трудящихся. На сессии присутствовало 55 депутатов

(депутаты, избранные в состав областных Советов от районов, вошедших в состав Липецкой области, автоматически стали депутатами Липецкого областного Совета). Было рассмотрено много важных вопросов, среди них о составе Липецкого облисполкома. Всего было утверждено 16 управленцев, способных руководить экономикой, медициной, образованием, культурой и др. [6, л. 1–3].

В связи с организацией Липецкой области правительствами СССР и РСФСР были приняты ряд постановлений, направленных на подъем ее хозяйства и культуры: Постановление Совета Министров РСФСР от 31 марта 1954 года № 359 «О мероприятиях по дальнейшему хозяйственному, культурно-бытовому и жилищному строительству в Липецкой области» [7, л. 230–252], Постановление Совета Министров СССР от 13 мая 1954 г. № 894 «О мероприятиях по дальнейшему развитию хозяйственного, культурно-бытового и жилищного строительства в Липецкой области» [8, л. 157–170] и др.

К моменту образования в Липецкой области была высокоразвитая многоотраслевая промышленность: металлургия, машиностроение, электротехническое производство, химическая и пищевая промышленность. Ведущей отраслью являлась тяжелая индустрия. В 1953 г. было произведено 99 тыс. чугунных водопроводных труб, 822 тыс. ЭКМ отопительных радиаторов, 10 тыс. штук тракторов.

Новолипецкий металлургический завод план выпуска валовой продукции в отпускных ценах выполнил на 100,5 %.

В натуральном выражении план выполнен:

- а) по выплавке чугуна литейного на 98,7 %;
- б) по выработке электроэнергии на 100,1 %;
- в) по разделке металлического лома копровым цехом на 108,6 %;
- г) по производству вентиляей на 105,9 %;
- д) по производству вентиляторов «Сирокко» на 101,9 %.

Невыполнение плана выплавки чугуна объяснялось перепростоями доменных печей, переоборудованием их на работу с повышением давления газа под колошником. Доменная печь № 1 перепростояла одни сутки, а доменная печь № 2 – шесть суток.

Коэффициент использования полезного объема доменных печей на уровне плана, то есть 0,99...

С образованием Липецкой области начинается новый этап в ее индустриальном развитии. Первая областная партийная конференция в качестве важнейшей задачи выдвинула решительное улучшение партийного руководства промышленностью, строительством и транспортом с тем, чтобы добиться всемерного роста производительности труда, снижения себестоимости и повышения качества продукции, наиболее полного использования резервов производства, дальнейшего увеличения выпуска продукции на существующих производственных площадях.

Центр работы переносился в цеха, бригады, на производственные участки, которым оказывалась действенная помощь со стороны партийных комитетов. Так, партком Липецкого тракторного завода в течение года (с 15 августа 1953 по 14 августа 1954 г.) обсуждал производственные проблемы на трех общезаводских партийных собраниях, трех собраниях партийно-хозяйственного актива, двух технических конференциях, собрании мастеров и передовиков производства, совещании рационализаторов. На парткоме неоднократно рассматривались отчеты цеховых организаций, вопросы подбора, расстановки и воспитания руководящих кадров, роли коммунистов в укреплении трудовой дисциплины в цехах и бригадах и другие.

По инициативе коммунистов Елецкого завода станочной гидроаппаратуры в каждом цехе были созданы бригады творческого сотрудничества из инженеров, техников и рабочих. Эти коллективы внимательно изучали положение на участках, а затем предлагали, что нужно сделать для улучшения условий труда и повышения его производительности на каждом рабочем месте.

Партком Новолипецкого металлургического завода в апреле 1954 г. провел конференцию на тему «Пути дальнейшего повышения производительности труда и снижения себестоимости выпускаемой продукции». Конференция разработала и приняла рекомендации, осуществление которых помогло улучшить работу завода, поднять производительность труда. Уже к началу марта 1955 г. 546 рабочих НЛМЗ выполнили пятилетние задания и трудились в счет следующей пятилетки.

Вновь образованная Липецкая область имела благоприятные условия для сельскохозяйственного производства. За 725 колхозами было закреплено 1 596 тыс. га земель и более 97 тыс. га пастбищ. Посевная площадь составляла 889,1 тыс. га. На 79 машинно-тракторных станциях (их парк насчитывал более 6 тыс. тракторов и 2,6 тыс. комбайнов), обслуживавших колхозы области, работали 1 298 специалистов.

Однако валовой сбор основных сельскохозяйственных культур в 1953 г. был низким. Всего зерновых собрали 511,8 тыс. т, сахарной свеклы – 231,6 тыс. т, овощей – 64,8 тыс. т. Средняя урожайность зерновых составляла всего 5,4 ц с га. В среднем хозяйства всех категорий в 1953 г. имели 151,8 тыс. коров, 224,9 тыс. свиней. Колхозы и совхозы области производили 13,8 тыс. т мяса, 45,7 тыс. т молока, 9,8 млн штук яиц. Поэтому особое место в деятельности партийных и советских организаций занимали вопросы дальнейшего подъема сельского хозяйства.

Выступая на первой Липецкой областной партийной конференции, Н. С. Пашкин подчеркивал: «Для того чтобы успешно решить задачу крутого подъема всех отраслей сельского хозяйства, необходимо коренным образом изменить методы руководства партийных и советских органов колхозами, МТС и совхозами, поднять производительность труда в сельском хозяйстве, ибо от развития сельскохозяйственного

производства и в первую очередь от увеличения производства зерна в стране зависит наше движение вперед, повышение благосостояния советских людей.

Сейчас все зависит от того, как мы будем руководить сельским хозяйством, как будем доходить до его отдельных участков и практически помогать председателям колхозов и директорам МТС решать неотложные вопросы. Руководить колхозами, совхозами и МТС нужно конкретно, выкорчевывая канцелярщину, бюрократизм в этом деле.

Колхозы и совхозы нашей области имеют все условия для того, чтобы, используя достижения сельскохозяйственной науки, передовой опыт и благоприятные почвенно-климатические условия, добиться получения высоких и устойчивых урожаев всех сельскохозяйственных культур и быстрого подъема продуктивности животноводства...».

1 августа 1954 г. в Москве открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Почетное право быть ее участниками завоевали 540 передовиков колхозного и совхозного производства нашей молодой области. Свои успехи демонстрировали 113 колхозников, механизаторов и работников животноводческих ферм Добринского района.

Газета «Ленинское знамя» писала: «Прекрасным примером может служить участник выставки колхоз «Прогресс» и его люди. Уже много лет здесь выращиваются высокие урожаи сахарной свеклы. За два минувших года средний урожай этой ценнейшей культуры составил 253 центнера с гектара.

Всеобщим уважением и почетом пользуется звеньевая, депутат Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии Евдокия Семеновна Баскакова. Она и ее подруги в прошлом году на своем участке собрали по 405 центнеров сахарной свеклы с гектара.

Имя Евдокии Семеновны Баскаковой первым стоит в списках посланцев добринских колхозников в Москву на Выставку. Вместе с ней на Выставке будут демонстрировать свои успехи звеньевые Прасковья Андреевна Горбачева, Марфа Ильинична Черникова, Марфа Григорьевна Паневина и бригадир полеводческой бригады Николай Никитич Паневин.

Успехи колхозников сельхозартели «Прогресс» в борьбе за высокие урожаи бесспорны. Но это обязывает их работать еще лучше и добиваться все новых успехов. В нынешнем году члены артели прилагают все усилия к тому, чтобы вырастить не менее 400 центнеров сахарной свеклы с гектара на всей площади в 135 гектаров. Прекрасное состояние посевов и тщательный уход за ними красноречиво говорят, что эти обязательства будут выполнены. Уже сейчас вес одного корня сахарной свеклы достигает 200 граммов» [9, л. 1–3].

В 1954 г. во все отрасли народного хозяйства области вложено 348 млн руб. Было развернуто строительство таких объектов, как Дом Советов, гостиница, жилые дома, школы, больницы, Дома культуры,

другие административные здания и сооружения городского хозяйства. Начали работу строительные организации: трест «Горсельстрой», СМУ управления местной промышленности, СМУ облпотребсоюза, областная контора «Сельэлектрострой», трест «Мелиоводстрой», ремонтно-строительный трест, трест благоустройства.

30 июня 1954 г. в поселке ЛТЗ на бывшей улице Маленкова (современная Коммунистическая) открывается новый мебельный магазин, 15 августа в поселке Спиртзавода сдается новый детский садик, а 29 августа трестом «Липецкстрой» были сданы сразу четыре новые школы: в поселках заводов ЛТЗ и «Свободный Сокол» на 960 мест каждая и в поселках Силикатного завода и завода чугунных канализационных труб на 280 мест каждая. По улице Гризодубовой велось строительство детского садика и яслей. В ноябре 1954 г. начались подготовительные работы для строительства пяти многоэтажных домов по улице 9 Мая на 328 квартир с общей жилой площадью 13 683 м². Были заложены фундаменты под здание гостиницы «Металлург» на 77 номеров и магазина; началось строительство Дворца культуры НЛМЗ. В этом же году по улице Сталинской (современной Интернациональной) сдается многоквартирный дом с аптекой, размещенной в первом этаже. Таких темпов строительства в Липецке еще не было.

Серьезным препятствием для развития и сообщения Левобережной и Правобережной части города являлось отсутствие моста через реку Воронеж. Вместо моста был сделан настил из бревен в несколько рядов. На него были уложены трамвайные пути. По нему же шли и автомашины. Под тяжестью трамваев настил прогибался, и колеса намокали в воде. После сильных дождей вода в реке поднималась, и трамваи не ходили. С наступлением весенних паводков плот-настил приходилось вообще разбирать. Зимой весь транспорт в основном передвигался по льду. Дорога эта проходила от улицы Карла Маркса мимо чугунолитейного завода, потом шла по настилу из накатанных бревен к островкам и через островки (район современного городского пляжа) выходила к трамвайному кольцу у Спиртзавода.

В 1954 г. принимается решение о строительстве моста через реку Воронеж чуть ниже существовавшей дамбы по течению реки (открылся 26 октября 1958 г.).

17 апреля 1955 г. газета «Ленинское знамя» сообщала, что в связи с разливом реки Воронеж трамвайный путь, пролегающий через дамбу, был разобран. «Еще не спала полностью вода, а бригады трамвайщиков принялись за его восстановление. Теперь путь и контактная сеть уже готовы к эксплуатации. Как только уровень воды над трамвайными рельсами на дамбе не будет превышать 10 см, трамвайное сообщение с Левобережной частью города возобновится. А пока переправлялись на паромках, катерах, лодках и по Сокольскому железнодорожному мосту» [10, л. 4].

Росло и развивалось транспортное хозяйство. Летом 1954 г. заканчивается реконструкция трамвайной линии от города до тракторного завода. Вместо одной колеи теперь стало две, что значительно улучшило работу транспорта и перевозку пассажиров. Если раньше расстояние от конечной остановки на ЛТЗ и до конечной остановки в городе трамвай проходил за 50–60 минут, то после реконструкции время в пути сократилось до 30–35 минут. Вырос поток пассажиров. Только за 8 месяцев 1954 г. трамваем было перевезено 6 млн 533 тыс. человек.

5 ноября 1954 г., в канун Октябрьской революции, пущены трамвайные вагоны по новой линии от площади Революции по улице Первомайской до Колхозной улицы (ныне площадь Победы) общей протяженностью 4,2 километра.

7 ноября 1954 г. газета «Ленинское знамя» писала: «На днях Липецкая автоконтора получила еще четыре новых пятидесятиместных автобуса ЗИС-155. В праздничные дни по городским маршрутам будут курсировать 12 автобусов и 11 легковых такси «Победа». Для обслуживания линии «город – завод «Свободный Сокол» выделяется дополнительно два автобуса, на линию «город – вокзал» – один автобус. Линию «город – рудник» будут обслуживать три автобуса» [11, л. 4].

В Липецкой области имелась 1 381 школа, в которых обучалось 149 383 учащихся. Кроме того, в школах рабочей и сельской молодежи обучалось свыше 5 тыс. человек.

В связи с организацией области, в г. Липецке открылись областные лечебные учреждения – областная больница на 400 коек, областная детская больница, психо-неврологический диспансер, онкодиспансер, дом санитарного просвещения, станция переливания крови, санавиация, бюро судмедэкспертизы, облсанэпидемстанция и др.

27 февраля 1955 г. состоялись выборы в Верховный Совет РСФСР и местные Советы депутатов трудящихся.

Было избрано 100 депутатов Липецкого областного Совета депутатов трудящихся. На состоявшейся 16 марта 1955 г. первой сессии областного Совета председателем облисполкома вновь был избран Николай Семенович Пашкин [12, л. 1].

Завершался организационный период становления Липецкой области. На повестку дня ставились вопросы созидательного труда...

За успехи, достигнутые трудящимися области в развитии промышленного, сельскохозяйственного производства и в культурном строительстве 4 июля 1967 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Викторович Подгорный подписал Указ «О награждении Липецкой области орденом Ленина» [13, л. 43].

Источники и литература

1. Липецкая область: новые вызовы: общественно-политическое издание / редактор-составитель И. Н. Безбородов. Липецк, 2018. 312 с.
2. Государственный архив Липецкой области (далее – ГАЛО). Ф. Р-408. Б/ф. Оп. 1. Д. 19.
3. Государственный архив Липецкой области: Путеводитель. Липецк, 2013. 648 с.
4. ГАЛО. Ф. Р-408. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАЛО. Ф. Р-408. Б/ф. Оп. 1. Д. 19.
6. ГАЛО. Ф. Р-408. Оп. 1. Д. 1.
7. ГАЛО. Ф. Р-408. Б/ф. Оп. 1. Д. 3.
8. ГАЛО. Ф. Р-408. Б/ф. Оп. 1. Д. 22.
9. Ленинское знамя. 1954. 1 авг. № 118.
10. Ленинское знамя. 1955. 17 апр. № 76.
11. Ленинское знамя. 1954. 7 нояб. № 188.
12. ГАЛО. Ф. Р-408. Оп. 1. Д. 91.
13. ГАЛО. Ф. Р-408. Оп. 1. Д. 265.

М. А. Батавина

Курский государственный университет

Курская областная Дума и вопросы административно-территориального устройства региона

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены проблемы административно-территориальных преобразований в Курской области в период с 1994 по 2013 г., а также вопросы процедуры принятия соответствующих решений региональным органом законодательной власти.

Ключевые слова: Курская областная Дума; административно-территориальное устройство; Курская область.

В отличие от советского периода административно-территориальные преобразования в Курской области в 1990-е – начале 2010-х гг. стали происходить существенно реже, однако не прекратились совсем. По нашему мнению, обусловлено это экономическими причинами (недостаточностью финансирования) и бюрократизацией данного процесса.

Настоящая работа охватывает временной отрезок с 1994 по 2013 гг. Нижняя граница исследования обусловлена началом работы Курской областной Думы первого созыва, которая начала свою деятельность в апреле 1994 года. Верхняя граница – имеющимися на хранении документами Курской областной Думы в Государственном архиве Курской области. Согласно приказу Федерального архивного агентства от 20 декабря 2019 г. № 236 «Об утверждении перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе

деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения» [1] документы постоянного срока хранения передаются на хранение в архив спустя 10 лет после их создания, поэтому они пока недоступны для исследователей. В то же время внутри исследуемого периода можно наблюдать временные лакуны, когда решений об изменениях административно-территориального устройства области не принималось. Это периоды с 1995 по 1997, 2001–2003, 2007–2009, 2012–2013 гг.

В целом за изученные 19 лет Курской областной Думой были приняты 22 нормативно-правовых акта, которые изменяли административно-территориальное устройство региона. Условно их можно разделить на следующие категории:

– регистрация вновь возникших населенных пунктов: таких актов было принято три. 5 августа 1994 г. решением Курской областной Думы № 5 в составе Клюквинского сельсовета Курского района зарегистрирован пос. Маршала Жукова [2, л. 55]; 28 августа 1998 г. постановлением облдумы за № 262-П ОД в Щетинском сельсовете Курского района – пос. Лазурный [3, л. 110]; 27 октября 2011 г. Законом Курской области № 79-ЗКО образован поселок, который был выделен из земель дер. Татаренковой Нижнемедведицкого сельсовета Курского района [4, л. 63]. 17 сентября 2012 г. Постановлением Правительства РФ № 926 ему было присвоено наименование «Северный» [5], в 2014 г. он вошел в состав Курска [6]. Как можно видеть, все новые населенные пункты регистрировались недалеко от Курска, что говорит о тяготении населения к экономическому центру региона;

– исключение из учетных данных переставших существовать населенных пунктов. За изучаемый период были упразднены 20 населенных пунктов шестью постановлениями Курской областной Думы: от 16 апреля 1998 г. № 206-П ОД [7, л. 28], от 18 сентября 1998 г. № 273-П ОД [8, л. 22], от 18 ноября 1998 г. № 311-П ОД [9, л. 53], от 29 декабря 1998 г. № 327-П ОД [10, л. 68–69] и № 3258-П ОД [10, л. 70–71], от 3 июня 1999 г. № 418-П ОД [11, л. 32–33], и два населенных пункта Законом Курской области от 21 июня 2006 г. № 27-ЗКО [12, л. 222]. Фактически все из исключенных населенных пунктов лишились населения гораздо раньше, но продолжали существовать по учетным документам. Подобные случаи имеют место в Курской области и в наши дни;

– изменение статуса населенных пунктов. Подобных актов было принято всего два. Так, 21 октября 2004 г. Законом Курской области за № 47-ЗКО рабочий пос. Первоавгустовский Дмитриевского района понижен в статусе до поселка [13, л. 226], а 10 февраля 2011 г. Законом Курской области № 2-ЗКО дер. Мансурово Мансуровского сельсовета Советского района преобразована в село [14, л. 2–3];

– образование или упразднение сельсоветов. Таких актов за исследуемый период принято четыре: по два об упразднении и создании.

Так, постановлением Курской облдумы от 2 февраля 2000 г. № 539-П ОД в Глушковском районе был упразднен Ходяковский сельсовет, его населенные пункты вошли в состав Сухиновского [15, л. 40], а Законом Курской области от 26 апреля 2010 г. № 26-ЗКО одновременно были упразднены 182 сельсовета во всех районах региона, кроме Октябрьского и Щигровского [16, л. 1–46]. Однако уже 10 сентября 2010 г. Закон Курской области № 64-ЗКО в Обоянском районе восстановил Бабинский и Башкатовский сельсоветы [17, л. 187–189], которые весной этого же года вошли в состав Шевелевского сельсовета. Единственным новым сельсоветом, образовавшимся в изучаемый период, был Петровский Черемисиновского района, созданный на основе выделенного из состава Черемисиновского поссовета села Петрово-Хутарь Законом Курской области от 17 июня 2000 г. № 18-ЗКО [18, л. 84–87];

– переименование сельсоветов. Всего было принято пять Законов Курской области, связанных с переименованиями. Причем, четыре – от 30 декабря 2004 г. № 79-ЗКО [16, л. 181], от 22 июля 2005 г. № 52-ЗКО [19, л. 145–146], от 5 декабря 2005 г. № 82-ЗКО [20, л. 143], от 3 мая 2006 г. № 12-ЗКО [21, л. 135] – это, по сути, устранение ошибок в наименованиях, допущенных при принятии Закона Курской области от 21 октября 2004 г. № 48-ЗКО «О муниципальных образованиях Курской области». Пятый – от 14 декабря 2010 г. № 109-ЗКО [22, л. 252–259] – аналогичное устранение ошибок, допущенных в вышеуказанном Законе Курской области от 26 апреля 2010 г. № 26-ЗКО «О преобразовании некоторых муниципальных образований и внесении изменений в отдельные законодательные акты Курской области».

Как можно видеть, в изучаемые годы имела место тенденция к уменьшению административно-территориальных образований и населенных пунктов в Курской области. Связано это, по нашему мнению, в большинстве случаев с оттоком населения из сельской местности: если в 1993 г. население региона составляло 1 335,1 тыс. человек, в том числе 797,0 тыс. городских и 538,1 тыс. сельских жителей [23, с. 5], то к 2013 г. в области проживали 1 119,3 тыс. человек, из которых 743,8 тыс. горожан и 375,5 тыс. селян [24, с. 34]. Новые населенные пункты образовывались только вблизи Курска – экономического центра региона, что также вполне объяснимо сложившимися социально-экономическими условиями в области.

Что же касается процедуры принятия решений об изменении административно-территориального устройства региона, то она детально оговаривалась Законом Курской области от 15 августа 1996 г. № 1-ЗКО «Об административно-территориальном устройстве Курской области» [25, л. 24–30] в главе 3 «Порядок решения вопросов административно-территориального устройства области».

Во-первых, оговаривались все виды преобразований, а именно: образование, упразднение, слияние, присоединение, установление и

изменение границ, установление и перенесение административных центров, наименование и переименование административно-территориальных единиц и территориальных образований. При этом любые преобразования могут осуществляться только с учетом мнения населения: порядок и формы выявления мнения населения должны устанавливать органы государственного управления и местного самоуправления.

Во-вторых, для решения вопросов преобразования административно-территориального устройства или переименования на этапе подготовки инициативными органами государственного управления или местного самоуправления должны быть подготовлены следующие документы:

- обоснование необходимости предлагаемого преобразования;
- схематическая карта предполагаемых преобразований;
- смета расходов, необходимых для проведения преобразования с указанием источников их покрытия;
- документ, подтверждающий учет мнения населения.

В-третьих, упразднение административно-территориальных единиц и территориальных образований возможно только в случае отсутствия проживающего в них населения.

В-четвертых, особо оговаривались вопросы наименования и переименования административно-территориальных единиц и территориальных образований. При этом имена государственных и общественных деятелей могут присваиваться только в исключительных случаях и только посмертно.

Стоит отметить, что в принятом Курской областной Думой Законе «Об административно-территориальном устройстве Курской области от 5 декабря 2005 г. № 80-ЗКО [13, л.131–137], который заменил аналогичный акт 1996 г., изменений в процедуре административно-территориальных преобразований не было. Данный закон действует и в настоящее время.

Разберем на конкретном примере этапы рассмотрения вопроса административно-территориальных изменений. Как уже упоминалось выше, постановлением Курской областной Думы от 18 сентября 1998 г. № 273-П ОД в Харасейском сельсовете Дмитриевского района упразднено село Быковка, а в Егорьевском сельсовете Касторенского района – дер. Дмитриевка [8, л. 22]. С предложением упразднения этих населенных пунктов перед облдумой 10 августа 1998 г. выступил Губернатор Курской области А. В. Руцкой. К письму прилагались следующие документы:

– пояснительная записка, в которой указывалось, что с 1990 г. в с. Быковка никто не проживал в связи с отсутствием дороги с твердым покрытием до села и культурно-бытовых условий. Аналогичными были условия и в дер. Дмитриевке;

– письма глав администраций Касторенского района В. И. Григорова от 21 мая 1998 г. № 507 и Дмитриевского района Н. Куставинова от

16 июня № 210 на имя губернатора об упразднении вышеуказанных населенных пунктов;

– письма глав сельских администраций Егорьевского сельсовета В. К. Коняхина от 15 мая 1998 г. № 507 и Харасейского сельсовета О. А. Устиновой от 29 мая 1998 г. № 17 на глав своих районов с просьбами об упразднении Дмитриевки и Быковки;

– выписка из протокола Собрания депутатов Егорьевского сельсовета Касторенского района от 21 апреля 1998 г. о принятии решения об упразднении дер. Дмитриевки в связи с тем, что «д. Дмитриевка более 2-х лет не существует. Дома разрушены и снесены, население отсутствует. Деревня удалена от райцентра на 16 км, от центральной усадьбы на 1 км, от ближайшей станции на 5 км. Дороги нет. Данная деревня не перспективная и ее нужно упразднить»;

– копия протокола Собрания депутатов Харасейского сельсовета Дмитриевского района от 29 мая 1998 г. № 6, по итогу которого принято решение «об исключении из муниципального образования Харасейский сельсовет село Быковку» [26, л. 10–25].

Как мы можем видеть, исходя из вышеперечисленных документов, процедура преобразования (в данном случае упразднение населенных пунктов) административно-территориального образования, во-первых, была полностью соблюдена, а, во-вторых, заняла менее полугода. Аналогичным образом принимались решения и о других преобразованиях, происходивших в изучаемый нами период, а в ряде случаев и еще быстрее.

Подытоживая, отметим, что, будучи органом законодательной власти региона, Курская областная Дума в течение 1994–2013 гг. рассматривала различные вопросы, связанные с административно-территориальными преобразованиями. В большей степени эта работа касалась упразднения населенных пунктов и преобразования сельсоветов, что напрямую связано с социально-экономическими и демографическими процессами, происходившими в области.

Источники и литература

1. Об утверждении перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения / приказ Федерального архивного агентства от 20 декабря 2019 г. № 236 [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345020/ (дата обращения: 29.02.2024).
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 5. Л. 55.
3. ГАКО. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 130.
4. ГАКО. Ф. Р-3360. Оп. 2. Д. 2409.
5. Городские известия. 2012. 22 сент.

6. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Курской области / Закон Курской области от 10 июня 2014 г. № 34-ЗКО [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/463604071?marker> (дата обращения: 01.03.2024).
7. ГАКО. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 118.
8. ГАКО. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 134.
9. ГАКО. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 141.
10. ГАКО. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 149.
11. ГАКО. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 189.
12. ГАКО. Ф. Р-3360. Оп. 2. Д. 1538.
13. ГАКО. Ф. Р-3360. Оп. 2. Д. 1202.
14. ГАКО. Ф. Р-3360. Оп. 2. Д. 2403.
15. ГАКО. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 232.
16. ГАКО. Ф. Р-3360. Оп. 2. Д. 2212.
17. ГАКО. Ф. Р-3360. Оп. 2. Д. 2215.
18. ГАКО. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 246.
19. ГАКО. Ф. Р-3360. Оп. 2. Д. 1377.
20. ГАКО. Ф. Р-3360. Оп. 2. Д. 1378.
21. ГАКО. Ф. Р-3360. Оп. 2. Д. 1538.
22. ГАКО. Ф. Р-3360. Оп. 2. Д. 2218.
23. Курская область. Справочник административно-территориального деления на 1 января 1993 г. Курск, 1993. 160 с.
24. Статистический ежегодник Курской области. 2013: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. Курск, 2013. 437 с.
25. ГАКО. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 33.
26. ГАКО. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 135.

ЛИЧНЫЙ ФАКТОР В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

П. Н. Гордеев

доктор исторических наук

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена

«Было и нет, как дни свободы»:

Жизнь и деятельность Е. К. Малиновской в Нижнем Новгороде во время Первой российской революции

Аннотация. В жизни видной советской театральной деятельницы Е. К. Малиновской особое место занимали годы Первой российской революции. Она принимала активное участие в революционных событиях в Нижнем Новгороде, состояла в активной переписке с А. М. Горьким, тесно общалась с его супругой Е. П. Пешковой. Деятельности Малиновской в это время посвящена статья, основанная на материалах 6 архивов.

Ключевые слова: Нижний Новгород; революция 1905 г.; Е. К. Малиновская; П. П. Малиновский; А. М. Горький; Е. П. Пешкова.

Выдающаяся деятельница советского театра, многолетний директор Большого театра Елена Константиновна Малиновская (1875–1942) молодые годы провела в родном для нее Нижнем Новгороде. Вместе со своим мужем, архитектором (в 1918 г. – наркомом имуществ Республики) Павлом Петровичем Малиновским они входили в окружение А. М. Горького, совместно с которым и с еще несколькими пайщиками в 1903–1904 гг. руководили созданным ими общедоступным театром в нижегородском Народном доме [1, с. 16–22]. Крушение театрального предприятия (по ряду причин, среди которых было и финансовое положение, и конкуренция со стороны уже существовавшего городского театра, и потеря интереса к этому проекту у уехавшего с берегов Волги Горького) стало болезненным ударом для Малиновской, но к тому времени в ее жизнь вошла всерьез и другая страсть – революция. В написанных много лет спустя «партийных» воспоминаниях она вспоминала о том, что Горький, «собираясь окончательно покинуть Нижний Новгород <...> передал меня в 1903 году в распоряжение большевика А. В. Яровицкого» [2, л. 1]. Яровицкий, член первого Нижегородского комитета РСДРП, поэт и прозаик (писал под псевдонимом А. Корнев), был на год младше Малиновской [3, с. 7–8], но оказался одним из ее учителей в науке подполья.

К этому времени семья Малиновских уже настолько втянулась в «освободительное движение», что стала упоминаться в переписке

Нижегородского охранного отделения. В июне 1903 г. в делопроизводстве отделения было отмечено о необходимости составления справки «о революционной совместной деятельности» известного нижегородского врача и революционера Н. И. Долгополова «с супругами Малиновскими» [4, л. 10 об.], в этом же месяце было зафиксировано посещение квартиры Малиновских принимающим «активное участие в революционной деятельности» Г. В. Грейбергом [5, л. 56]. П. П. Малиновский вспоминал, что он уже в 1901 г. «привлекался к дознанию по делу демонстрации в связи с высылкой М. Горького в Крым» [6, л. 84]. В конце 1903 г. местных социал-демократов постигло несколько ударов. 22 ноября 1903 г. от брюшного тифа умер Яровицкий, похороны которого два дня спустя превратились в общественную демонстрацию [3, с. 64–66]. «Смерть А<лексея> В<асильевича> ошеломила меня», писал Горький Малиновской, вероятно, присутствовавшей на похоронах и информировавшей о них уехавшего в Петербург писателя. «Настроение – скверное, ибо если сравнить его жизнь с моей, – моя построена неважно, недостойно» [7, с. 225]. 7 декабря 1903 г. нижегородские революционеры провожали в последний путь другого своего товарища – политического ссыльного, библиографа и журналиста А. В. Панова. Присутствовавший в день похорон на Петропавловском кладбище сотрудник охранного отделения насчитал более 80 провожающих, в том числе Е. П. Пешкову, Я. М. Свердлова и Е. К. Малиновскую [8, л. 28].

К 1904 г., вообще отмеченному оживлением оппозиционного движения, семья Малиновских уже глубоко втянулась в борьбу с правительством. Павел Петрович вспоминал, что к этому времени он из-за своей общественной позиции, а также разразившегося вследствие войны с Японией экономического кризиса потерял многие заказы («поддерживали меня тогда работой оппозиционно настроенные в то время сектанты»), в декабре 1904 г. был ранен при разгоне полицией митинга в Народном доме («травма ножнами шашки надбровной дуги и глаза (все чаще и чаще напоминающая о себе страшными головными болями и временной слепотой), травма грудной клетки»), а в начале января 1905 г. подвергся обыску, сопровождавшемуся «разгромом квартиры, чердака, служб, насилием над детьми» [6, л. 85–86]. Окружение Е. К. Малиновской придерживалось пораженческих взглядов. Около 11–12 декабря 1904 г. А. М. Горький писал ей из Риги: «Весна проходит – ибо <...> источник тепла маршал Ойяма – плохо делает весну, а либералы без Ойямы ничего не могут. Российский человек всегда жил толчками извне, и если их нет – что поделаешь?». Писатель добавил к этим позорным строкам совет ждать «дальнейших поступков японского маршала» [9, с. 197].

В течение 1905 г. Горького писал Малиновской нечасто (помимо занятости, его тяготил долг, взятый у Малиновских еще в Нижнем Новгороде и который, несмотря на растущую всероссийскую, даже всемирную известность он так и не мог отдать в течение двух лет,

предлагая в сентябре 1905 г. расплатиться паем газеты «Нижегородский листок» и долговым обязательством третьего лица [9, с. 65, 70; 10, с. 92–93]), но из его переписки с Е. П. Пешковой известно, что Малиновская была участницей демонстрации 9 июля 1905 г. [10, с. 70, 72, 330], посвященной полугодовщине Кровавого воскресенья. Многочисленная демонстрация сопровождалась значительным насилием с обеих сторон, произошедшим на следующий день погромом, борьбой вооруженных «боевых дружин» революционеров и черносотенцев 10–11 июля [11, с. 63–74]. 10 июля на Острожной площади случилось трагическое происшествие. Революционно настроенный аптекарь А. К. Гейнце (в прошлом член правления общедоступного театра в Народном доме [1, с. 20]) во время демонстрации выстрелил в «проправительственно настроенных горожан», ранив извозчика; в ответ толпа «на смерть растерзала» Гейнце [12] (по воспоминаниям актера М. С. Нарокова, «человека высокой порядочности» [13, л. 696] – но, видимо, невысокой сдержанности). Малиновская была поражена смертью товарища. «[Из] знакомых убит один Александр Карлович жди вестей не приезжай. Ужасно. Елена» – телеграфировала она Е. П. Пешковой 12 июля 1905 г. [14, л. 1].

В 1930 г., составляя краткую автобиографию (необходимую для вступления в Общество старых большевиков), Малиновская вспоминала об этом периоде своей жизни: «С 1905 г. я член партии. Мне поручено было заведовать финансами нижегородской организации, добывать которые мне удавалось легче и лучше, чем другим товарищам, благодаря общественному положению мужа – архитектора. Затем на меня же возложена была обязанность печатать на восковой бумаге выходящую литературу, для чего мне предоставлена была пишущая машинка. На квартире у нас часто происходили собрания, через меня пряталась литература, доставала заработок товарищам, участвовала в организации различных кампаний, вообще старалась быть полезной, исполняя самые разнообразные поручения». Порой они выходили за пределы Нижнего Новгорода: «В 1906 г., отправившись в Москву за лекторами, я связала московскую организацию с нижегородской» [15, л. 22]. Последний факт подтверждал в 1924 г. И. И. Скворцов-Степанов, в партийной характеристике Малиновской указывавший: «Тов. Елену Константиновну Малиновскую знаю года с 1906, когда через меня она связала нижегородскую организацию нашей партии с московской организацией. Через нее мы отправляли издаваемую нами в Москве литературу» [16, л. 14]. П. П. Малиновский, избранный в 1905 г. в гласные Нижегородской городской думы, «находился под постоянной угрозой персональной расправы со мной “черной сотни” и поэтому должен был прибегать ко всевозможным маневрам, чтобы не попасть к ней в лапы, особенно при передвижениях, временно скрываться в городе и за городом, рассовывать семью по знакомым <...> совершенно неожиданно появляться в Думе и так же исчезать из нее окольными путями и т. д., испытывая постоянную

трепку нервов». В январе 1906 г. «горбуржуазия и дворянство» Нижнего Новгорода, вспоминал Малиновский, «не успевшие расправиться со мной дубьем, расправились рублем, выставив меня отовсюду с работы, кроме Губземуправы, где я нужен был еще для завершения начатых работ, и лишила заработка при десятке у меня едоков» [6, л. 87].

Положение семьи становилось трудным. «У него ни одной работы, а запасы наши – Моховые горы – что с ними делать сейчас? Ни один дурак не купит. <...> Работы ни одной, потому что у него были только земские в городе и уездах – все они закрыты за отсутствием финансов», писала Е. К. Малиновская Е. П. Пешковой в феврале 1906 г. о своем муже и их даче в поселке Моховые горы. В том же письме, перечисляя репрессии в отношении революционеров и упомянув о деятельности нижегородского губернатора К. П. Фредерикса, она обрисовала мрачную для своих единомышленников картину угасания революционной волны: «Фредерикс поехал за инструкциями, по возвращении ждут новых арестов и высылки. В городе мертво пока, даже и не тянет выходить, хоть и нельзя еще» [17, л. 2–2 об.]. В этих условиях партийная работа П. П. Малиновского в 1906 г. свелась к добыче средств на революционную деятельность (прежде всего, для арестованных и сосланных) «путем плохо удававшихся теперь сборов, устройства совместно с т. Малиновской <...> концертов и лекций». Если верить написанным казенным языком воспоминаниям Павла Петровича, и в «период реакции» он неустанно пытался расширять «партсвязи», устанавливая их, в частности, с городской и окружной «военной организацией»; впрочем, эту опасную работу он осуществлял «через т. Малиновскую» [6, л. 87–87 об.]. По воспоминаниям хорошо знакомого с Малиновского большевика (впоследствии литературоведа) В. А. Десницкого, Елена Константиновна «работала» очень осторожно, была «сугубо конспиративна» [18, л. 21].

В окружение семьи Малиновских помимо Десницкого входили и другие известные большевики, в том числе А. М. Лежава (в будущем нарком внутренней торговли), Н. А. Семашко (нарком здравоохранения). Много позднее, в 1924 г., Семашко, давая «партхарактеристику» Малиновской для Общества старых большевиков, писал ей: «Охотно свидетельствую, что знал Вас по партийной работе в Н. Новгороде в 1905–6 годах. Вы тогда заведовали финансовой частью нашего Комитета, причем Вы были не какой-нибудь сочувствующей дамой, а партийным членом нашей организации, деятельной большевичкой. Вы продолжали эту работу и после разгрома нашей организации в декабре 1905 года» [16, л. 17]. А. М. Лежава в подобной же характеристике вспоминал, что знал Малиновскую с 1904–1905 гг.: «У меня в памяти сохранилась большая близость ее в то время к нашей партии; знаю, что многие наши активные товарищи пользовались большими услугами и помощью с ее стороны». В судьбе самого Лежавы Малиновская сыграла определенную роль: «Мне лично в 1906 году, после выхода из тюрьмы, когда нужно было скрыться

из Нижнего Новгорода, повидавшись с некоторыми товарищами, пришлось воспользоваться ее услугами» [16, л. 15]. Большевику З. Я. Литвину-Седому, находившемуся под надзором полиции, в конце 1904 и начале 1905 г. «несколько раз приходилось конспират[ивно] бывать у Малиновской по финансовым вопросам», а у «ее мужа архитектора – по вопросам устройства на работу поднадзорных. Его мы считали либералом, а ее – работником при верхах». «От ряда товарищей» Литвин-Седой помнил «о ней отзывы, как о своем человеке, знающей все в организации Р. К. П.» [16, л. 12]. Наконец, видный советский профсоюзный деятель Г. Н. Мельничанский подтверждал свое знакомство с Малиновской с 1906 г.: «Я тогда работал профессионалом в Нижегородской организации, был членом Нижегородского Комитета, а товарищ Малиновская заведовала нашими финансами, присутствовала на заседаниях Н. К., налаживала наши финансы устройством лекций и концертов» [16, л. 13].

Важными для Малиновской в это время оставались отношения с Е. П. Пешковой, ставшей ее близкой подругой, и А. М. Горьким, перед талантом и личностью которого Елена Константиновна преклонялась. «Я не могу поверить, чтобы ты так покончила. Не день, не два, а почти 6 лет жили мы общей жизнью и все это в один час летит. Было и нет, как дни свободы. <...> Никогда, ни один момент за все время я не солгала тебе, никогда не было в моем отношении к тебе фальши, лжи, личного интереса, чувство было самое глубокое, на кот[орое] я способна, искреннее, чистое, бескорыстное. Такого у меня не было и нет ни к кому другому», писала Малиновская Пешковой в августе 1906 г. после произошедшей между ними временной размолвки. В самом конце письма Малиновская коснулась, по-видимому, той темы, которая чуть их не поссорила, уверяя подругу, что к «А. М.» (Горькому) «обычных отношений, чувств к нему нет, мне его не надо тоже, он внутри живет» [19, л. 1, 2–2 об.]. В другом письме, написанном примерно в то же время, Малиновская вновь попыталась развеять подозрения Пешковой, и без того уже травмированной любвеобильностью Горького: «Я имею право сказать, что на предательство не способна вообще, тебя же и Максима – верь, родная, верь, голубка моя, я никогда тебя не обманывала. Были у меня неловкие фразы относ[ельно] А.М., п[отому] ч[то] я не знала наверное, веришь ли ты, что у меня к нему не чувство женщины» [20, л. 1 об. – 2].

Смерть 16 августа 1906 г. дочери Горького и Пешковой Кати, заболевшей на даче Малиновских (куда она приехала вместе с матерью), а скончавшейся, по некоторым данным, в их городской квартире [21, с. 181], стала еще одной, трагической темой переписки Малиновской и Пешковой. Вскоре после этого Елена Константиновна писала безутешной матери (пытаясь оправдаться, как хозяйка дома): «Повторяю – не виновата, но много бы дала, чтобы быть все в [так в тексте – П. Г.] то время с тобой и простить не могу, что уговорила тебя переехать. Хотя это опять не разум говорит, а что-то другое. По совести говорю, что не могла она от дачи

заразиться. Я сама продезинфицировала ее, на случай, т. к. заразы не было – девочка в день отъезда заболела дизентерией, не чем другим. Не обеляя себя, говорю – не внушай себе, что ты виновата, что поместила ее туда. Врачи не знали ее раньше – но ведь столько же данных думать, что это мозговая болезнь на почве туберкулеза. Ведь всю ее жизнь это давало себя чувствовать. Я наказана за желание быть с тобой...». Впрочем, даже в таком письме практичная Малиновская не удержалась от обсуждения ближайших планов, в которые входила и поездка в Москву с остановкой у подруги («Я рассчитываю пробыть у тебя 1–2 недели. Уж чтобы дополнить – хотелось бы и искусство понюхать, в Худ[ожественный] театр сходить и т. п.»), а также лаконично поведала о мрачных перспективах для нижегородских революционеров: «И у нас военно-полевой суд – это наплевать, но есть 6 кандидатов к см[ертной] казни, а двое верных» [22, л. 1–1 об., 2 об. – 3, 4].

В написанном в октябре 1906 г. очередном письме к Пешковой Малиновская, уговаривая подругу ехать к Горькому (неверному, но все еще любимому мужу) в Италию («Как ты можешь сомневаться. Обязательно надо ехать. Ведь А.М. искренне хочет видеть вас, ведь он же не может сюда приехать – это было бы безумием. Я уверена, что А. М. сейчас особенно хочет видиться и сейчас отказать ему преступно»), делилась новостями: «В. А. [Десницкий] покинул нас решительно, только на побывку ездит. Я плачу. Просила у него протекции места корректорши <...> за 50 р. – обещано. Не слыхала ли, где Сулер [режиссер Л. А. Сулержичский – П. Г.]? Мне необходим его адрес. Все он вертится около Худ[ожественного] театра и около “Студии”». Резкий характер Елены Константиновны сказывался в ее подчас нетерпимом отношении к людям. О некоем юноше, которому Пешкова просила оказать помощь (видимо, в литературном мире), Малиновская писала: «Твоего мальчика мне жаль, но он меня до иступления доводит. Ходит ежедневно, сядет и скулит – я ему вчера повеситься предложила. Не туда он попал, куда следует, ему еще пеленки нужны, да мамки. Но товарищи его свиньи, не помогают ничуть». Впрочем, автор письма и сама находилась в стесненном положении, то ли в шутку, то ли всерьез думая об отъезде: «Сколько народу здесь работы ищут, прямо ужас берет, а везде все сокращается, ничего нет. Как хочу тебя видеть, страсть. “Отдыхать” в Крыму мы не будем – не на что, строй виллу, зови П[авла] строителем, а меня учительницей (я хорошо слевой [сын Е. К. Малиновской – П. Г.] занимаюсь), приедем» [23, л. 1, 3–3 об.].

Между тем жизнь в губернском городе семьи Малиновских, столь сильно скомпрометировавшей себя открытым участием в революционном движении, становилась все менее приятной. Идея отъезда постенно из шуточного предположения приобретала реальные черты. П. П. Малиновский уже весной 1907 г. «нервно заболел» и выехал за границу «в качестве вожатого небольшой группы молодежи», отдохнув в

Италии вместе с семьей А. М. Горького. По возвращении, летом 1907 г. предприняли попытку «учинить над ним расправу» на его даче на Моховых горах – впрочем, неудавшуюся «благодаря предупреждению распропагандированных мною ранее крестьян, вывезших меня в последний момент из леса на лошади, в замаскированном виде». Одновременно архитектор-большевик получил предупреждение от П. В. Шереметева, хозяина замка в селе Юрино (который для него перестраивал Малиновский), «молодого черносотенца-аристократа, владельца лесных богатств и дворца в Юрине, болевшего манией строительства и скупца, несмотря на классовую ненависть, бывшего поклонником моих художественно-архитектурных и строительных талантов о том, что мне пора убирать ноги из Нижнего» [6, л. 88 об. – 89]. Павел Петрович, задумывавшийся о переезде в Москву как минимум с 1904 г. (тогда Горький отсоветовал, сославшись, в письме от 16 мая 1904 г., на мнение С. Т. Морозова о том, что сейчас строительный кризис и время для переезда неудачное [9, с. 84]), на этот раз стал интенсивнее искать работу в древней столице. Переезд был решен.

Источники и литература

1. Гордеев П.Н. «На моей обязанности было доставать все, что надо...»: Е. К. Малиновская, А.М. Горький и общедоступный театр в Нижегородском Народном доме // Люди и судьбы. XX век: материалы Всероссийской научной конференции. Курск, 17 февраля 2023 г. / под ред. Э. А. Кудрявцева. Курск, 2023. С. 16–22.
2. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18.
3. Фарбер Л.М. А. В. Яровицкий. Горький, 1964.
4. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 916. Оп. 1. Д. 10.
5. ЦАНО. Ф. 916. Оп. 1. Д. 9.
6. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 108. Оп. 1. Д. 93.
7. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 3. М., 1997.
8. ЦАНО. Ф. 916. Оп. 2. Д. 1.
9. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 4. М., 1998.
10. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 5. М., 1999.
11. Нечаев И.Л. Революция 1905 года в Нижегородском крае. Нижний Новгород, 1931.
12. Радьков А.Г. Нижегородское охранное отделение [Электронный ресурс] // URL: <https://statehistory.ru/4663/Nizhegorodskoe-okhrannoe-otdelenie/> (дата обращения: 12.01.2024).
13. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 24а. Л. 696.
14. Институт мировой литературы РАН (далее – ИМЛИ). Архив Горького. ФЕП-кр 39–1–1.
15. РГАЛИ. Ф. 1933. Оп. 2. Д. 293.
16. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1183.
17. ИМЛИ. Архив Горького. ФЕП-кр 39–1–2.
18. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 439. Картон 9. № 33.
19. ИМЛИ. Архив Горького. ФЕП-кр 39–1–3.
20. ИМЛИ. Архив Горького. ФЕП-кр 39–1–4.

21. Екатерина Павловна Пешкова. Биография: Документы. Письма. Дневники. Воспоминания. / авт.-сост. Л. Должанская. М., 2012.
22. ИМЛИ. Архив Горького. ФЕП-кр 39–1–5.
23. ИМЛИ. Архив Горького. ФЕП-кр 39–1–6.

Т. А. Савинова

кандидат экономических наук
Российский государственный архив экономики

**Александр Александрович Рыбников,
как экономикогеограф**

Аннотация. В статье кратко рассматривается научная деятельность одного из экономистов организационно-производственной школы – А. А. Рыбникова, отмечается многогранность его научных интересов. Особенное внимание уделяется работам ученого по экономической географии, наиболее значительными из которых были его исследования засушливых районов Юго-Востока, Центральной промышленной области, а также обобщающий опыт экономиста общий курс экономической географии, которую ученый определял, как науку, прежде всего, экономическую.

Ключевые слова: организационно-производственная школа; Юго-Восток; засушливые районы; Центральная промышленная область; экономическая география.

Научные интересы одного из экономистов организационно-производственной школы Александра Александровича Рыбникова (1877–1938) были чрезвычайно широки: льноводство, бюджетные исследования, кустарная промышленность, кооперация, экономика сельского хозяйства, история народного хозяйства, торговли и городов, но к какой бы области не относилось его исследование, в нем обязательно был учтен географический фактор. Часто это отражалось уже в названии работы, как например, в одной из первых – «Очерк положения крестьянского льноводства в Смоленской губернии» [1] или одной из последних, неопубликованной – «География сельскохозяйственных природных ресурсов льноводной полосы СССР и расстановка вегетации волокнистого льна» [2]. Историей и географией ученый увлекался с детства. В молодости ради путешествия на пароходе из Одессы во Владивосток он без сожаления сменил спокойную должность в столичном банке на место бухгалтера в торговом доме дальневосточной фирмы «Чурин и К^о».

В 1920-х гг. Рыбников практически полностью сконцентрировался на вопросах экономической географии. Главной темой саратовского периода работы ученого стало изучение проблем развития сельского хозяйства Юго-Востока, борьбы с засухой и обоснования экономического

районирования этого региона. В 1921 г. на заседании сельскохозяйственной секции Госплана он делает два доклада: «Эволюция сельского хозяйства Юго-Востока» и «О восстановлении кустарной промышленности». В докладе «Эволюция сельского хозяйства Юго-Востока» освещались проблемы переживавшего засуху Поволжья на основе обширного исторического и статистического материала. «За последние полвека – с 1872 по 1921 г., – указывал Рыбников, – Поволжье было поражено засухой и голодом тринадцать раз. В великие ворота между Каспием и Уралом врывается на Русскую равнину азиатская пустыня. Дать ей надлежащий отпор, выгнать неурожай за эти ворота – это значит удалить с карты Европы географически закрепленные за царем-голодом районы» [3, с. 30]. Экономист не оставлял эту тему и позднее. Одной из крупных работ стало вышедшее в 1929 г. под редакцией Рыбникова исследование «Влияние улучшенного транспорта на организацию и доходность сельского хозяйства Юго-Востока». Его соавторами были А. Н. Ракитников, Н. П. Юньева, Е. В. Сагайдак-Соловьева. Рыбниковым были написаны первый, второй и третий отделы, исследование было снабжено огромным количеством диаграмм, картограмм, графиков и таблиц. В предисловии, написанном «скромником» под именем Н. В. Крайплан, отмечается, что надобность в этой работе отпала, так как она имела целью экономическое обоснование проекта Саратово-Миллеровской железной дороги в связи с проектом Волго-Донского канала. Теперь же строительство канала не нуждается в обосновании, как и строительство Днепрогэса, но работу все же решили опубликовать ввиду того, что «в исторической части профессору Рыбникову и его сотрудникам удалось дать чрезвычайно интересный и, в общем, содержательный анализ вопроса, очень мало изученного в русской экономической литературе» [4, с. 2]. Далее отмечается великолепное владение материалом, а вот применение теории штандорта к экономическим процессам в деревне объявляется примитивным приемом.

В 1922 г. Рыбников был приглашен на работу в Москву, где начал читать курс сельскохозяйственной экономики и экономической географии в Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева (ТСХА), профессором которой он являлся до мая 1929 г. К 1925 г. ТСХА была самой крупной сельскохозяйственной высшей школой в мире. На трех ее факультетах (агрономическом, экономическом и инженерном) обучалось около трех тысяч студентов. Вторая по величине академия – Берлинская – была в два раза меньше. Экономический факультет готовил организаторов сельского хозяйства, руководителей совхозов, участковых агрономов и кооперативных работников. Факультет размещался в Кленовой аллее на последнем этаже большого трехэтажного здания. Кафедрой организации сельского хозяйства руководил профессор А. В. Чаянов, кафедрой планирования сельского хозяйства – профессор Н. П. Макаров, кафедрой районирования сельского хозяйства – профессор А. Н. Челинцев, кафедрой

экономической географии – профессор А. А. Рыбников. «Тимирязевка» стала не только крупнейшим учебным центром, но и самым большим сельскохозяйственным научно-исследовательским учреждением. Педагогическая работа Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики (НИИСХЭ), возглавляемого А. В. Чайновым, велась, главным образом, в его основных семинарах. Участники семинара Рыбникова по экономической географии проводили народнохозяйственное описание Казахстана и составляли экономическую характеристику района междуречья Волги и Дона.

С 1926 г. Рыбников стал активно участвовать в секции экономической географии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), которую возглавил Н. Н. Баранский. Он же возглавлял кафедру экономической географии во 2-м МГУ (впоследствии преобразованном в Московский педагогический институт им. Ленина), где Рыбников читал курс «Введение в экономическую географию», а с февраля по май 1930 г. – курс экономической географии сельского хозяйства на географическом отделении I МГУ.

В конце 1920-х гг. ученый много внимания уделял изучению развития хозяйства Центральной промышленной области. Особенно интересны его статьи «Экономические профили в системе изучения закономерностей хозяйственных явлений в пространстве» и «Генезис хозяйства Центральной промышленной области», которая была извлечена из более обширного историко-географического исследования, оставшегося незавершенным. В этой статье ученый подходит к одному из самых важных вопросов экономико-географической науки – к проблеме формирования старых промышленных районов. Как отмечал Рыбников, «в русской исторической литературе этот вопрос освещался больше со стороны политической и оставался недостаточно исследованным с экономико-географической точки зрения» [5, с.165].

В 1930 г. опубликована последняя работа профессора Рыбникова, которую можно назвать и наиболее значительной из всех его работ. Учебник – «Основные вопросы экономической географии: с приложением вопросов и задач». В предисловии автор отметил главную задачу курса – доказать, что экономическая география – наука экономическая, которая до последнего времени была крайне бедна самостоятельными исследованиями изменений хозяйственных явлений в пространстве, закономерностей географического пространственного разделения общественного труда. Основу работы фактически составил курс лекций, читанных автором на протяжении нескольких лет в различных вузах Москвы и постоянно совершенствуемый. В первой главе Рыбников дает генезис экономической географии как науки, характеризуя при этом работы своих предшественников Н. П. Огановского, П. Г. Тимофеева, П. Г. Борисова. Первая попытка создания курса экономической географии для высшей школы была сделана В. Э. Деном в 1908 г. Курс имел

отраслевое направление и представлял собой описание, основанное на обширных статистических данных. Впоследствии Ден признал необходимость сочетания отраслевого и районного направлений в экономической географии и экономико-статистического анализа, переработал свой курс, который вышел в 1924 г. Также Рыбников анализирует сочинения своих товарищей и коллег – Н. Н. Баранского и О. А. Константинова, подтверждает чрезвычайную полезность статьи А. В. Чаянова «Номографические элементы экономической географии» (1921) и статьи А. Н. Челинцева «Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии эволюции» (1910).

При этом основным недостатком большинства перечисленных работ он считает их излишнюю описательность, тогда как, «основным методом для изучения пространственной обусловленности хозяйственных явлений мы признаем свойственный всем экономическим наукам хозяйственный расчет». Экономической географии он давал следующее определение: «Экономической географией мы называем такую отрасль общественно-экономических наук, которая изучает размещение хозяйственных явлений в пространстве, связанного общественным разделением труда» [6, с. 38–39].

Из-за репрессий, обрушившихся на отечественных ученых в 1930-х гг., в том числе и на экономистов организационно-производственной школы, наша наука очень много потеряла, особенно в теоретической, фундаментальной части, не стала здесь исключением и экономическая география.

Источники и литература

1. Рыбников А.А. Очерк положения крестьянского льноводства в Смоленской губернии. Смоленск, 1911. 4, 33 с.
2. Российский государственный архив экономики. Ф. 9470. Оп. 1. Д. 18.
3. Рыбников А.А. Эволюция сельского хозяйства Юго-Востока: (К вопросу об организации сельского хозяйства в засушливом крае): Доклад в Сельскохозяйственной секции Государственной общеплановой комиссии при СТО. М., 1921. 32 с.
4. Влияние улучшенного транспорта на организацию и доходность сельского хозяйства Юго-Востока / под ред. А. А. Рыбникова. Саратов, 1929. 171 с.
5. Рыбников А.А. Генезис хозяйства Центральной промышленной области // Экономико-географический сборник / под ред. Н. Н. Баранского, С. В. Бернштейн-Когана, А. А. Рыбникова, Л. Д. Лисицкого. М., 1929. С. 165–194.
6. Рыбников А.А. Основные вопросы экономической географии: с приложением вопросов и задач. М., 1930. 256 с.

С. В. Неганов

Пермский государственный архив социально-политической истории

**Об актуальности публикации книги М. Г. Торновского
«От Господина Великого Новгорода до Великого океана
(историко-социально-экономические записки)»
и о судьбе ее автора**

Аннотация. В статье рассказано о публикации рукописи книги М. Г. Торновского «От Господина Великого Новгорода до Великого океана». В книге описана история развития России на Востоке, освоения ее азиатских территорий и взаимоотношений с соседями в Азии. В книге нашли отражение идеи евразийства ее автора – боевого офицера Российской Императорской армии, одного из организаторов Белого движения, эмигранта, поддержавшего СССР после начала Великой Отечественной войны и вернувшегося на родину в 1947 году. В статье раскрывается актуальность публикации данной рукописи.

Ключевые слова. Михаил Георгиевич Торновский; Россия и Азия; евразийство; публикация документа; Белое движение

В конце 2023 года московское издательство КМК совместно с Пермским государственным архивом социально-политической истории (ПермГАСПИ) осуществило издание книги М. Г. Торновского «От Господина Великого Новгорода до Великого океана». То, что книга выходит именно сейчас, это, с одной стороны, серьезная заслуга издательства, а с другой стороны – требование времени. Именно в последние 2–3 года много говорится о том, что уделяя внимание европейскому вектору развития цивилизации и связям российской цивилизации, российской истории с европейской историей, европейской цивилизацией, мы недостаточно внимания уделяем восточному, азиатскому вектору развития, и именно этому вектору посвящена книга Торновского.

Книга «От Господина Великого Новгорода до Великого океана» о том, как развивалась Россия на Восток от времен Великого Новгорода, о том как осваивался Урал, Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, как складывались отношения с нашими соседями: Ираном, Афганистаном, Китаем, Кореей и Японией и насколько далеко простерлась Россия на восток в своем культурном влиянии, в своих связях, как далеко на восток простерлась та самая русская цивилизация, тот самый Русский Мир, о котором так много мы говорим в последнее время. Автор данного доклада, честно говоря, и сам не понимал, насколько далеко, в том числе географически, простерлась на восток Россия. Из книги Торновского читатель узнает, что, оказывается, Гавайские острова в свое время вошли в

состав Российской Империи [1]. И подобных интересных фактов в книге немало.

Необходимо также обратить внимание на личность автора, которая является крайне интересной и, по-своему, уникальной. Михаил Георгиевич Торновский – полковник Российской Императорской Армии, участник нескольких войн. За боевые заслуги в Русско-японской войне он был удостоен Ордена Станислава III степени с мечами и бантом, за боевые заслуги в годы Первой Мировой войны он был удостоен Ордена Святой Анны II степени с мечами и Ордена Святого князя Владимира IV степени с мечами и бантом [2, л. 127, 127 об.]. Боевой офицер и герой. В годы Гражданской войны он встал на защиту России так, как понимал эту защиту. М. Г. Торновский был одним из соратников адмирала Колчака при создании Сибирской Армии. Первое боеспособное подразделение Сибирской Армии – Первый егерский полк – Торновский создал и затем им командовал. После разгрома адмирала Колчака, Михаил Георгиевич сражался вместе с бароном Унгерном, командовал всем тыловым обеспечением армии барона Унгерна. После поражения Белого движения Торновский остался жить в Харбине. И в Харбине занимал такую же активную позицию. М. Г. Торновский – один из создателей офицерских белогвардейских организаций за рубежом, их активный член, не изменявший своей позиции, своему пониманию защиты Родины. И в июне 1941 г. он ровно в логике этой позиции публично заявил о том, что когда Россия в опасности, каждый честный русский человек должен быть на ее стороне, чем заслужил порицание множества бывших товарищей по Белому движению [2, л. 15–17]. В 1945 г. М. Г. Торновский подал прошение о советском гражданстве. В том же году гражданство ему было предоставлено, и в 1947 г. он вернулся в Россию, в уже Советскую Россию. Тогда же, в 1947 г., Михаил Георгиевич приехал в Пермь на строительство Камской ГЭС [2, л. 20 об., 151].

Несколько лет понадобилось органам госбезопасности, чтобы разобраться, что за человек оказался в Перми, что рядом с ними живет и работает соратник Колчака, один из создателей Сибирской Армии. Затем М. Г. Торновский в 1949 году был арестован [2, Л. 5]. Следственное дело хранится в ПермГАСПИ.

По итогам расследования следователь просил наказание для М. Г. Торновского в виде лишения свободы на 10–15 лет [2, л. 142]. Позиция прокуратуры Пермского края: «15 лет не за что, давайте 10 дадим». А когда дело проверяла Генеральная Прокуратура, позиция изменилась: «25 лет лагерей». М. Г. Торновский в результате был осужден на 25 лет лагерей [2, л. 145]. Но отбывал наказание он только 6 лет. В 1955 г. его жена подала прошение о помиловании, и Михаил Георгиевич был помилован и полностью реабилитирован. На этот раз Генеральная Прокуратура не нашла каких-либо оснований для судебного преследования Торновского. Все точки над «I» расставляет решение

Генпрокуратуры 1955 г. о реабилитации, где прокурор, трезвым взглядом посмотрев на материалы дела, пишет, что в этих материалах не содержится никаких доказательств антисоветской деятельности Торновского после 1945 г., а все, что он делал в период Гражданской войны и в 1930-е гг., Торновский никогда не скрывал. Об этом знал российский консул в Токио, который предоставил М. Г. Торновскому возможность получить советское гражданство и гарантировал ему, что за прошлые деяния он не будет преследоваться в Советском Союзе [2, л. 149, 152–154]. М. Г. Торновский вернулся из лагерей снова в Пермский край (тогда – Молотовскую область), где проживал до 1961 года. Умер в городе Чайковском, там находится его могила.

Рукопись книги «От Господина Великого Новгорода до Великого океана» была изъята в ходе следствия [2, л. 13–13 об.], вероятно, потому, что была написана в период жизни автора в Харбине. Вместе со следственным делом рукопись сохранилась у нас в архиве, и наконец была представлена публике. Книга М. Г. Торновского «От Господина Великого Новгорода до Великого океана» издана на средства и благодаря энтузиазму московского издательства КМК, руководитель издательства Кирилл Глебович Михайлов, а редактированием и подготовкой рукописи к изданию занимался Сергей Львович Кузьмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Кореи и Монголии Института Востоковедения Российской Академии Наук, ведущий монголовед России, известный евразиец.

Публикация книги М. Г. Торновского особенно важна именно сегодня, когда мы убедились в том, насколько европоцентристские идеи могут негативно повлиять на нашу жизнь и насколько они могут заводить в тупик тех, кто следует им в своей политической практике. Речь идет, конечно же, о сегодняшней Украине. И, с научной точки зрения, евразийский подход, если говорить не о евразийстве как концепции, а более широко – о сбалансированном в отношении Запада и Востока подходе и уважении к восточному вектору развития в истории России, он открывает огромные перспективы для исследовательской деятельности в гуманитарной сфере.

Источники и литература

1. Пермский государственный архив социально-политической истории (далее – ПермГАСПИ). Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9027. Т. 2.
2. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9027. Т. 1.
3. Торновский М.Г. От Господина Великого Новгорода до Великого океана (историко-социально-экономические записки) / отв. ред. С. Л. Кузьмин, С. В. Неганов. М., 2023. 414 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ РЕГИОНОВ

В. П. Чаплыгин

кандидат исторических наук
Курский государственный университет

Формирование организационно-правовых основ предпринимательской деятельности в России во второй половине XIX – начале XX вв.

Аннотация. В работе проводится анализ появления новых организационно-правовых основ предпринимательской деятельности в России во второй половине XIX – начале XX веков. Особое внимание уделяется изменению законодательной базы в пореформенный период.

Ключевые слова: модернизация; страта предпринимателей; предпринимательский договор; акционерно-паевая форма; полное товарищество; промысловый налог; гильдии; торговые дома; артель.

Отличительной чертой политического и правового положения страны второй половины XIX в. было стремление уйти от старого феодального типа государственного устройства и от системы внеэкономического принуждения к труду. Начало этому процессу положил Манифест Александра II об отмене крепостного права в 1861 г.

Крестьянская реформа и последующие великие буржуазные реформы 60-х – 70-х гг. XIX в. способствовали индустриальному развитию страны. Пореформенные 1860-е – 1900-е гг. часто называют периодом промышленного капитализма, так как в это время интенсивно проходит процесс индустриализации и, соответственно, идет динамичное формирование страты предпринимателей на основе рыночной конкуренции, а также свертывание сословных ограничений. Эти и другие мероприятия правительства приводят к увеличению объема промышленного производства. За вышеуказанные годы он вырос в семь раз. В результате к концу XIX столетия Российская империя по темпам роста промышленного производства стала занимать первое место в мире. Поэтому важнейшему экономическому показателю она намного, почти в 3 раза, [1, с. 367] опережала лидера тогдашнего мира – Соединенные Штаты Америки.

Для развития российской экономики требовались немалые средства и как следствие появляются новые организационно-правовые формы финансово-кредитных учреждений. Поэтому параллельно с модернизацией в промышленности шло расширение банковского дела. Для кредитования предприятий создается Государственный Банк. Он организовывается в 1860 г. и специализировался в основном на выдаче ипотечных ссуд

крупным землевладельцам под залог земельных наделов. Первоначально банковские кредиты мало были связаны с финансированием реального производства. Первый частный банк, занимающийся этими проблемами, появляется в 1864 г. в Санкт-Петербурге и действует в форме акционерного общества. Через два года (1866 г.) и в первой столице начал работать частный банк – Купеческий. Он создавался в форме «товарищества на паях».

Постепенно и в банковской сфере начинается так называемая «учредительская горячка». Всего за девять лет с 1864 по 1873 г. в государстве появляется почти 40 акционерных банков. К концу исследуемого периода число кредитных учреждений составило уже 512. Среди них всего 5 банков были государственными, остальные имели частную форму [2, с. 49]. С 90-х гг. XIX в. структура банковских операций начинает меняться в сторону увеличения кредитования промышленных предприятий. Особенностью деятельности отечественных банков было то, что здесь фактически с самого начала шла концентрация капиталов. К примеру, 5 наиболее крупных банков, «большая пятерка» (Русско-Азиатский, Азовско-Донской, Петербургский международный и др.) уже в 1876–1882 гг. имели почти 50 % в совокупных ресурсах страны, а доля 13 банков доходила 76 % всех банковских ресурсов империи [1, с. 384].

В 90-е гг. XIX в. в Российской империи благодаря усилиям правительства укрепляется, расширяется и становится довольно мощной предпринимательская база. В начале XX в. она охватывает различными видами и формами предпринимательской деятельности уже около 5,5 млн чел. К 1914 г. наше предпринимательство характеризуется устойчивым массовым ростом, в него включается все больше людей. Появляются разнообразные формы частных предприятий. Очень популярной становится акционерно-паевая форма. К 1900 г. в национальной экономике более 2/3 всей промышленной продукции выпускалось в акционерных, паевых и других частных формах предпринимательской деятельности. Всего лишь 1/3 промышленной продукции производилась в единоличных формах собственности [3, с.78].

Монополизация экономики привела к возникновению новых типов предпринимательских объединений, изменению характера их взаимоотношений с органами государственного управления. Цивилисты того времени для характеристики этого явления даже ввели новое понятие – «предпринимательский союз». Оно включало в себя такие виды объединений, как синдикаты, картели и тресты. В основе их появления лежали соглашения между предпринимателями по урегулированию объемов производства и сбыта произведенной продукции. Они преследовали цель – устранение издержек свободной конкуренции между участниками союза. В него входили чаще всего фабрики и заводы одной отрасли. Юридической основой создания новых организационных форм предпринимательских объединений стал предпринимательский договор,

или договор предпринимательского союза. Подобная практика становилась повсеместной.

В Российском государстве монополии появляются уже в 80-х гг. XIX в. Их возникновение в первую очередь было связано с «железнодорожной лихорадкой». Примерами являются «Союз рельсовых фабрикантов» (1882 г.), «Союз фабрикантов рельсовых сцеплений» (1884 г.) и др. Они имели единый руководящий орган – совет во главе с управляющим. Первые монополии, как правило, имели переходный характер от картеля к синдикату. Позднее преобладающей формой монополистического объединения в империи становится синдикат. В качестве показательного факта можно привести пример с историей образования крупнейшего монополистического объединения России – «Продпаровоза» [6, с. 33]. В это объединение первоначально вошли крупнейшие паровозостроительные заводы Брянска, Коломны, Луганска, Санкт-Петербурга (Путиловский и Невский), Сормова, Харькова, а также Механического завода Гартмана, Русского паровозостроительного и механического общества. Они с 1897 г. стали совместно координировать свою деятельность сначала в сфере сбыта. Через четыре года (в 1901 г.) между ними был заключен договор о распределении заказов на подвижной состав. Данный договор считается точкой отчета в превращении этой организации в картельно-синдикативную форму. Постепенно «Продпаровоз» превратился в крупнейшее монополистическое объединение России в отрасли тяжелой промышленности со всеми вышеуказанными характеристиками.

Преобладающей формой монополии наряду с синдикатом становится картель. Для него характерен «союз на основе договора между несколькими компаниями, которые производят продукцию одного типа» [7, с. 68, 74–82]. Для предпринимателей такая форма монополистического объединения была более выгодной, так как, предусматривала, что участники соглашения остаются полностью экономически и юридически самостоятельными. В рамках соглашения они лишь договариваются о разграничении сфер влияния, рынка продаж, об единых ценах, об ассортименте товаров и т. д.

В качестве примера типичного картеля можно привести соглашение мотостроительных заводов, заключенное в 1884 г. Его участники не стали создавать общий руководящий орган. Были и так называемые временные картели. По этому принципу в 1886 г. была создана «Конвенция железопрокатных проволочных и гвоздильных заводов». Особенностью картельных объединений конца XIX в. было то, что они в основном носили узкоотраслевой характер. Однако все вместе они создавали монополистическую систему, которая включала в себя целые отрасли экономики.

Постепенно стали появляться и объединения трестовского типа. К ним относятся Товарищество «Бр. Нобель», Ниточный трест и др. В этой

форме монополии наиболее тесно происходило объединение предприятий. Они уже полностью теряли свою хозяйственную и юридическую самостоятельность и должны были подчиняться правлению. Для треста было характерно то, что это наиболее централизованная форма интеграции предприятий. В России тресты получили наибольшее распространение в нефтяной промышленности. Здесь данная форма объединения была наиболее выгодной, так как позволяла объединить все производственные звенья сложного и многоотраслевого цикла. Наше исследование показывает, что в нефтяной промышленности одновременно действовали картели и синдикаты, которые регулировали сбыт произведенной продукции.

В империи не было четких правовых и административных норм, которые регулировали бы порядок оформления и деятельность монополий. Формально их деятельность в стране до определенного периода была запрещена, что априорно предполагало использование против них всей мощи государственного аппарата. Это приводило к повсеместной практике распространения официально не регистрируемых монополистических компаний, хотя часть из них и действовала с молчаливого одобрения и при непосредственной поддержке государственных органов. Такой благосклонностью правительства обладали «Продамет», «Продуголь», «Продвагон», военно-промышленные монополии и др. Например, «Продвагон» действовал с прямого разрешения правительства. Руководство этого синдиката совместно с Комитетом по распределению заказов на рельсы, скрепления и подвижной состав для железных дорог определяли и общий объем производства, и стоимость вагонов.

Такое полулегальное положение создавало для монополистических групп ситуацию неопределенности, прямой зависимости от чиновников ранга. Подобное обстоятельство вело к ограничению торговой, коммерческой, правовой деятельности и, таким образом, появлялось благодатное поле для коррупции и чиновничьего произвола. Поэтому монополистические объединения предпринимали меры, чтобы добиться официальной легализации, используя уже разрешенные формы промышленных объединений. Довольно часто хозяйствующие субъекты участвовали одновременно в нескольких соглашениях. В 1910–1913 гг., когда происходил промышленный рост, мы наблюдаем дальнейшую концентрацию монополий. В итоге их численность приближается к 200 компаниям.

Любая торговая деятельность могла осуществляться лишь по лицензиям, выдававшимся уездными казначействами. Свидетельства вручались купцам по различным гильдиям, иностранным купцам, крестьянам по различию торговых разрядов, приказчикам и комиссионерам, если они состояли в гильдиях и торговых разрядах.

С 60-х гг. XIX в. в правовом положении купечества и предпринимателей происходят качественные изменения. Нововведения

были закреплены в «Положении о пошлинах на право торговли и других промыслов» от 1 января 1863 г. Через два года законом от 9 февраля 1865 г. сюда были внесены некоторые уточнения. Согласно этим двум законодательным актам правами купцов наделялись лица, которые заплатили патентные и билетные торгово-промышленные сборы. Теперь купеческих гильдий было только две.

С этого момента лишь получив гильдейское свидетельство можно было начинать собственное дело, то есть регистрировать и содержать промышленные и торговые заведения.

Свидетельство каждой гильдии строго регламентировало объем предпринимательской деятельности. Так, члены 1-й гильдии могли заниматься оптовой торговлей отечественными и импортными товарами на всей территории империи. Они могли владеть фабрично-заводскими предприятиями и брать подряды на любые суммы. Члены 2-й гильдии могли заниматься розничной торговлей лишь в границах города и уезда, быть владельцами фабрик и заводов. Подряды для них были ограничены суммой в 15 тысяч рублей.

Теперь главной отличительной чертой, выделявшей участников гильдий среди других сословий, было то, что состояние в них не было постоянным. Они были обязаны каждый год приобретать гильдейское свидетельство. Если они в установленный срок этого не делали, то выбывали из гильдии вместе со всей семьей [7, с. 97].

В начале XX в. издается Устав торговый (1903 г.). Это был кодифицированный акт. В целом он имел положительное значение, но и в этом документе значительный вес все еще сохранял правовой обычай, который отчасти нивелировал правовые пробелы в законодательстве. Г. Ф. Шершеневич, наряду с нормативным правовым актом, выделял правовой обычай даже в качестве источника торгового права. Он играл важную роль в практической реализации торгово-хозяйственных отношений. По его мнению, «исторически сложившиеся торговые обычаи дополняли законодательное регулирование» [7, с. 52].

При исследовании правового регулирования автором предлагается рассмотреть этот вопрос со стороны нескольких сфер правовой регламентации, а именно с позиции корпоративных, налоговых и фабричных (трудовых) правоотношений.

При рассмотрении корпоративных форм осуществления предпринимательской деятельности, следует отметить следующее. Законодательству исследуемого периода известны такие формы товариществ: артельное товарищество, товарищество на вере, полное товарищество, акционерное товарищество и товарищество на паях [10]. Такие определения были представлены в Своде законов Российской империи.

Г. Ф. Шершеневич, анализируя указанный Свод Законов, выделяет его статьи, которые определяют всю деятельность в целом. Это

«акционерное товарищество, обществами, компаниями с присоединением выражений: на акциях, по участникам, на паях» [11, с. 12].

В соответствии с вышеизложенным материалом можно сделать вывод о том, что национальное законодательство на рубеже веков предполагало деятельность двух видов объединений предпринимателей: торговые дома (полного и на вере) и акционерные компании (или «товарищества на паях»). Основные отличия между ними состояли в том, что в первой форме непосредственно вело за собой всю имущественную ответственность каждого из товарищей по всем делам предприятия, которое организовано при его участии. В результате происходит ограничение круга товарищей до минимума. В него, как правило, входили близкие знакомые, которые доверяли друг другу. Участие в акционерном обществе законодательством предусматривало только ограниченную ответственность пайщиков, которая предусматривалась в пределах их вкладов в основной капитал.

Договор о создании полного товарищества всегда заключался в письменной форме и подлежал, нотариальному или домашнему утверждению. С момента его утверждения начинался отсчет времени прав и обязанностей в отношении друг друга. Полное товарищество по закону начинало формально действовать лишь тогда, когда выписка из договора поступает в городскую управу [7, с. 102].

За нарушение законодательства предусматривались как уголовные, так и гражданские санкции. Например, уголовная ответственность наступала, если кто-то из товарищей вступил с третьими лицами в отношения от имени незарегистрированного торгового дома. Тогда надо было заплатить штраф в 500 рублей [13, с. 11]. А гражданская ответственность наступала при условии регистрации, то есть когда товарищество становилось юридическим лицом со всеми возникающими отсюда последствиями [13, с. 11].

Другой довольно распространенной формой было артельное товарищество. Оно представляло собой соединение трудовых усилий лиц для достижения определенной хозяйственной цели. Особенностью этой правовой формы было то, что его члены должны были лично работать в нем. Здесь капиталистический элемент был слабо выражен и играл второстепенную роль.

В «Уставе о промышленности фабричной и заводской» определялись формы предприятий, давались определения фабричного, мануфактурного и ремесленного производства. Ст. 1–2 Устава формулировали положения об отличиях заводов и мануфактур от ремесленных мастерских. Здесь основными критериями были: а) размер предприятия; б) использование машин; в) количество наемных работников [11, с. 22]. Следовательно, если в заведении числилось более десяти человек, использовался машинный способ производства, то оно квалифицировалось как мануфактура или

фабрика. Для ремесленного производства в качестве критерия Устав определял использование ручных машин и инструментов [11, с. 18].

Казенными предприятиями заведовали те министерства, которым они подчинялись в соответствии с особым Высочайшим повелением или на основании собственного устава. Департамент торговли и мануфактур, который был структурным подразделением Министерства финансов, осуществлял государственный контроль над всеми промышленными заведениями, расположенными на территории России вне зависимости от их формы собственности и характера производственной деятельности (ст. 9–10) [11].

В эволюции национальной системы налогообложения предпринимателей в конце XIX в. происходят качественные изменения. Законодатель сознательно уходит от правового положения, которое делало объектом налогов и сборов конкретного предпринимателя, без учета рода его деятельности. Данная правовая норма приводила к увеличению налоговой нагрузки на само предприятие, ведь при создании фабрики или завода надо было дополнительно уплатить гильдейский купеческий взнос. Новация заключалась в переносе объекта налогообложения. Теперь им становится само предприятие. Новшество было связано с введением 8 июня 1898 г. «Положения о государственном промысловом налоге» (№ 15601) [12, с. 102]. С этого времени оно регламентировало коммерческую деятельность. В связи с этим утрачивают свое значение Устав Кредитный, Устав Торговый, Устав о промышленности фабричной и заводской и Устав Ремесленный. С середины XIX в. и до 1898 г. именно они были основными законодательными актами, которые регулировали налоговые отношения.

С этого времени объектом налогообложения становилось само предприятие, а не коммерсант. Причем, лицо, желавшее заняться коммерческой деятельностью, в обязательном порядке должно было получить гильдейское свидетельство. Оно давало владельцу право вести предпринимательскую работу как в торговле, так и в промышленности. Теперь в гильдии наряду с купцами, входили также владельцы мануфактур, фабрик, ремесленных мастерских, заводов и торговцы, то есть теперь в каждую гильдию [13, с. 157–179] входили лица независимо от рода деятельности и размера капитала. Сами гильдии не имели право вмешиваться в производственный или иной процесс торговых и промышленных заведений. Это определялось соответствующим законом и регламентировалось распоряжениями администрации губернии или уезда. Это более отвечало реалиям буржуазного способа производства, и стимулировало экономическую деятельность предпринимателей. Таким образом, с эволюцией налоговой системы была упразднена зависимость между бизнес-деятельностью и принадлежностью к купеческому сословию. Данное решение государственных органов позитивно сказалось

на развитии промышленности и деловой активности российских и иностранных подданных.

«Положение о государственном промысловом налоге» от 1898 г. определяло, что считать «отдельным промышленным заведением». Под этим термином законодатель понимал одно или несколько помещений, которые находились в закрытых границах одного производственного цикла. Это могла быть мануфактура, фабрика, мастерская, ремесленное заведение, завод. Положение отдельно регламентировало ситуацию с магазином или лавкой, которое было при предприятии. На данную торговую точку надо было тоже выбирать промысловое свидетельство по соответствующему разряду торгового предприятия (ст. 459, 466), причем законодательство не интересовало, торговали здесь товарами своего или чужого производства.

За соблюдением действующих правовых норм следили податные инспекторы и их помощники. На основании ст. 489, 491 «Положения» они систематически в течение года проводили проверки торговых заведений и промыслов. В случае нарушения законодательства они составляли официальный протокол. Особо предписывалось, что он должен составляться в присутствии хозяина предприятия или его доверенного лица. В случае их отсутствия протокол оформлялся с участием двух сторонних свидетелей. Отдельный пункт «Положения» гласил о том, что протокол необходимо составлять сразу по месту обнаружения нарушения (ст. 500, 501) [13].

Оценивая в целом «Положение о государственном промысловом налоге» от 1898 г., следует отметить, что оно занимало важное место во всем промышленном законодательстве России на протяжении всего изучаемого периода. Неоднократно предпринимавшиеся министерскими чиновниками попытки по изменению его и других правовых актов, регулировавших хозяйственную и предпринимательскую деятельность, не соответствовали требованиям проводившейся в стране модернизации и созданию благоприятных возможностей для использования частной инициативы. Так, размытыми и неконкретными были существенные признаки промышленного предприятия и ремесленной мастерской. Это вело к определенной путанице в исчислении налогов. Слабой была и кодификация действующего законодательства. В результате в период создания предприятия собственники были вынуждены пользоваться огромной массой неписаных и писаных указаний, носивших часто противоречивый и разрозненный характер. Причем в каждой губернии местные чиновники толковали и применяли на практике действующее законодательство по своему личному усмотрению, во многом исходя из региональных условий.

В данный период впервые в российской истории в правовое поле предприняты попытки ввести отношения работников и работодателей. С этой целью в конце XIX века в России появляется фабричное

законодательство. В 1886 г. выходит Закон «О найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». В нем впервые в империи законодательно определялись условия для работы на фабриках и заводах. Во-первых, он устанавливал: только письменную форму заключения договора найма, причем с выдачей работнику расчетной книжки, а также вводил перечень оснований для прекращения и расторжения договора найма. Во-вторых, определял сроки выплаты заработной платы. В-третьих, устанавливал порядок взыскания штрафов и их размеры. В-четвертых, вводил прямой запрет на выдачу зарплаты не в денежной форме. В-пятых, запрещал владельцам предприятий брать с рабочих любые взносы за медицинскую помощь, пользование орудиями труда и др.

Однако и для этого новаторского закона были характерны старые недостатки. В нем не было проведено четкого правового различия между понятиями «фабрика» и «ремесленное заведение». Недоработка правового акта приводила к конфликтам между фабрикантами и фабричными инспекторами. Владельцы прилагали все усилия для того, чтобы их предприятия считали «ремесленными заведениями» и они не попадали под действие закона от 3 июня 1886 г. и имели возможность продолжать безжалостно эксплуатировать своих наемных рабочих. Фабричные инспекторы должны были следить за выполнением трудового законодательства. Они имели право налагать существенные штрафы на владельцев предприятий на нарушение норм трудового права.

Закон от 2 июня 1897 г. стал первым специальным актом, который регламентировал график рабочего времени и времени отдыха наемных работников. В нем впервые определялось само понятие «рабочее время». Под ним в законе понимались все рабочие часы, в течение которых работник согласно заключенному договору найма, должен был находиться на работе. Данная правовая норма кардинально изменила всю сложившуюся к этому периоду систему трудовых отношений между работодателем и работником.

Ведь ранее под термином «рабочее время» понимался лишь отрезок времени, когда работник де-факто был занят самой работой на производстве. Отсюда, например, подготовка металлурга к самой работе, уборка токарем своего рабочего места, время спуска или подъема на рудник или в соляную, угольную шахты до принятия закона от 2 июня 1897 г. не рассматривались как фактическое время на работе. В примечании статьи второй этого правового документа довольно четко определялось, что в рабочее время входят все вышеперечисленные и другие операции, которые совершает работник, будучи на предприятии. Само рабочее время ограничивалось на предприятиях 11,5 часами. В тот период это был крупный шаг по пути создания правовых гарантий для рабочих и ограничение произвола собственников.

Работа в ночное время суток, накануне крупных религиозных или государственных праздников и по субботам, длительность рабочего дня не должна была превышать десяти часов. В субботу перед Пасхой все работы, за исключением неотложных или имеющих непрерывный цикл, должны были заканчиваться не позднее двенадцати часов дня. Именно этим законом в России впервые вводится понятие «сокращенной продолжительности работы». Согласно фабричному законодательству накануне праздничных и воскресных дней на 1,5 часа сокращалась продолжительность трудового дня. Рабочая неделя состояла из шести дней и составляла 67,5 часов. Сверхурочные необязательные работы ограничивались 120 часами в год для каждого работника. Ежегодные отпуска рабочим пока не предусматривались. Вышеуказанные правовые акты лишь приступили к решению так называемого «рабочего вопроса». Они не могли быстро улучшить положение российского рабочего класса. Оно продолжало оставаться очень тяжелым, что сказалось в период Первой русской революции 1905–1907 гг., в которой рабочие стали одной из ее движущих сил.

В заключение стоит отметить, что теоретические разработки юристов в исследуемый период значительно опережали уже сложившуюся законодательную практику в сфере предпринимательской деятельности. Предлагавшиеся ими новаторские идеи регулирования корпоративных отношений в Российской империи не находили своего воплощения в конкретных правовых актах. Мы считаем, что это происходило в основном по политическим мотивам. В результате законодательная база России по регулированию предпринимательской деятельности отставала от уже сложившейся подобной системы на Западе. Обращает на себя внимание устаревший, по нашему мнению, разрешительный принцип создания юридических лиц. Отечественные правоведы предлагали новые и по своей сути передовые на тот момент юридические средства по модернизации уже имеющейся правовой системы, которая регламентировала бы предпринимательские отношения. К сожалению, они не были поддержаны царским правительством.

Стоит отметить, что монополии, которые взвинчивали цены в ведущих отраслях экономики, объективно приводили к возникновению массового недовольства в обществе и складыванию, в конечном счете, взрывоопасной ситуации в российском обществе. Погоня за сверхприбылями, желание нажиться на русско-японской войне 1904–1905 гг. вели к усилению негативных процессов во всей экономике. Алчность тогдашних «олигархов», которые обогащались на финансовых аферах, спекулятивных операциях, искусственном завышении цен на продукты и предметы первой необходимости, например, повышении цен на хлеб, молоко, уголь и т. п., в целом, способствовали возникновению проблем, усугублявших экономический кризис в стране, накануне Первой русской революции 1905–1907 гг.

Источники и литература

1. История России XX – начала XXI века / А. С. Барсенкова, А. И. Вдовин; под ред. Л. В. Милова. М., 2006. 567 с.
2. Анциферов А.Н. Кооперативный кредит и кооперативные банки. Харьков, 1919. 176 с.
3. Литвинов-Фалинский В.П. Наше экономическое положение и задачи будущего. СПб., 1908. 306 с.
5. Чайнов А. В. Краткий курс кооперации. М., 1915. 278 с.
6. Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов от 01.01.1863 г. // ПСЗ-II. Т. 38. № 39118.
7. Шершеневич Г.Ф. Торговое право. Учебник. Т. I: Введение. Торговые деятели. 4-е изд. СПб., 1908. 292 с.
8. Устав торговый // СЗРИ. СПб., 1879. Т. XI. Ст. 59.
9. Устав о промышленности фабричной и заводской // СЗРИ. СПб., 1879. Т. XI. Ч. II.
10. Положение о государственном промысловом налоге № 15601 // ПСЗРИ. СПб., 1901. Собр. 3-е. Т. XVIII.
12. Устав о прямых налогах // СЗРИ. Пг., 1914. Т. V.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. Т. XVII. № 14231.

Е. А. Головин

кандидат исторических наук
Юго-Западный государственный университет

Р. В. Коровин

Юго-Западный государственный университет

А. Н. Манжосов

кандидат исторических наук
Совет ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил
и правоохранительных органов г. Курска

Опыт административно-структурного реформирования сети железных дорог в пределах Курского региона (XIX – середина XX веков)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы изменения управления участками железных дорог, проходивших в пределах Курской губернии (1868–1928 гг.), Центрально-Черноземной (1928–1934 гг.) и Курской области, образованной в июне 1934 г. Впервые в научной литературе авторами обобщен опыт реформирования транспортной структуры региона в связи с образованием Московско-Донбасской и Московско-Киевской железных дорог во второй половине 1930-х годов, а также Московско-Курско-Донбасской дороги (май 1953 г.).

Ключевые слова: железнодорожное строительство; структурные изменения; административная принадлежность; система управления; отделение дороги.

Большинство событий, связанных с железнодорожным строительством и развитием инфраструктуры дорог на территории Курской губернии и области не нашло должного отражения в региональных исторических исследованиях. В трудах ряда курских историков [1, с. 11–12; 18, с. 12–14] отсутствуют детальные указания об административной подчиненности железнодорожных участков, связанной с многочисленными реформами в инфраструктуре железных дорог. Авторы настоящего исследования предприняли попытку рассмотреть изменение инфраструктуры, протяженности и ведомственной подчиненности железнодорожных участков в различные периоды деятельности железнодорожного транспорта, особенно в 1930-е и 1950-е – 1960-е гг.

Согласно данным, приведенным курским экономистом Е. К. Введенским в статистико-экономическом обзоре Курской губернии, в 1926 г. протяженность железнодорожных линий и отдельных веток, проходивших по территории Курской губернии, составляла 1 363 километра [2, с. 31]. Наибольшую длину имели участки Московско-Киево-Воронежской дороги – 602 километра (из 2 696 километров общей протяженности магистрали) [3, с. 47]. По длине железнодорожных участков далее стояли Южные – 387 км, Северо-Донецкие – 135 км (из 820 км. протяженности), Юго-Восточные – 103 км (из 3 467 км общей длины дороги) и участок главной железнодорожной магистрали – Московско-Курской (Поныри–Курск), который составлял 76 км [3, с. 47].

На железных дорогах, пересекавших с запада на восток и с севера на юг территорию Курской губернии, трудился значительный отряд железнодорожных специалистов. Так, к концу 1920-х гг. на Московско-Курской, Нижегородской и Муромской (МКНМ) железной дороге работали 60 610 человек, а на Московско-Киево-Воронежской (МКВЖД) – 36 998 человек [4, с. 402]. 8 334 рабочих и служащих МКВЖД трудились на участках, находившихся в пределах территории Курской губернии [5, с. 42].

Отметим, что основные участки железных дорог были построены в периоды «громадного подъема железнодорожного строительства в России» – это конец 1860-х и начало 1870-х, а также вторая половина 1890-х гг. [6, с. 554]. Так, регулярное движение поездов от Курска до Москвы было открыто 7 (19 н. с.) сентября 1868 года [7, л. 23, 26]. 13 (25) апреля 1869 г. первый пассажирский поезд проследовал по участку Курск–Белгород Курско-Харьково-Азовской дороги [8, с. 14]. По Курско-Киевской железной дороге движение от Курска до ст. Ворожба началось в ноябре 1868 года [8, с. 13]. 2 (14) января 1894 г. открылось регулярное движение поездов от Курска до ст. Кшень, а 2 (14) июля 1894 г. – от Кшени до Воронежа [8, с. 49].

Важнейшими участками железных дорог, соединявшими северо-западные с южными районами Курской губернии стали: Льгов–Евдокимовка (на линии Льгов – Брянск), введенный в эксплуатацию в августе 1897 г.; а также Елец – Валуйки, который в эксплуатации с 1 октября 1897 г.; и участок Льгов – Одноробовка (июнь 1911 г.) [8, с. 55; 9, с. 316, 318, 319]. Они принадлежали к Управлениям Московско-Киево-Воронежской, Южных и Северо-Донецких железных дорог. Подчеркнем, что в техническом отношении многие из них оставались весьма примитивными.

В начале 1920-х гг. впервые за 30 лет железнодорожного строительства в Курской губернии начались процессы разукрупнения и реформирования административно-структурной принадлежности дорог. Так, в декабре 1919 г. НКПС была ликвидирована Московско-Киево-Воронежская железная дорога при передаче с 4 февраля 1920 г. ее участков в состав Московско-Курской и Юго-Восточной (линия Курск–Воронеж) железных дорог [10, л. 244].

Но уже 1 мая 1920 г., согласно телеграмме Наркома путей сообщения РСФСР Л. Д. Троцкого, восстанавливается Киево-Воронежская дорога с нахождением Управления дороги в Курске. 3 декабря 1921 г. приказом НКПС была восстановлена Московско-Киево-Воронежская железная дорога в ее прежних границах [11, л. 26–27].

В октябре 1925 г. закончила работу комиссия по уточнению границ РСФСР, Белоруссии и Украины. Согласно Постановлению Президиума ЦИК СССР от 16 октября 1925 г. к УССР в июле 1926 г. от Курской губернии отошла территория Путивльского уезда [12, с. 825]. После частичного реформирования западной части Курской губернии длина железнодорожных участков в ней уменьшилась на 114 километров (участки Желобовка – Волфино и Кошары – Грузское) [2, с. 32].

Осенью 1929 г. основные железнодорожные участки Курского и Льговского округов, образованных в составе Центрально-Черноземной области (ЦЧО), подверглись новому изменению. Приказом НКПС № 1031 от 29 августа 1929 г. состоялось объединение Западных и Московско-Киево-Воронежской в Западные железные дороги с нахождением Управления в Калуге [8, с. 106; 13, л. 30]. Железнодорожные участки МКВЖД, расположенные в западных районах ЦЧО (Льгов – Брянск, Льгов – Ворожба и Коренево – Рыльск) передавались в оперативное подчинение Западной дороге. Участки восточного направления (Курск – Мармыжи – Кшень, Охочевка – Колпны и Мармыжи – Долгая) передавались в оперативное подчинение Юго-Восточной железной дороги. Участок Льгов – Готня (бывшей Северо-Донецкой магистрали) был отнесен к Южным дорогам. С 1 января 1931 г. они объединились с Донецкими дорогами.

13 июня 1934 г. было принято Постановление Президиума ВЦИК РСФСР, согласно которому Центрально-Черноземная область была

разделена на Воронежскую и Курскую области с включением в состав последней районов бывшей Орловской губернии [15].

14 июля 1934 г. выступая на I-м Пленуме оргбюро Курского обкома ВЛКСМ, председатель облисполкома П. С. Царев отметил, что в июле 1934 г. протяженность железнодорожных путей на территории области составляла 2 105 км [15, л. 25].

В соответствии с приказом НКПС № 305 от 26 октября 1934 г. из некоторых участков Московско-Курской и Юго-Восточной железных дорог 1 декабря 1934 г. была образована Московско-Донбасская дорога с нахождением ее Управления в г. Воронеже [8, с. 113; 16, л. 110]. На территории Курской области, образованной 13 июня 1934 г., действовали следующие участки этой дороги: Мармыжи – Касторная и Елец – Валуйки протяженностью 513 километров.

В 1935 г. по территории Курской области проходили 5 железных дорог. На один километр площади области приходилось 0,028 км железнодорожных путей. Наибольшими по длине путей в регионе были участки построенной в 1932–1934 гг. дороги Москва – Донбасс (303 км), Западной (385 км), Московско-Курской (216 км) и Юго-Восточной (349 км) дорог [17, с. 59].

Об увеличении объемов работ, выполняемых железнодорожным транспортом на дорогах Курской области, можно судить по следующим данным. Если в 1931 г. на железные дороги региона прибывало 3 601 тыс. т, а отправлялось 3 626 тыс. т грузов, то в 1934 г. эти цифры уже составляли 5 000 тыс. и свыше 4 000 тыс. т соответственно. В 1935 г. грузооборот по прибытию на дороги Курской области планировалось увеличить до 5 147 тыс. т, а отправление грузов с узловых станций повысить до 4 374 тыс. т. Значительно увеличивался контингент железнодорожных рабочих и служащих. Если в 1929 г. их было почти 27 тысяч, то в 1934 г. их количество в Курской области уже составляло 34,5 тыс. человек [17, с. 59–60].

Особое значение для народного хозяйства страны приобрела двухпутная магистраль Москва – Донбасс. По ней осуществлялся основной объем перевозок в центр Советского Союза угля и металла с предприятий Донбасса. В связи с увеличением объема грузоперевозок началось строительство железнодорожного участка Валуйки – Пенза с нахождением руководства строительством в Валуйках.

Весной 1936 г. железные дороги Советского Союза подверглись коренным структурным изменениям. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 858 от 13 мая 1936 г. приказом НКПС № 62/ц от 14 мая 1936 г. было проведено разукрупнение 8 основных магистралей страны [14, л. 110–111]. В соответствии с документами Правительства и НКПС Западная дорога разделялась на Белорусскую и Московско-Киевскую (ей передавались участки Льгов – Евдокимовка – Брянск, Льгов

– Ворожба, Коренево – Рыльск, расположенные в пределах Курской области) [14, л. 113].

Согласно правительственному указанию от 13 мая 1936 г. Московско-Курская железная дорога разделялась на Московско-Курскую и Горьковскую дороги [14, л. 111]. С юга Московско-Курская дорога стыковалась с Южной по ст. Белгород (искл.), с запада – с Московско-Киевской по ст. Льгов (искл.), а с востока – с Московско-Донбасской дорогой по ст. Мармыжи (вкл.) [14, л. 114, 117]. Участок Готня – Льгов-III оставался в подчинении Южной железной дороги [14, л. 117].

Одновременно 1936 г. был ознаменован появлением «именных» железных дорог. Согласно постановлениям ЦИК СССР были переименованы Сталинская (бывш. Екатерининская), им. Л. М. Кагановича (бывш. Пермская), Ленинская (бывш. Московско-Рязанская), им. В. М. Молотова (бывш. Забайкальская), им. В. В. Куйбышева (бывш. Самаро-Златоустовская) железные дороги [8, с. 116–117].

Постановлением ЦИК СССР от 19 июля 1936 г. в 10-летнюю годовщину смерти выдающегося государственного деятеля Народного комиссара путей сообщения СССР (1921–1924 гг.) Ф. Э. Дзержинского Московско-Курская дорога была переименована в железную дорогу им. Ф. Э. Дзержинского [8, с. 117].

Летом 1936 г. произошло не только разукрупнение железных дорог и изменение стыковочных пунктов. С 1 июля 1936 г. кардинально менялись функциональные структуры транспорта. На железных дорогах вместо эксплуатационных районов создавались отделения движения (ДН) и паровозного хозяйства (ТН). С осени 1936 г. на территории Курской области действовало 20 отделений движения и паровозного хозяйства. Это Орловское, Курское, Верховское железной дороги им. Дзержинского; Белгородское, Основнянское, Готнянское Южной железной дороги; Елецкое, Касторенское, Старооскольское и Валуйское Московско-Донбасской железной дороги; Львовское и Ворожбянское отделения Московско-Киевской железной дороги [18, с. 14].

Руководством отделений движения и паровозного хозяйства накапливался положительный опыт оперативного и материально-технического руководства линейными предприятиями.

10 сентября 1940 г. Постановлением СНК СССР [19] для оперативного контроля за деятельностью полигонов сети дорог, в составе центрального аппарата НКПС были организованы управления группами дорог различных направлений: Западного (сюда входила Московско-Киевская дорога), Южного (в его состав вошли Дзержинская, Южная, Московско-Донбасская и Юго-Восточные дороги) [20, с. 307].

Приказом НКПС № 109/ц от 28 января 1945 г. в составе Центрального управления паровозного хозяйства были созданы аналогичные паровозные службы по группам отдельных дорог, что

соответствовало постановлению СНК СССР от 10 сентября 1940 г. [21, л. 128–130].

27 сентября 1937 г. в соответствии с Постановлением ЦИК СССР была образована Орловская область [22]. В ее состав из Курской области было передано 25 северных районов. В результате таких территориальных разграничений уменьшалась и длина железных дорог. К 1941 г., то есть к началу Великой Отечественной войны она составляла 1 411 километров [23, л. 56]. На железных дорогах Курской области тогда работали 14,3 тыс. человек [24, с. 44].

В структуре железных дорог Курской области в период Великой Отечественной войны произошли незначительные изменения. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 г. и согласно приказу НКПС № 714 от 15 сентября 1943 г. [25, л. 43] железной дороге им. Ф. Э. Дзержинского было возвращено историческое название – Московско-Курская дорога.

С 1 января 1944 г. в состав Южной железной дороги для эксплуатации был принят участок Старый Оскол – Сараевка (91 км), построенный в период Курской битвы согласно Постановлению ГКО № 3322 от 8 июня 1943 года.

С октября 1945 г. по май 1946 г. для дальнейшего улучшения организационной работы железных дорог и обеспечения активизации восстановления железнодорожного транспорта были организованы округа железных дорог. В состав Донецкого округа (начальник – Г. В. Ковалев) вошли Южная и Юго-Восточная дороги, а в состав Центрального округа (начальник – И. А. Шмелев) – Московско-Курская, Московско-Донбасская и Московско-Киевская дороги [26, с. 31–33]. 25 июня 1951 г. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации округов и укреплении единоначалия на железных дорогах» 10 округов железных дорог СССР были ликвидированы [27, с. 422].

Осенью 1946 г. были приняты правительственные решения, направленные на формирование принципиально новой системы управления движением поездов и руководства деятельностью линейных подразделений. Постановлением Совета Министров СССР № 2143 от 19 сентября 1946 г. [28, л. 2–3] и приказом Министра путей сообщения СССР № 652/ц от 23 сентября 1946 г. [29, л. 183–184; 30, л. 1–2] на железных дорогах создавались 274 отделения. Руководству отделений дорог в оперативном и хозяйственном отношении подчинялись все линейные хозяйственные единицы, находившиеся в пределах отделения дороги.

Отделения железных дорог формировались путем объединения отделений движения, паровозного хозяйства и вагонных участков. При этом ликвидировались 51 малодеятельное отделение движения, 50 отделений паровозного хозяйства и 59 вагонных участков. К числу

малодеятельных отделений были отнесены Касторенское и Старооскольское Московско-Донбасской и Готнянское Южной дороги.

Начальник отделения в рамках своей компетенции получал право руководить работой станций, паровозных депо, вокзалов, вагоно-ремонтных пунктов, вагонных участков, дистанций пути, связи, участков энергоснабжения, погрузочно-разгрузочных контор, складов материально-технического снабжения, топлива, льдопунктов, резервов поездных вагонных мастеров, кондукторских резервов.

В соответствии с приказом МПС СССР № 652/ц от 23 сентября 1946 г. были организованы 6 отделений из железнодорожных участков, расположенных в Курской области. В структуре Центрального округа железных дорог это были Львовское, Орловское, Курское и Елецкое отделения (начальники отделений – В. И. Бастрыгин, И. В. Чекатков, Ш. М. Чавчанидзе, И. С. Кольбе). А в составе Донецкого округа создавались Белгородское и Основнянское (начальники – Д. К. Чихладзе и Д. С. Орлов) [30, л. 3 об]. Создание отделений дорог способствовало быстрейшему совершенствованию процессов управления и увеличению объемов грузоперевозок.

С целью улучшения качества руководства эксплуатационной и хозяйственной деятельностью линейных подразделений железных дорог Совет Министров СССР Постановлением № 1263 от 14 мая 1953 г. «Об объединении железных дорог» признал необходимым трансформировать 29 железных дорог (из числа 55 действовавших) в 14 железных дорог [31, л. 1]. Действующими в СССР тогда оставались 40 железных дорог.

Московско-Курская и Московско-Донбасская дороги объединялись в Московско-Курско-Донбасскую (МКД) магистраль с нахождением Управления дороги в Москве [31, л. 2].

Таким образом, с июня 1953 г. по территории Курской области проходили участки трех магистралей: Московско-Курско-Донбасской, Московско-Киевской и Южной.

7 июля 1955 г. в связи с значительным снижением объемов перевозочного процесса было принято решение о нецелесообразности функционирования и ликвидации Львовского отделения Московско-Киевской дороги [31, л. 387, 405].

1 августа 1955 г. участки бывшего Львовского отделения передавались в состав Брянского отделения Московско-Киевской дороги. С 8 февраля 1959 г. они были отнесены к Курскому отделению МКД железной дороги [32, л. 405; 33, л. 115].

6 января 1954 г. на территории РСФСР была создана Белгородская область. В ее состав были переданы 23 южных района Курской области. При новом административно-территориальном делении сеть железнодорожных участков Курской области уменьшилась на 530 км [34, с. 875].

Летом 1959 г. прошла значительная реорганизация всей железнодорожной сети страны. Постановлением Совета Министров СССР № 748 от 13 июля 1959 г. и приказом Министра путей сообщения СССР № 42/ц от 14 июля 1959 г. ликвидировались управления 10 железных дорог [8, с. 155, 160]. Так, Московско-Курско-Донбасская, Московско-Рязанская, Московско-Окружная дороги и частично Северная были объединены в Московско-Курско-Донбасскую дорогу с общей эксплуатационной длиной 9 281 км [35, с. 238]. Ее участки пролегали по территории 12 областей РСФСР и УССР. 704 км Московской дороги тогда относились к компетенции Курского отделения дороги.

На июль 1959 г. границы Московско-Курско-Донбасской дороги по стыковым станциям были обозначены: с юга – Готня (искл.), Курск (вкл.), с запада – Ворожба (искл.), а с востока – Касторная-Курская (искл.).

Участок Набережное – Касторная – Старый Оскол (84 км) Елецкого отделения и участок Касторная-Курская – Нижнедевицк (26 км) Воронежского отделения передавались в состав Юго-Восточной железной дороги.

Приказом первого заместителя Министра путей сообщения СССР Н.А. Гундобина № 161/ЦЗ от 21 августа 1959 г. объединенная Московско-Курско-Донбасская магистраль была переименована в Московскую железную дорогу [36, л. 111–112, 358].

К концу 1960-х гг. протяженность железнодорожных участков Курского отделения достигала 744 км. Контингент работников Курского отделения увеличился до 18,5 тыс. человек (по сравнению с 11,7 тыс. чел. в 1950 г. и 12,4 тыс. чел. в 1955 г.) [1, с. 181; 17, с. 44].

Анализ архивных материалов указывает, что к концу 1965 г. на территории Курской области находилось 1 036,9 км железных дорог, из которых только 163,4 км были электрифицированы [37, л. 14]. Если к концу 1960-х гг. на Курском отделении Московской железной дороги имелось 79 станций и разделительных пунктов, то к 1976 г. число станций, блок-постов и разъездов возросло до 82 [38, с. 171; 39, л. 218; 40, л. 2–10].

Процесс реформирования административно-структурной принадлежности железных дорог на территории Курского региона занял длительный период (почти 80 лет). Анализ показывает, что коренные изменения схемы управления железными дорогами не всегда достигали ожидаемых результатов, а также не способствовали решению главной задачи, стоявшей перед железнодорожниками, которая заключалась в увеличении объемов грузовых и пассажирских перевозок, выполняемых по стальным магистралям.

Источники и литература

1. Манжосов А.Н., Гладких В.К., Ильин Г.В. и др. Этапы большого пути. Из истории трудовых традиций железнодорожников Курского отделения Московской железной дороги: 1945–1995 гг. Курск, 1996. 272 с.

2. Введенский Е.К. Статистико-экономический обзор Курской губернии. Курск, 1926. 144 с.
3. Агафонов В.В. Люди дела. Вклад железнодорожников в социально-экономическое развитие России / под ред. В. В. Фортунатова. М., 2007. 291 с.
4. Сенин А.С. Московский железнодорожный узел. 1917–1922 гг. М., 2004. 576 с.
5. Курск в революции. Сб. материалов по истории Октябрьской революции в Курском крае. Курск, 1927. 138 с.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1971. 791 с.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 219. Оп. 1/4. Д. 6186.
8. Краткие сведения о развитии железных дорог с 1838 по 2000 гг. / Сост. Г. М. Афонина и др. Изд. 2-е доп. М., 2001. 232 с.
9. История железнодорожного транспорта России. Т. 1: 1836–1917 гг. СПб., 1994. 336 с.
10. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 244.
11. ГАКО. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 278.
12. Государственный архив Курской области. Путеводитель. Курск, 2005. 869 с.
13. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 40. Д. 306.
14. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 40. Д. 595.
15. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 9.
16. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 40. Д. 424.
17. Курская область. Справочная книга. Курск, 1935. 209 с.
18. Манжосов А.Н., Федоров Н.П. Этапы большого пути. Из истории революционных, боевых и трудовых традиций коллектива Курского отделения Московской железной дороги. Часть I (1868–1941 гг.). Курск, 1991. 180 с.
19. Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940. № 25. Ст. 605.
20. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2.: 1917–1945. СПб., 1997. 416 с.
21. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 49с. Д. 2318.
22. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1937. № 66. Ст. 300.
23. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 2. Д. 66.
24. Курская область в цифрах / ред. колл. Л. С. Шабанова, Г. А. Борова, Г. В. Бартенева. Курск, 2018. 186 с.
25. Центральный архив Министерства путей сообщения РФ (далее – ЦА МПС РФ). Ф. 1. Оп. 1-спр. Д. 214.
26. История железнодорожного транспорта Советского Союза. Т. 3: 1945–1991 гг. М., 2004. 631 с.
27. Железнодорожный транспорт СССР. 1946–1955. Сб. документов. М., 1994. 432 с.
28. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 285.
29. ЦА МПС РФ. Ф. 1. Оп. 1-спр. Д. 342.
30. ГАКО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 3.
31. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 40. Д. 2028.
32. Объединенный архив Московской железной дороги (г. Курск) (далее – ОА МЖД). Ф. 1-А. Оп. 1-Л. Д. 34.
33. ОА МЖД. Ф. 1-А. Оп. 1-Л. Д. 27.
34. Малая Советская энциклопедия. Т. 2. М., 1958.
35. Железнодорожный транспорт. Энциклопедия / гл. ред. Н. С. Конарев. М., 1994. 559 с.
36. ГАКО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 19.
37. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 5. Д. 2374.

38. Коровин В.В., Носов Д.М., Головин Е.А., Аргунов О.Н. Исторический опыт организации пассажирских перевозок на территории Курской области во второй половине XX века. Курск, 2023. 272 с.
39. ГАКО. Ф. Р-377. Оп. 2. Д. 114.
40. ГАКО. Ф. Р-377. Оп. 2. Д. 115.

Д. И. Шпиньков

Юго-Западный государственный университет

Электрификация сельской местности в Курской области в XX веке

Аннотация. В данной статье анализируется процесс электрификации сельской местности Курской области в XX веке. Рассматривается исторический аспект данной темы, проанализированы источники по данной тематике, а также дана оценка сохранившимся до нашего времени историческим сводкам. В статье дана характеристика начального состояния сектора, выделены причины его развития, а также отмечены проблемные точки, сильно тормозившие процесс электрификации сельской местности в Курской области.

Ключевые слова: Курская область; сельская местность; электрификация; электричество; энергия.

В наше время электричество является неотъемлемой частью жизни, однако пришло в нашу жизнь это явление не так давно, исследования по данному направлению начались только в начале XIX в. Здесь стоит отметить, что в российском государстве процесс электрификации начался немного позднее, чем в европейских странах: так, отправной точкой начала эры электричества на территории России принято считать начало 1880-х гг. [1].

Исследуя исторические источники можно найти большое количество данных, свидетельствующих о том, что процесс электрификации в Курской губернии начался в начале XX века. Так, во многих документах зачастую встречаются 1920-е – 1930-е гг., однако в этот временной промежуток проводить электричество начали в центральных районах региона. Что касается сельской местности, электричество там появилось намного позднее. Однако имеются факты, говорящие об обратном, что следует учитывать при исследовании данной тематики [3]. Так в архивах газеты «Курская правда», которая будет далее выступать одним из основных источников, в одной из статей отмечается, что в селе Букреевка Курской губернии проведено электрическое освещение в 1924 г., освещение провели в «хатах местной бедноты», а также им была оснащена мельница [1].

Следует рассмотреть, как происходила электрификация сельской местности курского региона в XX в. более подробно.

Электрификация сельской местности в Курской области началась еще в годы Второй мировой войны, однако в полной мере данный процесс был развернут в период реализации четвертого пятилетнего плана (1946–1950 гг.). Именно в эти годы упор делался на развитие электрификации с целью повысить показатели производительности труда в колхозном хозяйстве [2].

Исследуемый процесс начался изначально посредством разработки, а также сооружения небольших, так называемых местных электростанций, среди которых – тепловые и малые ГЭС. Здесь стоит отметить проблемы, которые стояли уже в самом начале: колхозам, совхозам и другим организациям зачастую приходилось самостоятельно решать различные технические вопросы – мощностные и проектные, касаемые сооружения станций. В соответствии с документами, требовалось «...ввести в действие по малым гидроэлектростанциям мощности на 1 тыс. кВт; наряду с дальнейшей электрификацией промышленности усилить электрификацию железнодорожного транспорта и сельского хозяйства; обеспечить массовое строительство в сельских местностях небольших гидроэлектростанций, ветростанций и тепловых электростанций с локомобильными и газогенераторными двигателями...» [3].

Стоит отметить, что планы по электрификации сельской местности были глобальными. В Курской области было запланировано сооружение более 200 плотин со строительством ГЭС, общая мощность которых составляла бы 4 тыс. кВт, а на больших реках общая мощность ГЭС должна была составлять примерно 5 тыс. кВт.

В 1947 г. была опубликована научная работа «Электричество на село», в которой были выделены проблемы, среди них: строительство гидростанций кустарным способом, слабый уровень изученности энергетических ресурсов района, отсутствие планирования электрификации, в некоторых регионах отмечается дефицитность необходимо оборудования, малоэффективная деятельность органов местного самоуправления [4].

Электрификация колхозов не имела особенного прогресса: из установленного плана удалось электрифицировать лишь 1 % хозяйств, в целом план был выполнен всего на 27 %. Немногим лучше ситуация была со строительством тепловых станций, однако план и по их сооружению не был выполнен. Самые низкие темпы строительства отмечались в Щигровском, Корочанском, Ивнянском, Фатежском, Беленихинском, Пристенском районах, здесь также отмечалась нехватка материала для строительства [1].

В сельской местности Курской области продолжали стараться выполнить поставленные задачи, однако, если исходить из материалов источников тех лет, во многих статьях указывалось на

неудовлетворительную деятельность по электрификации. Отмечалось, что данной программой занималась некая «контора “Сельэлектро”». Темпы программы были слишком велики для организации, однако в исследуемый период «Сельэлектро» смогли не только достигнуть необходимых темпов. В силу этих факторов руководство по строительству и электрификации сельских районов было передано межрайонным конторам, которые относились к Белгородскому, Льговскому и Щигровскому районам, однако к повышению эффективности это не привело в силу барьеров передачи информации между организациями.

Несмотря на то, что уложиться организации в установленные сроки не смогли, программа сельской электрификации постепенно набирала обороты. Так, в 1946 г. в эксплуатацию были введены электростанции при Суджанской и Рыльской МТС. В 1947 г. были установлены собственные электростанции в колхозах Тимского района, Казанского совхоза – сейчас Золотухинский район, Отрешковской и Свободинской МТС. В 1948 г. шло сооружение электростанций в колхозах Конышевского, Солнцевского, Льговского, Касторенского районов [3].

Стоит отметить, что наибольший пик строительства электростанций в сельской местности курского региона пришелся на 1949 г. Тогда были введены в эксплуатацию электростанции при Медвенской МТС, в Черемисиново, в колхозе Обоянского района. Также были сооружены четыре крупных межколхозных электростанции в Томаровском районе, их совокупная мощность составляла 595 кВт, что позволяло передавать энергию в 24 колхоза – в Бесединском, Обоянском и Рыльском районах. То есть, если подробно изучить географию Курской области, можно отметить, что почти каждый ее район попал под программу электрификации, при этом электричество было проведено во многих колхозах [2].

В СССР зачастую какие-либо значимые события старались приурочить к памятным датам, так произошло и с запуском электростанций [3]. Например, некоторые источники свидетельствуют, что незадолго до очередной годовщины полного освобождения области от немецко-фашистских захватчиков (2 сентября 1943 г.), в домах колхозников артели «Нива» в Фатеже было проведено электрическое освещение, причем от электростанции, которая, в свою очередь, была построена к шестой годовщине со дня освобождения области.

Электрические мощности стали неотъемлемой частью жизни людей в сельской местности, постепенно его стали применять в качестве электропривода, позволяющего молотить зерно. Нашли и другие варианты применения электричества. Например, в Льговском районе электростанция была необходима для непрерывной работы токарных станков, она также питала насосную станцию, агрегаты для обработки моторов и многое другое. Со временем электричество стали проводить на фабриках и заводах в сельской местности, в жилых домах, в общежитиях [4].

Так во второй половине XX века в колхозах Курской области молотилки все чаще стали приводиться в движение посредством электрического тока, электромоторами было оборудовано еще 20 колхозов в курской регионе. Здесь стоит отметить характерную черту для исследуемого региона – по большей части электричество применялось при молотье хлеба: было создано больше тысячи электромолотильных пунктов [3]. Также было построено много пунктов, специализирующихся на очистке и сортировке зерна в одних колхозах, в других выполнялась сушка зерна, приготовление и обработка силоса посредством электричества. В МТС и колхозах появлялась электрическая сельскохозяйственная техника, например, электрозерноочистители [1].

Таким образом, анализ электрификации сельской местности в Курской области в XX в., показывает, что, во-первых, процесс проведения электричества в колхозы и другие предприятия достаточно тяжелая задача, на пути которой стояло большое количество проблем, среди них: неорганизованность, нехватка материалов, применение кустарных технологий. Во-вторых, сложился определенный характер сельской электрификации в Курской области, его принято называть «хлебным», потому как большая часть мощностей применялась для питания и освещения различных колхозных зданий, зерномолотилок и другого оборудования, в то время как первоначальной целью электрификации являлось электроосвещение домашних владений.

Так, меньше, чем за пять лет во многих сельских объединениях было проведено электричество, причем последнее стало применяться не только для освещения, но и для развития производства.

Источники и литература

1. Город возвращается к жизни [Электронный ресурс] // URL: <https://gi-kursk.ru/news/city/52729/> (дата обращения: 02.02.2024).
2. Жигулин Е. П. Развитие сельской электрификации в Курской области в 1948–1950 гг. // Innova. 2016. № 1(2) [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-selskoy-elektifikatsii-v-kurskoy-oblasti-v-1948-1950-gg> (дата обращения: 02.02.2024).
3. Провинциальная хроника. Несостоявшийся проект [Электронный ресурс] // URL: <http://old-kursk.ru/book/lagutich/hronica/hron022.html> (дата обращения: 02.02.2024).
4. Шефская помощь в электрификации села Букреевка [Электронный ресурс] // URL: <https://istmat.org/node/34849> (дата обращения: 02.02.2024).

Н. И. Чаплыгина
кандидат исторических наук
Курский государственный университет

**Первая мировая война и духовная жизнь провинции
(на примере Курской губернии)**

Аннотация: в работе анализируется деятельность курской интеллигенции по оказанию помощи солдатам на фронте, беженцам в тылу и малообеспеченным семьям курян, а также благотворительная деятельность.

Ключевые слова: духовная сфера; благотворительная деятельность; культура; искусство; беженцы; материальная помощь; благотворительные организации.

Первая мировая война 1914–1918 гг. потрясла все сферы жизни европейского общества. Такого накала военных действий, использования новых средств ведения войны, включая химического оружия, миллионные жертвы человечество еще не знало. Еще большее потрясение она вызвала на локальном уровне. Поэтому актуальность исследования проблемы влияния Первой мировой войны на духовную жизнь провинции определяется потребностью во всестороннем изучении этого феномена в том числе и на местном уровне. Особое значение имеет исследование деятельности провинциальной интеллигенции, которая во многом формировала мировоззренческие установки, и жизненные ориентиры повседневного поведения большей части жителей.

Анализ многочисленной исторической литературы показывает, насколько не хватает нашей историографии глубокого осмысления Первой мировой войны. Российская, советская и постсоветская историография, к сожалению, не обращала внимания на очень многие аспекты, приведшие к войне. И не столько в силу научной небрежности, – есть примеры превосходных работ ученых над архивными документами, – сколько в силу некой мировоззренческой скованности. Естественно, парадигма осмысления исторических процессов в основном направлена была в то время на то, чтобы выделить те из них, которые, так или иначе, продвигали мир к изменению общественно-политического строя. Такие понятия, как восприятие войны в глубинке, ее эволюция, степень общественной сплоченности, то есть то, что обеспечивает целостность, преемственность единого социального организма с общими целями, историческими переживаниями, в советской историографии не поощрялись. А потому, с учетом огромной исследовательской работы, которую, несмотря ни на что, проделала российская наука в советское время, сегодня необходимо по-новому, через другую призму, взглянуть на этот период истории. В современной России невнимание к изучению периода Первой мировой

войны привело к значительным искажениям в историческом сознании общества. А ведь отсутствие преемственного исторического сознания является слабостью любого государства. Когда нация не может найти согласия ни по одному вопросу прошлого, настоящего и будущего, она не способна осознать свои исторические интересы и легко поддается на чуждые проекты и идеи.

Для большинства курян война стала неожиданностью. Однако абсолютное большинство из них были готовы, как говорилось в манифесте императора Николая II, «отразить, поднявшись как один человек, дерзкий натиск врага, забыв все внутренние распри». Они искренне воспринимали начавшуюся войну как «Вторую отечественную». В местной печати появились первые отклики представителей интеллигенции города, в которых они призывали жителей губернии сплотиться вокруг трона и примерно наказать германцев. В памяти были еще свежи воспоминания от пышного празднования столетия победы русского оружия во франко-русской войне 1812 года. В обществе чувствовалась недооценка противника, шапкозакидательские настроения, земские учителя, врачи делали ставки на скорую победу России.

Интеллигенция в ответ на обращение императора активизирует свою деятельность. Начинается сбор пожертвований для солдат и их семей, которые отправляются на фронт. С этой целью устраиваются благотворительные вечера, лотереи, аукционы, концерты. Так, выступления местных музыкальных коллективов проходят в Белгороде, Путивле, Фатеже и других уездных городах. Например, 14 декабря 1914 г. в Судже был организован Славянский патриотический вечер. Практически одновременно в Черемисиново в доме купца Ворошила состоялись несколько музыкальных вечеров.

Несмотря на военные действия, активизируется деятельность курского отделения императорского русского музыкального общества (ИРМО). Оно действовало в стране со второй половины XIX в. до начала XX в. Его главной целью было стремление содействовать распространению музыкального образования, приобщению широкой публики к серьезной музыке, «поощрению отечественных талантов» и сделать серьезную музыку доступной широкой публике и способствовать распространению музыкального образования. Общество находилось под покровительством императорской фамилии. Августейшими председателями были великая княгиня Елена Павловна, великие князья Константин Николаевич, Константин Константинович. Благодаря активности курского скрипача И. А. Егудкина 21 ноября 1915 г. местное отделение организовала концерт. В нем приняли участие: И. А. Егудкин (1-я скрипка), Н. М. Мочаров (2-я скрипка), Н. А. Гнучев (альт), А. Г. фон Цвигман (виолончель), О. Н. Сибилева-Самохина (фортепьяно), А. Дагул (фортепиано). Солистом был певец П. Юрьян. Он несколько лет прожил в Курске, где преподавал пение и одновременно выступал с концертами.

Значительно активизировал благотворительную деятельность симфонический оркестр. Его артисты давали бесплатные концерты для военнослужащих в казармах, раненых в госпиталях. Он по праву занимал центральное место в музыкальной жизни губернии. Многие музыканты из его состава окончили Петербургскую, Варшавскую, Прусскую и другие консерватории. Дирижировал оркестром М. М. Аманьяк. Он до этого более 20 лет проработал в Мариинском театре Петербурга и одновременно в оркестре Императорского балета [1, л. 16].

Однако большим успехом у солдат и офицеров пользовался оркестр народных инструментов, или как он тогда назывался великорусский оркестр, под управлением тонкого знатока русской народной музыки Г. Иоффе, существовавший с 1915 г. С участием коллектива в Курске возникло немало самодеятельных ансамблей, бережно сохранявших народные песни и танцы. Оркестр часто давал благотворительные концерты, средства от которых направляли, прежде всего, детям из семей, где кормильцы погибли на фронте [2, л. 83]. В начале января 1915 г. концерты прошли в селе Борщень Суджанского уезда. Их организовали в пользу беженцев западных губерний.

По мере того как Россия стала уступать свои территории врагу, а война принимала затяжной характер эта проблема обострялась. А в целом за 1914–1917 гг. насчитывалось около 5 млн беженцев [3, с. 44]. На начальном этапе военных действий в губернию прибывали единичные семьи беженцев. Ситуация обострилась во второй половине 1915 г. это было связано с отступлением русских войск. Она усугубилась из-за планов нашего командования превратить оставленные районы в Галиции и западных губерний империи в «пустыню» для Австро-Венгрии и Германии. Здесь развернулась тотальная эвакуация населения. Прежде всего, военнопленных и трудоспособных лиц от 12 до 50 лет. Причем уничтожалось их имущество: сжигались посевы, инвентарь, дома и постройки. Людям оставляли только месячную норму продуктов.

В итоге, это спровоцировало целый поток беженцев. Хотя, на мой взгляд, точнее их надо назвать выселенцами, так как покинули они свои родные места и бросили свое достояние не по собственной воле. А по распоряжению и под давлением военных властей. В первую очередь принудительному выселению подлежали этнические группы, огульно обвиненные военными в «шпионстве» и «враждебном» отношении к России. В основном это евреи и уроженцы Галиции, как подданные неприятельского государства. Особенно опасными были признаны немцы-колонисты Волынской и других юго-западных губерний, которых депортировали административным порядком в восточные районы страны под надзор полиции.

Для оказания помощи беженцам Николай II 14 сентября 1914 г. своим указом учреждает «Комитет Ее императорского высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи

пострадавшим от военных бедствий» [4]. В народе он получил название «Татьянинский комитет». Это была специализированная благотворительная организация всероссийского масштаба и получавшая значительные государственные субсидии. Это позволяло Комитету занять лидирующее положение среди других общественных организаций, которые помогали этой категории населения. С ним охотно сотрудничали и богатые люди того времени.

Довольно быстро открылись его отделения в провинции. Инициатором создания Курского отделения стал Сергей Васильевич Быков. Он занимал должность товарища председателя Курского окружного суда. Великая княжна Татьяна официально утвердила открытие отделения 7 октября 1915 г. В него входило 73 человека. Однако благодаря усилиям губернской интеллигенции фактическая работа отделения началась уже с сентября того же года.

Председателем Курского отделения Татьянинского комитета стал сам губернатор А. К. Багговут. Почетным председателем – епископ курский и обоянский Тихон. Заместителями председателя – местный вице-губернатор и С. В. Быков. В состав отделения также вошли губернский предводитель дворянства, председатель губернской земской управы, председатель курского отдела ВСГ, а также руководители местных государственных учреждений, железнодорожных управлений, учебных заведений, банковских структур, представители купечества и т. д. Однако большинство сотрудников являлись медиками, учителями, инженерами, священниками, в том числе православный протоирей И. Ф. Пузанов, поляк-ксендз Ф. Улинский, курский губернский пастор А. А. Башвиц, мулла Т. Н. Бафиров и др. В составе отделения имелось немало евреев. Например, директор курского отделения Петроградского международного коммерческого банка Д. И. Фейнберг. Обращает внимание и наличие 17 женщин, из которых многие работали вместе с мужьями. Наконец, уже в первом составе курского отделения появились представители национальных беженских организаций и самого эвакуированного населения – уполномоченный польского Центрального обывательского комитета в Курской губернии А. Л. Холевинский, директор эвакуированной в г. Курск Сандомирской мужской гимназии Я. В. Юзефович и т. д.

Столь пестрый состав членов курского отделения отнюдь не случаен, а отражал политику руководства Татьянинского комитета, которое с момента образования призывало все население страны оказывать поддержку всем беженцам вне зависимости от их вероисповедания и национальности [5, с. 4, 12, 16].

Местная интеллигенция с энтузиазмом приняла участие в помощи беженцам. Особенно в ней нуждались беженцы, расселенные в сельской местности. Был организован сбор вещей и денег. Это дало возможность к началу 1916 г. раздать нуждающимся до «200 пудов теплых вещей, и

12 тыс. руб.». В целом, к 1 января 1916 г. общие расходы на нужды беженцев составили по Курскому отделению 88 тыс. руб., из них 31 % приходилось на местные пожертвования, остальные поступили через Татьянинский комитет из государственных средств [6, л. 421–425].

Врачи, учителя, священники инициировали начало акции «Капля молока». Ее суть заключалась в том, чтобы обеспечить детей младшего возраста молоком. Ежемесячно стараниями лучших представителей интеллигенции удавалось собрать до 2000 бутылок молока, которые бесплатно передавались детям. Особое внимание уделялось детям, которые потеряли родителей. Все они были помещены в приюты или в монастыри. Они были обеспечены питанием и присмотром. Курское дворянство 27 августа 1915 г. передало свое здание под приют на 100 с лишним детей беженцев. При нем была организована школа, сапожная и столярные мастерские. Приют опекала княгиня Н. В. Дондукова-Изъединова, супруга губернского предводителя дворянства. Она за свою активную благотворительную деятельность была удостоена звания «почетного члена» курского отделения Татьянинского комитета.

Для учащихся, эвакуированных в Курск средних учебных заведений Отделение открыло мужское и женское «общежитие» на 30 чел. Каждое, с полным содержанием, кроме того, в Курске создали специальную больницу на 30 детей беженцев.

Медицинская помощь была особенно нужна людям, которые были вынуждены эвакуироваться вглубь страны. Первоначально преобладали гужевые перевозки по грунтовым дорогам. Значительная часть выселенцев тронулась в дальний путь на восток на собственных лошадях. Их повозки, по словам современникам, представляли движущие дома. Старики и дети ехали на таких «фурах», а остальные члены семьи шли рядом пешком рядом, гоня скот или просто жалея лошадей, едва везущих перегруженный воз. Также беженцев эвакуировали на «обывательских подводах», которые по приказу местных властей бесплатно подавались крестьянами тыловых местностей. Такие беженцы, представляли ужасное зрелище. Они, лишившись всякого имущества, не имевшие собственных лошадей, бежавшие часто десятки верст от наступающего врага – теперь ехали совершенно обездоленные, с небольшими котомками в неизвестную им глубинку России. [7, с. 222, 223]

Дорога гужевым транспортом от западных границ до Курской губернии занимала у беженцев от двух до трех месяцев пути. Военное командование и земства во время переселения организовывало их питание, дети получали молоко и белый хлеб, скотина фураж. Однако отсутствие элементарных гигиенических условий, дожди, холодные ночи, недостаточное питание способствовали развитию в этой среде эпидемий холеры, тифа и других опасных заболеваний. Курские медики на границах губернии обследовали обозы, выявляли больных, оказывали первую медицинскую помощь.

Осенняя распутица к октябрю 1915 г. практически закрыло возможности эвакуации беженцев гужевым транспортом. К этому времени расширились перевозки по железной дороге. Вначале беженцев перевозили в товарных вагонах, приблизительно по 30 чел. В них не было отопления, но были страшные сквозняки.

На узловой станции «Курск-Ямская» городская управа для беженцев был организован пункт питания. Он также обслуживал и транзитных беженцев, которые через станцию отправляли в другие губернии. Только к 5 декабря 1915 г. их проследовало через Курск около 70 тыс. чел. Подобные приемные пункты были организованы в Белгороде, на станциях Прохоровка Корочанского уезда, Поныри Фатежского уезда и др. Местные власти, интеллигенция всегда готовились к приему таких составов. Например, 10 сентября 1915 г. на ст. Прохоровка прибыл эшелон со 1200 беженцами. Все они прошли медицинское освидетельствование и распределены по квартирам Поньровской волости Фатежского уезда. Причем ее население добровольно выставило необходимое число подвод, чтобы всех развести на постой. Там, где жили беженцы, домохозяйства для них бесплатно предоставляли не только кров, но и питание [8, л. 11].

Заслужкой курской интеллигенции стала разъяснительная работа с местным населением, что помогло создать положительное отношение к беженцам. Особенно это относится к выселенцам из Волынской губернии, многие из них не знали русского языка и в силу различных слухов, предрассудков очень волновались, как их встретят на новом месте. Об этом свидетельствует записка старшего эшелона с беженцами Квасневского. Он, в частности отмечал, что «беженцы-малороссы ужасно сожалеют, что их направили к великороссам, они боятся их, видя не совсем доброжелательное отношение к себе последних. Они прямо плакали и просили не оставлять их (на станции высадки – в Прохоровке Курской губернии. – *Н. Ч.*) среди чужих им по языку и нравам людей» [9, с. 34]. Другой старший эшелона (Гошицкий), наблюдая прием эвакуированных на станции Поныри и прямо в крестьянских домах сделал вывод: «Великороссы приняли беженцев-малороссов добровольно, радушно и весьма сочувственно» [9, с. 35].

Это было важно для поддержания благоприятного социального климата в губернии. Ведь на начало 1916 г. у нас насчитывалось беженцев более 80 тыс. В целях объективности исследования стоит отметить, что куряне проявили явное предубеждение только к одной этнической группе беженцев – волынским немцам-колонистам. Во многом это было связано с военным противостоянием России и Германии в Первой мировой войне. Об этом свидетельствуют прошения крестьян из г. Обояни, поданные ими на имя губернатора. В них они просили не присылать им немцев-колонистов, так как они не могут «принять их с открытыми объятиями как людей враждебного племени, которые ввиду несчастного положения на театре военных действий будут надменно смотреть на нас и наши заботы о

них, будут принимать как должное им, что очень прискорбно для каждого русского гражданина». Одновременно обоянцы заявили, что готовы принять «латышей, литовцев, поляков и вообще людей славянского племени, так как местное население этих лиц с радостью приютят, к немцам же относится недоброжелательно и потому расселение и признание их в нашем городе весьма затруднительно» [11, л. 2, 4, 18]. Благодаря совместной разъяснительной работе местных властей и уездной интеллигенции особых конфликтов с этой группой беженцев замечено не было.

Беженцы получали пайковые деньги в размере 15 коп. в день на взрослого, 10 коп. – на ребенка, что составляло соответственно 4,5 руб. и 3 руб. в месяц, а также 1,2 руб. в месяц на человека, так называемое квартирное пособие. Со временем ситуация стала ухудшаться. Война, события февраля и октября 1917 г. привели к гиперинфляции и обнищанию населения.

Против беженцев участились случаи выступления местного населения. Оно стало смотреть на них как явную обузу. Во многом это объяснялось психологической усталостью от длительного проживания с чужими людьми в тесных жилищах и необходимостью нести немалые расходы на их содержание. Например, в прошении Горайновской волостной управы Фатежского уезда от 11 октября 1917 г. указывалось, что 9 ноября 1915 г. в волости расселили более 250 семей беженцев. Они были доставлены из Волынской, Львовской и Минской губерний. В течение этих двух лет беженцы все время пользовались у владельцев бесплатно квартирою и отоплением, часть и продовольствием. В настоящее время дальнейшее содержание у себя беженцев становится обременительным как ввиду того, что беженцы простояли на квартирах у домохозяев волости два года, стесняя их покой в своих собственных помещениях, так и ввиду того, что у населения средств для обеспечения беженцев продовольствием и топливом не имеется [11, л. 131].

Ситуация действительно резко ухудшилась. По данным статистики труда, самый низкий средний заработок рабочих в период войны был в Тамбовской и Курской губерниях. Так, в телеграмме министру путей сообщения, направленной в январе 1916 г. курскими железнодорожниками, говорилось: «... Жизнь вздорожала в полтора-два раза, тридцать-сорок рублей жалованья не хватает на полуголодное существование, дети лишены молока, белого хлеба. Наступила зима, а мы не можем обновить обувь, одежду; обувь для одного стоит 12–15 рублей. То есть полжалованья. Не в чем пустить в школу детей, кругом долги... Слишком трудное положение» [11, л. 12, 13]. А в сельской местности было еще сложнее.

События 1917 г. еще больше ухудшили обстановку. Брестский мир, подписанный большевистским правительством с кайзеровской Германией,

не принес спокойствия в Курской губернии. Крестьяне прифронтовой полосы требовали изгнания немецко-австрийских войск.

Германия в состав Украины включала и ряд территорий, входивших в состав Курской и Воронежской губерний. Вместе с немецкими восками, действовали и отряды гайдамаков гетмана Скоропадского. Под их контролем оказались Белгородский, Путивльский уезды, ряд волостей Рыльского, Львовского, Суджанского, Корочанского уездов, города Путивль, Рыльск, Суджа, Белгород, Короча, Грайворон и др. Начинается партизанская война, в ней активное участие принимает и интеллигенция. Получив ряд серьезных поражений, немецкое командование соглашается на переговоры. В Курск для участия в них прибыла советская делегация во главе с И. Сталиным, О. Мануильским и др. На них была достигнуто соглашение о прекращении огня. На львовско-корочанско-суджанском направлении боевые действия были прекращены 4 мая, на белгородском – 6 мая. В ноябре – декабре 1918 г. начинается эвакуация и отвод войск противника, которых преследовала 2-я Украинская повстанческая армия и красноармейцы.

Оценивая в целом деятельность провинциальной интеллигенции следует отметить, что она много сделала для разъяснения среди населения целей Первой мировой войны, оказания помощи воюющей армии, раненым, беженцам и т.д. Однако часть ее пошла за большевиками и выступила под лозунгом превращения войны империалистической в войну гражданскую.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5371. Оп. 1. Д. 26.
2. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 2. Д. 191.
3. Пироговский съезд врачей и представителей санитарных организаций Земств и городов по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени. Пг., 1916. 344 с.
4. Сборник циркулярного Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны с сентября 1914 года по 1 января 1917 года. Вып. 1. Пг., 1917. 106 с.
5. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9122.
6. Комитет Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий за 1914 год. Т. 1. Пг., 1914. 323 с.
7. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8923.
8. Труды областного совещания по оказанию помощи беженцам, состоявшегося в г. Киеве при Комитете Юго-Западного фронта Всероссийского земского союза 15–17 октября 1915 г. Киев, 1915. 234 с.
9. ГАКО. Ф. 230. Оп. 1.
10. ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 276.
11. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 766.

Е. В. Сулицкая

Центральный государственный архив Московской области

**Горнозаводская промышленность
от Подмосковского угольного бассейна
до угольного бассейна Донбасса**

Аннотация. В статье рассказывается об истории угольной промышленности и объединение угольных шахт во Всероссийский союз горнорабочих.

Ключевые слова: горное дело; каменный уголь; угольный бассейн; производственный союз; коллективный договор.

История России неразрывно связана с горнозаводской промышленностью. Горнозаводские рабочие, ценою своих жизней, некогда исключительно сельскохозяйственную страну вывели на путь технологического прогресса.

На территории бывшего СССР в изобилии встречаются горные кряжи, изобилующие всевозможным полезными ископаемыми. В начале XX в. важнейшие отрасли русского горного дела и горнозаводской промышленности шли по своему относительному значению в следующем порядке: каменный уголь – 33 %, чугун – 21 %, золото – 14 %, медь – 4 %, к этому времени и нефть стала играть весьма важную роль [1]. Иную картину и невозможно еще представить. Добычей каменного угля только промышленяли, нефть еще не была известна в полной мере.

Каменный уголь веками лежал втуне. Его промышленное значение было впервые понято лишь тогда, когда в конце XVII в. началось развитие горного дела, которое было немислимым без горючего материала. Имеется сообщение, что, увидев по пути в Азов кусок каменного угля, Петр I сказал: «Сей минерал, ежели не нам, то потомству нашему полезен будет». 23 декабря 1722 г. император приказал: «На Дон в Казачьи городки, в Оленьи горы, да в Воронежскую губернию, под село Белогорье, для копания каменного угля и руд, которые об'явил под'ячий Копустин, из берг-коллегии послать нарочного, и в тех метях того каменного угля и руд в глубину копать сажени на три и более, и, накопав пуд по пяти, привезть в берг-коллегию и опробовать, и в оном копании руды и угля о вспоможении к губернатору Измайлову послать указ». Вслед за тем 9 ноября 1723 г. было отдано распоряжение вызвать из Англии мастера Никсона с четырьмя помощниками. Англичане уже вскоре прибыли в Россию, и они вместе с Копустиным, который обнаружил руду, отправились в указанные им места. Они должны были «буравыми шупать глубину» и выяснить, «годно ли то уголье будет к кузнечным и прочим делам, против английского». Для производства разведок были наняты работники, но, однако, эти ранние попытки не привели к каким-либо практическим

результатам. И только в 1790 г. по инициативе Потемкина и местного помещика Штерича у реки Белой был устроен казенный завод, который работал на местном угле. Открытие угля и железной руды побудило Потемкина продолжать изыскания, в результате чего были обнаружены богатые каменноугольные копи в урочище Лисичьем Буераке [3]. До 60-х гг. XIX в. производство развивалось крайне медленно. Положение изменилось лишь с проведением железной дороги.

Залежи угля имелись в разных районах СССР. Полагают, что наиболее богатой в данном отношении являлась Иркутская губерния. Но особое значение было у Подмосковного угольного бассейна, который является одним из старейших в России, как по геологическому возрасту, так и по началу разработки месторождений. Площадь в 120 тысяч квадратных километров угольные залежи располагаются на территориях Ленинградской, Новгородской, Тверской, Смоленской, Московской, Калужской, Рязанской и Тульской областей. Системная добыча угля началась в 1855 г. В Тульской губернии начало угледобычи относится к 1844 г.

С началом Великой Отечественной войны в ноябре 1941 г. немецкие войска вторглись в пределы Подмосковья. В минимально короткие сроки из шахт извлекалось оборудование и отправлялось в тыл, в адрес строящегося Кузбасса. На готовых к эксплуатации шахтах взрывались стволы и копры, затапливались горные выработки с оставшимся оборудованием, выводились из строя линии электропередач и электростанции. Суровая необходимость заставляла разрушать угледобывающие предприятия, лишая оккупантов возможности восстановить добычу.

Недолго похозяйничав в Мосбассе, полностью разрушив промышленность, разорив города и населенные пункты, оккупанты бежали под натиском советских войск. Вместе с ними убрались и германские «специалисты», прибывшие с обозом немецкой армии для спешной организации акционерного общества по эксплуатации Подмосковного угольного бассейна. Сразу после освобождения, в декабре 1941 г., начались восстановительные работы. Суровой зимой (в январе – феврале 1942 г. морозы были ниже -30°C), не считаясь со временем и условиями (95 % угольных шахт было затоплено), горняки Подмосковья сделали невозможное: за короткие сроки восстановили производство. Через месяц после освобождения Сталиногорска были добыты первые 22 т угля. В сентябре 1942 г. суточная добыча по бассейну вышла на довоенный уровень, достигнув 35 тыс. т [2].

В конце 1950-х гг. угольные предприятия Мосбасса достигли небывалой производительности – почти 50 млн т угля в год. В указанный период развития энергетики и промышленности Центрального региона России, уголь являлся основным, и почти единственным стабильным источником тепловой и электрической энергии.

В конце 1990-х гг., проведенная федеральными ведомствами реструктуризации угольной промышленности в Подмосковье, почти полностью ликвидировала угольную отрасль.

Сейчас звучит странно или, даже вычурно: «Пролетарии всех стран соединяйтесь», а совсем недавно под таким лозунгом Всероссийский союз горнорабочих объединил все угольные шахты, торфоразработки и нефтяные разработки бывшего СССР [7].

В протоколе № 2 Съезда Союза Горнорабочих Центральной России от 20 февраля 1919 г. в разделе 4. Организационные вопросы т. Фрадкин говорил, что Шахтерсоюз должен быть преобразован в производственный союз как составная часть Всероссийского союза горнорабочих. Его членами должны быть рабочие и служащие всей ископаемой и горнодобывающей промышленности центральной России, а не только подмосковных каменноугольных копей [4, л. 37].

Обсуждается также возобновление рабочего контроля, национализацию предприятий и введение единого порядка работы шахт. Предлагается пересмотреть тариф на оплату труда, и ввести единую тарифную ставку [6].

В коллективном договоре от 1 апреля 1923 г., заключенный между Московским районным комитетом Всероссийского союза Горнорабочих, именуемый в дальнейшем «МОСРАЙКОМ», и Московским отделением Донбассторга были указаны все условия взаимодействия от приема и увольнения сотрудников до культурно-массовых мероприятий. Были установлены единые тарифные ставки для горнорабочих, заключены коллективные трудовые договоры, унифицированы правила трудового распорядка и работа по охране труда [5, л. 42].

С этого момента все горняки тесно сотрудничают регионами, тяжелый труд объединяет не только для увеличения выработки угольной руды, но и курируют шахты в трудные моменты их существования. Так и сейчас угольный Кузбасс помогает шахтерам Донбасса восстанавливать работу шахт, курирует регион и с гуманитарной миссией.

Источники и литература

1. Яблоков В.С. История изучения каменноугольных отложений и углей Подмосковного бассейна. М., 1967.
2. Оника Д. Г. Подмосковный угольный бассейн (1855–1955) / Д. Г. Оника. М., 1956. 233 с.
3. Гессен Ю. История горнорабочих России до 60 гг. XIX века. 1926. 271 с.
4. Центральный государственный архив Московской области (далее – ЦГАМО). Ф. 29. Оп. 1. Д. 2.
5. ЦГАМО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 42.
6. Володин С. Ф. Социальная история Мосбасса: 1917–1945 годы. Тула, 2013. 173 с.
7. Зелепукин С. В. Подмосковный угольный бассейн: современный этап развития // Уголь. 2002. № 8. С. 31–32.

А. В. Тилинин

Государственный архив Курской области

**Деятельность местных органов военного управления
по организации всеобщего военного обучения
в Курской губернии в 1918 году**

Аннотация. В статье дается анализ деятельности военных комиссариатов по организации всеобщего военного обучения в Курской губернии. Отсутствие опыта и сложная политическая обстановка существенно сказывались на ходе данного процесса.

Ключевые слова: военный комиссариат, всеобщее военное обучение, отдел, инспектор, инструктор.

22 апреля 1918 г. был издан декрет ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству», главной целью которой являлась создание системы военной подготовки боевых резервов РККА. Согласно декрету, организацией обязательного обучения военному делу на местах должны были ведать окружные, губернские, уездные и волостные военные комиссариаты [1, с. 151]. В развитии этого положения Народным комиссариатом по военным делам 7 мая был издан приказ № 325 об учреждении при Всероссийском главном штабе центрального отдела по всеобщему военному обучению и об учреждении таких же отделов на местах [2, л. 13]. По получении этих распоряжений, Курским губернским военным комиссариатом 9 мая 1918 г. был сформирован отдел всеобщего военного обучения, на который и возлагались соответствующие задачи. На должность заведующего отделом был назначен бывший помощник командира 123-го Козловского пехотного полка Александр Васильевич Лоскутов [3, л. 4].

Организацию военного обучения в Курской губернии приходилось начинать в достаточно неустойчивом состоянии. Отдел первое время существовал как сверхштатный, а каких-либо указаний, инструкций и руководств из центра для организации военного обучения в распоряжении губернского военкомата не поступало [4, л. 584]. Собственными усилиями отдела была создана инструкция для уездных военных комиссариатов по организации аналогичных отделов, которые по распоряжению последнего были сформированы к концу июля [3, л. 4 об.]. В инструкции уездным военкоматам прописывались задачи по организации всеобщего военного обучения, в которые входили:

- собирать статистические данные о числе подлежащих обучению в уезде, волости, селе и в фабричных пунктах и вести их учет;
- составлять план призыва по уезду согласно распоряжениям губвоенкомата;

- указывать пункты обучения и число обучающихся там, а также инструкции, время начало занятий и их продолжительность;
- рассылать информацию и всю необходимую литературу по волостным отделам всеобщего военного обучения;
- составлять и предоставлять сведения в Курский губернский военкомат по необходимому обмундированию;
- вести агитационную деятельность по пропаганде идей всеобщего военного обучения;
- составлять расписания проведения всеобщего военного обучения по неделям, опираясь на общее расписание;
- составляет и представляет в губвоенкомат сведения о штатах уездных, городских, волостных и районных отделов всеобщего военного обучения [5, л. 87–87 об.].

В свою очередь, в волостях формирование отделов всеобщего военного обучения тормозилось из-за того, что волостные военные комиссариаты в большинстве уездов до июля месяца редко где существовали [4, л. 584].

Окончательные штаты отделов были утверждены Народным комиссариатом по военным делам только 10 сентября 1918 г. после одобрения соответствующего проекта штатов от центрального отдела по всеобщему военному обучению (таблица № 1, 2, 3) [2, л. 14–15 об.].

Таблица № 1. Штат отдела всеобщего военного обучения губернского комиссариата по военным делам

Наименование должностей	Количество	Оклад в месяц
Губернский инспектор*	1	700 руб.
Заведующий отделом	1	600 руб.
Помощник заведующего отделом	1	550 руб.
Делопроизводитель	1	375 руб.
Переписчик	1	325 руб.

* Губернский инспектор назначается по согласованию губернского военного комиссариата с отделом всеобщего военного обучения.

Таблица № 2. Штат отдела всеобщего военного обучения уездного комиссариата по военным делам

Наименование должностей	Количество	Оклад в месяц
Уездный инспектор*	1	600 руб.
Заведующий отделом	1	550 руб.
Помощник заведующего отделом**	1	450 руб.
Делопроизводитель	1	375 руб.
Помощник делопроизводителя	1	350 руб.
Переписчик	3	325 руб.

*Уездный инспектор назначается по согласованию Уездного военного комиссариата с окружным инспектором всеобщего военного обучения.

**Помощник заведующего отделом назначается из числа сотенных инструкторов

Таблица № 3. Штат местного бюро всеобщего военного обучения

Наименование должностей	Количество	Оклад в месяц
Сотенный инструктор	1	550 руб.
Член бюро*	2	—
Переписчик	1	—

*Член местного бюро назначается из числа местных сельских комитетов.

Необходимо отметить, что штаты волостных военных комиссариатов в целом находились в ведении уездных военкоматов. В этой связи, в изданном положении штаты отделов всеобщего военного обучения волостных военкоматов не прописывались. В свою очередь, для проведения военного обучения при школах, заводах, фабриках, в сёлах и пр. формировались соответствующие местные бюро военного обучения, которые открывались распоряжением уездного военного комиссара при наличии не менее 100 фактических обучающихся. Бюро функционировали на период прохождения всего курса обучения всеми лицами, прикрепленным к данным бюро, и по окончании обучения подлежали расформированию [2, л. 15 об.]. В случае наличия в губернии городских военных комиссариатов, аналогичные отделы всеобщего военного обучения организовывались и в нем. Все необходимые инструкции для руководства местным отделам и бюро всеобщего военного обучения прописывались в «положении о всеобщем военном обучении» [6, л. 39–40 об.].

Также, для организации и контроля дела обучения на местах при военных комиссариатах назначались соответствующие окружные, губернские и уездные инспектора по всеобщему военному обучению [2, л. 11]. Инспекторами могли стать только бывшие офицеры от ротного командира и выше. Обязательным условием для данной должности являлось прохождение специальных 2-недельных курсов, которые открывались в центральном отделе всеобщего военного обучения в Москве, а также при окружных военных комиссариатах [2, л. 7]. В Курской губернии должность губернского инспектора по всеобщему военному обучению была учреждена приказом губернского военного комиссара № 92 от 4 октября 1918 г. Им был назначен А. В. Лоскутов, который также временно сохранял обязанности заведующего отделом всеобщего военного обучения. В приказе также прописывалось, что отдел всеобщего военного обучения и инструкторский отдел губвоенкомата переходили в непосредственное подчинение губернского инспектора [7, л. 103]. В дальнейшем, для более широкого освещения распоряжений из центра, а также координации хода обучения губернским отделом всеобщего военного обучения будут организовываться съезды уездных инспекторов по всеобщему военному обучению [4, л. 584 об.].

Параллельно с формированием структуры органов всеобщего военного обучения, до августа 1918 г. активно проводились подготовительные мероприятия по организации всеобщего военного обучения в Курской губернии. В первую очередь осуществлялись работы по учету мужского населения,

подлежащего обучению. Провести эту работу в полной мере было чрезвычайно трудно ввиду отсутствия точных статистических данных по губернии за последнее время в учетных отделах военных комиссариатов. В этой связи губернским военкоматом было сделано распоряжение собрать необходимые статистические данные путём опроса мужского населения от 16 до 40 лет [5, л. 132]. Работа затянулась на продолжительное время и только к 15 октября 1918 г. выяснилось, что в 12 уездах губернии за исключением Белгородского, Грайворонского и Путивльского всеобщему военному обучению подлежат 153 000 человека. Однако данная цифра являлась лишь приблизительной и в дальнейшем подвергалась перерасчёту [8, л. 133].

Одновременно с работами по учету населения был разработан план призыва подлежащих обучению. Всеобщее военное обучение в Курской губернии должно было проходить в несколько очередей. Набор в первую очередь обучения начался ещё летом 1918 г. В уездные отделы всеобщего военного обучения направлялись распоряжения об активной вербовке добровольцев, желающих записаться в первую очередь [5, л. 131].

Как только были организованы уездные и волостные отделы всеобуча, распоряжением губернского военкомата было приступлено к разбивке волостей на районы обучения [4, л. 584 об.]. Отделами проходило подыскание мест для тиров и стрельбищ. Однако отсутствие необходимого кредита сильно тормозило сооружение и оборудование таких мест. Также на местах проходили мероприятия по подсчету наличности оружия и патронов. Работа эта также затянулась и первые сведения из уездов стали поступать только к 15 августа [8, л. 133 об.]. Параллельно отделом всеобуча губвоенкомата в Москве приобретались необходимая литература для обучения (пособия, уставы, наставления), которая рассылалась в уездные и городские отделы всеобщего военного обучения (таблица № 4) [5, л. 214 об.].

Таблица № 4. Рассылка отделом всеобщего военного обучения губернского военного комиссариата уставов и наставлений в городской и уездные военкоматы

Наименование пособий	Наименование военных комиссариатов												Итого
	Курский городск.	Курский уездный	Обоянский	Дмитриевский	Корочанский	Суджанский	Тимской	Льговский	Новооскольский	Старооскольский	Фатежский	Щигровский	
Строевой-пехотный устав	10	40	30	45	30	15	30	40	40	40	30	45	395
Полевой устав	10	38	28	40	27	13	27	38	38	38	28	40	365

Наставление для стрельбы из винтовок	10	40	30	45	30	15	30	40	40	40	30	45	395
Описание 3-х линейной винтовки	10	35	25	40	25	10	25	35	35	35	25	40	340
Матер. часть пулем. Часть 1	10	40	30	45	30	15	30	40	40	40	30	45	395
Матер. часть пулем. Часть 2	10	40	30	45	30	15	30	40	40	40	30	45	395
Наставление для стрельбы из пулемёта	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	24
Наставление по гимнастике	3	10	7	10	7	5	7	10	10	10	7	10	96
Наставление по самоокапыванию	10	40	30	45	30	15	30	40	40	40	30	45	395
Наставление для действия пехоты в бою	5	20	15	20	15	10	15	20	20	20	15	20	195

Были приняты меры к вербовке инструкторов для всевобуча. Для учета и подготовки инструкторов, а также для распределения их на места при губернском военном комиссариате образовывался инструкторский отдел, который также как и отдел всеобщего военного обучения, первое время существовал как сверхштатный и, как уже было упомянуто ранее, должен был подчиняться губернскому инспектору по всевобучу [2, л. 14 об.]. Инструктора военного обучения подразделялись на отделенных, взводных и сотенных. Отделенными инструкторами могли стать солдаты и офицеры, имевшие опыт в 4 месяца боевого командования взводом, а также окончившие учебные команды. Аналогичные требования имели взводные инструктора. Однако обязательное окончание учебной команды для взводного инструктора требовалось только от солдат. Сотенными инструкторами могли быть только офицеры, имевшие опыт командования ротой в бою не менее 4 месяца без обязательного прохождения учебной команды. Оклады для инструкторов устанавливались следующие: отделенный – 350 руб., взводный – 450 руб., сотенный – 550 руб. [2, л. 7].

Пополнение кадров инструкторского состава проходило в течение всего 1918 г. О соответствующих вакансиях публиковалось в периодической печати [9]. При наборе инструкторов отделом всевобуча обращалось внимание на знание военного дела, отношение к советской власти и партийную принадлежность. Набор осуществлялся по расчету 10 инструкторов (1 сотенный, 3 взводных и 6 отделенных) на 150 обучающихся [8, л. 133]. Отсутствие в первое время кредита на содержание инструкторского состава ставило губернский отдел в очень затруднительное положение, из которого удалось выйти путём частичного

принятия инструкторов на службу и их посылки на организационно-методические курсы в Москву. Из принятых таким путем инструкторов формировались городские группы, которые должны были приступить к обучению городского населения, а из оставшихся – группы для обучения сельского населения [4, л. 584].

Попутно, с момента организации губернского отдела всеобуча велась агитационная работа, целью которой было разъяснить идею всеобуча и подготовить население к проведению этого мероприятия в жизнь [4, л. 584]. Из докладов с мест неоднократно указывалось на «неосведомленность населения» идеями всеобщего военного обучения [10, л. 26]. В этой связи, в уезды направлялись агитаторы, а отделы всеобуча активно содействовали с агитационно-просветительными отделами военных комиссариатов. Однако отсутствие подготовленных агитаторов не давало возможности поставить вопрос агитации на должную высоту. Например, 1 августа заведующий отделом Лоскутов рапортовал губернскому военному комиссару, что все агитаторы, побывавшие в уездах губернии, были совершенно некомпетентны и в некоторых волостях даже вызвали возмущение [10, л. 35]. В этой связи, отделом на агитационные мероприятия приходилось отправлять инструкторов по всеобучу [4, л. 584].

Параллельно в типографии Курского совдепа большим тиражом печатались агитационные листовки для распространения их по всей губернии. Так, в начале сентября для рассылки в курский городской и уездные отделы всеобуча типографией было напечатано 1 000 экземпляров декрета «Об обязательном обучении военному искусству» и 8 000 экземпляров агитационных листовок различного содержания [5, л. 215]. Пропаганда всеобщего военного обучения публиковалась и в местной периодической печати. В газетных статьях повествовалось о принципах и задачах всеобщего военного обучения, а также о необходимости его проведения [11; 12]. Также, в периодической печати могли публиковать и содержания агитационных листовок [13].

Большая проделанная работа по подготовке проведения всеобщего военного обучения не оставалась незамеченной со стороны губернских военных властей. В приказе по войскам Курской губернии губернский военный комиссар объявлял благодарность заведующему отделу всеобуча губвоенкомата «за аккуратное исполнение приказов и добросовестную работу» [5, л. 209]. Военное обучение планировалось начать уже в августе 1918 г., однако занятость сельского населения на полевых работах, недостаток инструкторов, а также отсутствие необходимого кредита задержало начало обучения [4, л. 584 об.].

Призыв, записавшихся в первую очередь, начался 25 сентября в городах губернии [4, л. 584]. Первая очередь обучения состояла исключительно из крестьян и рабочих. Обучение проходило по 96-часовой программе, составленной вторым Всероссийским съездом работников по

всеобщему военному обучению [8, л. 133 об.]. К призыву сельского населения губернии к обучению приступлено с 12 октября 1918 г. По губернии к началу обучения сельского населения было создано 163 волостных пункта, при каждом из которых обучалось в среднем около 150 человек. Таким образом, вся Курская губерния покрылась целой сетью районов военного обучения и работа по подготовке пошла полным темпом [4, л. 584 об.].

К сожалению, в период проведения военного обучения с первой очередью возникали серьезные проблемы. Так, в некоторых уездах из-за отсутствия нужного количества оружия и патронов с обучающимися не проводили стрельбищ [8, л. 133 об.], а в освобождённых от немецкой оккупации волостях замечалось недоверие к органам всеобщего [4, л. 584 об.].

В середине октября помощник заведующего отделом всеобщего губвоенкомата при обследовании хода обучения в городах Короча и Курск сообщал, что на местах имеется полное отсутствие понимания идей всеобщего военного обучения у обучающихся и их небрежное посещение занятий. Тем не менее, общее впечатление от проходивших обучение осталось удовлетворительным. В то же время отмечалась недостаточная подготовка инструкторов с методикой обучения населения военному искусству, а также их необходимость в «политическом и социальном воспитании и повторения военных знаний» [5, л. 271].

О серьезных «недочетах» указывал и окружной инспектор всеобщего военного обучения. В одной из телеграмм, отправленной 25 октября, обращалось внимание, что в Курской губернии наблюдается «недоразумения» между инструкторами и обучающимися, а сами обучающиеся проявляют недостаточную отзывчивость к обучению [2, л. 59].

Однако, несмотря на все затруднения, призыв первой очереди показал, что работа по организации всеобщего военного обучения принесла положительные результаты. До начала декабря с первой очередью обучения занятия были закончены. В том же месяце было начато обучение со второй очередью, которое закончится только в следующем году. Всего в первую очередь было призвано 31 899 человек, 22 465 из которых полностью закончили обучение. К концу года по всей губернии было открыто 193 пунктов военного обучения, а общее число инструкторов составило 1 582 человека [8, л. 133 об.]. В дальнейшем работы губернского отдела всеобщего военного обучения были направлены в сторону обеспечения обучающихся оружием и различными пособиями для сел.

Источники и литература

1. Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. 698 с.

2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 34
3. ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 50
4. ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 109
5. ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 4
6. ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 36
7. ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 13
8. ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 344
9. Красная армия. 1918. 31 мая.
10. ГАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 35
11. Военное обучение в деревне // Красноармеец. 1918. 20 окт.
12. Красная Армия и всеобщее военное обучение // Красная армия. 1918. 24 мая.
13. К оружию // Известия Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов г. Курска и Курской губернии. 1918. 25 авг.

О. С. Суржик

кандидат исторических наук

Центральный государственный архив Московской области

**Красная Армия 1918–1920-е гг. в документах
низовых профорганизаций ЦГАМО**

Аннотация. В статье на материале фондов низовых профсоюзных организаций Московского региона дается обзор документов по истории повседневной жизни бойцов Красной Армии 1918–1920-х гг. и взаимодействия их с гражданским населением.

Ключевые слова: история Красной Армии; история повседневности; архивное наследие.

Мы живем в «постоянно меняющемся мире», однако человеческая природа в декорациях времени остается неизменной. Поэтому так важно изучать проблемы общества в ретроспективе. Архивные материалы предоставляют человечеству такую возможность.

15 (28) января 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял Декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии [1, с. 356–357], а 18 (31) января того же года был сформирован первый корпус РККА. Доступ в ее ряды был открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет. Для вступления в Красную Армию требовались рекомендации войсковых комитетов, общественных, партийных или профессиональных организаций. При вхождении целыми воинскими частями была необходима круговая порука и поименное голосование. Красноармейцы должны были состоять на полном государственном довольствии и получать 50 рублей в месяц, а нетрудоспособные члены семей солдат Красной Армии, находившиеся на их иждивении, обеспечиваться необходимыми товарами, согласно местным потребительским нормам. В качестве Верховного руководящего органа

РККА утверждался Совет народных комиссаров, при непосредственном руководстве Комиссариата по военным делам. 23 февраля 1918 г. принято считать днем рождения Красной Армии.

В фондах Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО) отложились документы, отражающие деятельность профсоюзных организаций, связанную с РККА. Так, фонд Фабрично-заводского комитета профсоюза текстильщиков при фабрике Богородско-Глуховской мануфактуры содержит «Воззвание к Русским Гражданам о помощи детям увечных и павших воинов» с призывом жертвовать средства, чтобы не допустить превращения сирот в детей улицы.

Фонд Московского губернского совета профсоюзов (МГСПС) сохранил «Правила проверки отсрочек военнообязанных». Отсрочки лишались рабочие, трудившиеся не по специальности [2, л. 5]. Призыв к участию в создании Красной Армии и усилению агитации содержат документы исполкома Моссовета профсоюзов [3, л. 303]. Нередко встречаются материалы о перечислении части заработка в пользу Красной Армии, помощи членам семей красноармейцев [4, л. 6], документы о мобилизации и записи в добровольческие отряды.

Фонд Московского губернского отдела профсоюза работников коммунального хозяйства хранит сведения об изъятии оружия у заводских комитетов и других организаций [5, л. 2], а также копию воззвания о помощи Красной армии «Красный подарок», подписанного А. В. Луначарским [5, л. 9–9 об.]. Стенограмма воспоминаний товарища Кондрашева, записанных к десятилетию Октябрьского переворота, 15 июля 1927 г., свидетельствует о роли, которую играл фабрично-заводской комитет на заводе «Поставщик», работавший на оборону. «Заводской Комитет завода “Поставщик” был полным хозяином октября: сам давал право на ношение оружия, ордера на право обыска; он же разводил мужа с женой, все ходили в заводской комитет, кто кого побьет, идут в Заводской комитет, как к единственной рабочей организации, близкой к рабочим организации, которые все эти вопросы решали» [6, л. 178–187].

Документы Московского губернского совета профессиональных союзов отражают материальную характеристику пожертвований членов профсоюзных организаций. Так, союзом табачников было передано в пользу Красной Армии 100 фуфаек и 60 шапок, а также заработная плата за воскресник в размере 63 тысяч 183 рублей 06 копеек [7, л. 17]. Готовность жертвовать своим ресурсом ради ближнего коренилась в основанной на христианстве русской культуре, и, несмотря на сложное материальное положение трудящихся, не всегда была вынужденной.

Телеграмма военкома Москвы и Московской области о мобилизации членов профсоюза 1920 г. свидетельствует о количественном составе мобилизованных по округам Московской губернии [8, л. 43].

Профессиональные союзы могли способствовать демобилизации специалистов. Так, Московское отделение профсоюза табачников в 1920 г. ходатайствовало во Всероссийский центральный совет профессиональных союзов о демобилизации из Красной Армии квалифицированных сотрудников в возрасте от 34 до 40 лет [9, л. 2].

В фондах низовых организаций встречается немало документов, отражающих повседневную жизнь красноармейцев того времени. Так, например, выписка из протокола заседания профсоюза табачников за 1920 г. повествует о прекращении выдачи «раскурки» красноармейцам, не явившимся за ней в срок. Протокол №4 заседания Президиума Моссовета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов от 6 января 1921 г. содержит требование о предоставлении в рамках празднования Дня Красной Казармы бань и парикмахерских в полное безвозмездное распоряжение красноармейцев. Обращение 1921 г. красноармейцев к рабочим, как к «армии труда, неустанно кующей ключи к светлому царству социализма» заявляет о необходимости «союза винтовки и молота против темноты» [10, л. 164].

Протокол совместного заседания заводоуправления, заводского комитета и коммунистической ячейки Московского районного комитета профсоюза рабочих металлистов за 1922 г. в связи с проведением «Недели достоинства красноармейца» предписывает в течение семи дней бесплатно чинить обувь красноармейцев в сапожной мастерской станции; пожертвовать из склада от 5 до 10 сажень дров; отрядить на 1 неделю трех слесарей для починки водопровода и других установок в казармах; в течение одной недели предоставить парикмахерскую для стрижки красноармейцев» [11, л. 6].

Профсоюзы нередко брали шефство не только над беспризорными детьми, социально незащищенными сотрудниками, селами, но и над полками Красной Армии. План работы профсоюза «Медсантруд» по шефству над Красной Армией 1925 г. включал политическую пропаганду, культпросветработу, лекции медицинской тематики [12, л. 172]. Шефство над шестым авиаотрядом предполагало проводить его на лагерную стоянку, «встречу молодняка», а также требовало «обслужить отряд преподавателями школы малограмотности», снабжать красноармейцев культинвентарем для постановки спектаклей и киносеансов, «предоставить одно курортное место и вести санитарно-воспитательную работу среди молодняка, обследовать качество питания, отпускать по 200 штук трамвайных талонов», раз в месяц обследовать быт красноармейцев, «вести длительную и углубленную кампанию по изысканию средств в фонд постройки самолета. В архивном фонде профсоюза «Медсантруд» отложились фото самолетов, пилотов и сотрудников подшефных авиаотрядов [13].

Письмо-циркуляр Уездного профбюро о проведении празднования 10-летия Красной Армии в 1928 г., сохранившееся в фонде Богородского

подрайонного комитета Всероссийского профсоюза горнорабочих, предписывает необходимость организации комиссий из представителей фабрично-заводских местных комитетов, ячеек ВКП(б), ВЛКСМ для организации и проведения мероприятий [14, л. 215].

Интереснейшим источником по истории повседневности являются сохранившиеся в фондах ЦГАМО автобиографии, отражающие сложные судьбы людей в контексте времени. Так, в документах Московского губернского отдела Всероссийского профсоюза работников земли и леса «Всеработземлес» отложилось заявление М. Н. Ломакина с просьбой о признании его героем труда и назначении усиленной пенсии, датированное 1928 г. [15, л. 31–34]. Ломакин Митрофан Николаевич, выпускник Петровско-Разумовской Академии, был отправлен в Казанскую губернию. Работой на Северо-Западе он заслужил адрес евреев, назвавших его «выше-человеком». С 1928 г. Ломакин заведовал лесничеством в г. Коломне, затем возглавлял Воронежский лесной институт, передав этот пост известному лесоводу Николаю Петровичу Кобранову. Итенберг, «правая рука Троцкого», контролировавший латышских стрелков, которые держали город, обращался к нему за помощью. В банках кончились мелкие деньги, зарплату стрелкам стало платить нечем, стрелки отказывались воевать, а белые наступали. Ломакин велел лесникам сдавать деньги не в конторы, а лично ему. В результате, выдача зарплаты возобновилась. Так красные смогли удержать город.

Таким образом, в период ослабления верховной власти в государстве, профсоюзы на низовом уровне взяли на себя часть ее функций. С одной стороны, продвигая требования власти, с другой, они действовали в интересах рабочих, существенно облегчая их положение и частично снимая социальную напряженность. Профорганизации играли роль общины для вчерашних крестьян. Они продолжали заботиться о солдатах Красной армии, призванных из рабочих, и членах их семей, консолидировали общество на конструктивной основе.

Документы фондов ЦГАМО представляют собой интереснейшие источники по истории повседневности и являют благодарный материал для популяризации истории. Сбережение и популяризация архивного наследия имеет стратегическое значения для возрождения исторического самосознания народа и станет шагом на пути к возрождению России.

Источники и литература

1. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957.
2. Центральный государственный архив Московской области (далее – ЦГАМО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 37.
3. ЦГАМО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 81 г. Т. 2.
4. ЦГАМО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 97.
5. ЦГАМО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 130.
6. ЦГАМО. Ф. 46. Оп. 3. Д. 184.

7. ЦГАМО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 85.
8. ЦГАМО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 126.
9. ЦГАМО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 85.
10. ЦГАМО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 153 а. Т. 1.
11. ЦГАМО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 832.
12. ЦГАМО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 500.
13. ЦГАМО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2822.
14. ЦГАМО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 215.
15. ЦГАМО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1404.

Н. Г. Кононов

кандидат исторических наук
Заслуженный работник культуры РСФСР

Первый объединенный пленум Курского обкома ВКП(б) и областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов о перспективах развития области

Аннотация. В данной статье анализируются решения первого объединенного пленума Курского обкома ВКП(б) и областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов об идейно-организационном укреплении областной партийной организации и основных направлениях развития колхозного села.

Ключевые слова: колхозы; обком; облисполком; область; пленум.

В июне 1934 г. в результате реорганизации Центрально-Черноземной области (ЦЧО) была образована Курская область, в состав которой вошли 60 районов. Поскольку в условиях Советской власти основной организующей и направляющей силой была Коммунистическая партия – Всесоюзная коммунистическая партия большевиков, – постольку, вполне естественно, сразу же после образования области следовало учредить Курскую областную партийную организацию – обком ВКП(б) и областной исполнительный орган власти – исполком областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Эту задачу призван был решить первый объединенный пленум Курского обкома ВКП(б) и исполкома областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, состоявшийся в Курске 24 июня 1934 г.

В соответствии с указанием ЦК ВКП(б) все члены обкома ЦЧО, проживающие на территории вновь образованной области, являлись членами обкома партии Курской области. То же самое касалось и членов облисполкома ЦЧО.

В работе объединенного пленума участвовало 47 человек кандидатов в члены обкома ВКП(б), члены ревизионных комиссий, 45 секретарей

райкомов партии, члены облисполкома, а также начальники политотделов МТС и совхозов и др.

Пленум рассмотрел 2 вопроса: «Очередные задачи Курской областной партийной организации» и организационные вопросы.

В ходе рассмотрения ряда организационных вопросов (с докладами выступали А. Б. Ушеренко и П. С. Царёв) пленум обкома партии сформировал состав пленума и ревизионной комиссии, бюро и секретариат обкома партии. Первым секретарём Курского обкома ВКП(б) был избран Иванов Иван Ульянович, вторым секретарем обкома партии – Ушеренко Абрам Борисович.

Пленум Курского облисполкома единогласно утвердил председателем облисполкома Петра Степановича Царёва, его заместителем – Леонида Максимовича Модало. Утверждены и члены президиума облисполкома.

Объединенный пленум Курского обкома партии и облисполкома утвердил газету «Курская правда» органом Курского обкома ВКП(б), облисполкома, облпрофсовета и горкома партии. Редактором газеты утвержден Князев [1, 26 июня].

С докладом «Об очередных задачах Курской областной партийной организации» на пленуме выступил И. У. Иванов. В начале своего выступления в качестве важнейшей задачи партийной организации области докладчик поставил задачу: «сделать Курскую область, по всем отраслям ее хозяйства и культуры, одной из первых областей Советского Союза» [1, 26 июня]. Для успешного выполнения столь масштабной задачи следовало начинать с идейно-организационного укрепления областной партийной организации, без чего невозможно было решить и другие сложнейшие проблемы социально-экономического и культурного развития области в условиях завершения сплошной коллективизации и дальнейшего хозяйственно-организационного укрепления колхозов.

Первый объединенный пленум Курского обкома ВКП(б) и облисполкома одобрил постановление партии и правительства о разукрупнении ЦЧО. Организация Курской области приближала оперативное руководство всех партийных организаций к низовым производственным звеньям и способствовала изучению и правильной расстановке кадров, создавала условия для улучшения руководства каждым предприятием, совхозом, МТС, сельсоветом, колхозом по проведению в жизнь решений XVII съезда партии, указаний И. Сталина.

Стоявшие перед Курской областью задачи требовали от областной партийной организации усиления массово-политической работы и мобилизации рабочих, колхозников, трудящихся области на выполнение народно-хозяйственного плана и государственных обязательств [1, 29 июня].

Директивы партии, законы правительства, отмечал в своем докладе И. У. Иванов, обязательны для выполнения всеми коммунистами.

Аккуратное их проведение в жизнь должно быть повседневной и строго настойчивой задачей для всех. Необходимо было твердо и настойчиво проводить в жизнь генеральную линию партии. Ее надо проводить в жизнь не на словах, а на деле. Это требовало от коммунистов повышения и укрепления партийной и государственной дисциплины, которая у коммунистов вновь образованной области была ещё не на должном уровне. Большевики должны быть дисциплинированными уже потому, утверждал докладчик, что большевистская дисциплина – ключ к достижению всех наших успехов. Нужно, требовал докладчик, точно и своевременно выполнять каждую директиву партии и законы правительства. Без этого нельзя оперативно руководить, без этого областная партийная организация не могла знать, как выполняется та или иная задача в том или ином районе. Следовало быстро отвечать на запросы обкома ВКП(б). Это касалось и советских, и хозяйственных организаций. Все сведения, которые поступают в обком партии, требовал Иванов, должны быть полными и точными, проверенными и полностью отвечать действительности. Не допускать ложных очковтирательских сведений, никакого зазнайства, чванливости. За это будем привлекать к самой строгой партийной и уголовной ответственности.

В работе областной партийной организации еще много было неуставного, не все задачи выполнялись в срок. Для устранения этих недостатков требовалось правильно расставить силы по выполнению заданий. Методы руководства должны быть такими, которые позволяли бы одновременно выполнять все задачи партии. Работать следовало напряженно, но ровно, без рывков и метания от одной задачи к другой, без откладывания на завтра того, что можно сделать сегодня, работать по-большевистски, добиваясь высокого большевистского качества в каждом деле.

Наряду с укреплением дисциплины и должного порядка, ответственности каждого коммуниста за порученное дело перед Курской областной партийной организацией стояли большие задачи в деле марксистско-ленинского образования и воспитания членов партии, памятуя, что политическая грамотность является гарантией успехов в социалистическом строительстве. Именно поэтому «марксистско-ленинское воспитание членов партии, – по словам Иванова, – есть одна из главных первоочередных наших задач» [1, 26 июня].

В Курской областной партийной организации еще много членов партии и кандидатов в члены партии были политически безграмотны. Эти недостатки предстояло устранить. Следовало вооружить каждого члена партии знанием марксизма-ленинизма. Без этого человек не коммунист, а одно недоразумение, отмечал И. У. Иванов. Политически безграмотный человек выполняет задачи партии с завязанными глазами. А с завязанными глазами человек неизбежно попадет в яму, что приведет к провалу в работе. Все должны понимать, что политическая грамотность коммуниста

является гарантией наших успехов в деле социалистического строительства. Политическая грамотность коммуниста увеличивает его активность, делает его активным строителем социализма и хорошим организатором масс в деле выполнения задач партии.

В выступлении Иванова была намечена и программа культурного развития области, повышения политической и технологической грамотности всего населения области. Кстати, к 1934 г. в области была ликвидирована неграмотность, было введено одной из первых в стране семилетнее образование не только в городе, но и в деревне. Поставлена задача качественного улучшения образования.

Для успешного решения хозяйственных и культурных задач необходимо было укрепить все органы пролетарской диктатуры лучшими преданными делу партии коммунистами, беспартийными рабочими и колхозниками. И. У. Иванов также требовал от коммунистов усиливать классовую бдительность, не допускать классового врага к колхозам и совхозам и вообще к коммунистическому хозяйству. Такова, по его словам, одна из важных задач коммунистов села.

Итак, первый объединенный пленум Курского обкома ВКП(б) и облисполкома поставил перед коммунистами области задачу превратить Курскую область в одну из передовых областей Советского Союза в социально-хозяйственном и культурном отношении.

Коммунисты призваны были сделать максимум возможного для выполнения и перевыполнения плана развития всего народного хозяйства Курской области. В области не должно быть ни одного предприятия, не выполнившего производственного плана. «План, – отмечал Иванов, – есть большевистская программа действий для трудящихся нашей области [1, 26 июня].

Коммунисты призваны обеспечить проведение всех заготовительных кампаний, как-то: хлебопоставок, мясопоставок, скотозаготовок и всех других сельскохозяйственных продуктов. Ведь невыполнение плана наносило урон не только области, но и всему Советскому Союзу.

И эти задачи коммунисты должны были решить, опираясь на большевистскую волю и настойчивость в деле выполнения поставленных партией задач, непримиримой борьбы со всем тем, что в какой-либо степени мешало строительству социализма. Необходимо было мобилизовать широчайшие массы рабочих и колхозников на выполнение решений XVII съезда партии и установок И. Сталина. Выполнение этих решений, по словам Иванова, являлось первоочередной обязанностью, главным долгом каждого коммуниста, каждого комсомольца, рабочего и колхозника.

В этой борьбе коммунисты призваны добиваться роста материально-производительных сил города и деревни, повышения урожайности, развития социалистического животноводства в каждом колхозе и совхозе,

в каждом селе и районе. Без этого не могло быть и речи о зажиточной жизни колхозников, а колхозы сделать большевистскими.

В докладе И. У Иванова, в постановлении объединенного пленума особое место занимали вопросы развития села, сельскохозяйственного производства. И это понятно, поскольку Курская область была сугубо сельскохозяйственной. Достаточно сказать, что к моменту образования области на ее территории проживало 4,8 млн человек, из которых 4,4 млн (91,7 %) были сельскими жителями.

Естественно, основу хозяйства области составляло сельскохозяйственное производство. Главными культурами были зерновые. Среди технических культур наибольшие площади занимали сахарная свекла и конопля. Посевы конопли в Курской области составляли 21 % ее посевов во всем Советском Союзе, посевы сахарной свеклы – 200 тыс. га.

Как известно, в 1929–1932 гг. в СССР проводилась сплошная коллективизация крестьянских хозяйств. К 1934 г. она в основном была завершена. Из общего количества 784 968 крестьянских хозяйств Курской области к этому времени в колхозы было вовлечено 631 901 хозяйство (80,4 %) и оставалось еще единоличниками 154 067 крестьянских дворов (19,6 %). В землепользовании коллективизация охватывала 87 % [1, 26 июня].

Как видим, к моменту образования Курской области вместо единоличных крестьянских хозяйств область уже имела крупное коллективное хозяйство. В области организованы колхозы, МТС, машинно-тракторные мастерские (МТМ). Созданы новые кадры, новое производство в деревне, колхозное производство.

В этой связи перед Курской областной партийной организацией стояла двуединая задача: 1) вовлечение оставшейся части единоличных крестьянских хозяйств в колхозы и 2) продолжение работы по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, чтобы сделать их поистине большевистскими, а крестьянские хозяйства – зажиточными.

Боевой задачей всех партийных организаций области, всех рабочих, колхозников, всех трудящихся, отмечалось в постановлении пленума, являлось указание вождя нашей партии И. Сталина о дальнейшем организационно-хозяйственном укреплении колхозов, об увеличении урожайности колхозных полей, о развитии животноводства, чтобы дать стране больше хлеба, мяса сахара, пеньки и др. сельскохозяйственной продукции [1, 29 июня].

Выполнение этих решений являлось первоочередной обязанностью, главным долгом каждого коммуниста, каждого комсомольца, каждого рабочего и колхозника, каждого гражданина Курской области. Следовало обеспечить ещё более усиленный рост материально-производительных сил социализма в каждом колхозе и совхозе, в каждом селе и районе, на каждом предприятии. Мы должны, говорил далее И. Иванов, добиваться

максимального и быстрого повышения урожайности на колхозных и совхозных полях, развития социалистического животноводства и в целом колхозного производства. Мы должны, поднимая высоко колхозное производство, сделать все колхозы большевистскими и колхозников зажиточными, превратить совхозы в примерное образцовое и высокопроизводительное социалистическое хозяйство.

Чтобы сделать колхозы богатыми, а колхозников зажиточным, следовало, наряду с повышением урожайности зерновых и технических культур, позаботиться о развитии подсобных отраслей, как-то: пчеловодство, садоводство, рыбоводство, посадка ягодников, развитие различных промыслов и так далее. В частности, ставились задачи за пятилетие увеличить количество пчелосемей с 250 тыс. до 1 млн, добиться, чтобы каждый колхоз имел хороший сад и так далее [1, 26 июня].

Наряду с перспективными задачами развития курского села, I объединенный пленум Курского обкома ВКП(б) и облисполкома обратили особое внимание текущим проблемам развития сельскохозяйственного производства и в первую очередь борьбе за урожай 1934 г.

В постановлении объединенного пленума Курского обкома партии и облисполкома «Об очередных сельскохозяйственных задачах» особый упор был сделан на активизацию работы партийных организаций области по обеспечению высокого предстоящего урожая и своевременному выполнению плана поставок государству хлеба, мяса, молока и др. сельскохозяйственных продуктов.

Пленум счел совершенно недопустимым отставание ряда районов, совхозов, МТС и колхозов в проведении сельскохозяйственных работ и обязал в ближайшие 10 дней полностью поднять пары, организовать уход за ними и одновременно усилить прополку зерновых, своевременно и правильно обработать технические культуры (свеклу, коноплю), организованно и вовремя закончить сенокосение и силосование.

Пленум также отметил, что, несмотря на короткие сроки, оставшиеся до начала уборки, подготовка к ней в ряде районов, сельсоветов, совхозов, колхозов, МТС проходит неудовлетворительно. Во многих совхозах и МТС не были составлены рабочие планы, не отремонтирован уборочный инвентарь. В совхозах не закончена вербовка рабочей силы.

Как в совхозах, так и в МТС неудовлетворительно проводилась подготовка кадров к уборочной кампании. Директора совхозов, начальники политотделов неудовлетворительно проводили в жизнь решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебоуборке в совхозах».

Пленум потребовал от всех секретарей райкомов ВКП(б), председателей райисполкомов, директоров и начальников политотделов МТС и совхозов, председателей сельсоветов, председателей колхозов решительного и немедленного устранения всех имеющихся недостатков в подготовке к уборочной кампании.

Первый объединенный пленум Курского обкома ВКП(б) и облисполкома постановил с 25 июня по 1 июля 1934 г. развернуть широчайшую проверку готовности к уборке каждого совхоза, МТС, колхоза, сельсовета, одновременно закончить составление рабочих планов, комплектование постоянных бригад, разбивку колхозников по звеньям, прикрепление колхозников и рабочих совхозов к уборочным машинам.

Пленум указал на необходимость полностью закончить ремонт уборочного инвентаря в соответствии с решением ЦК ВКП(б) не позже 10 июля 1934 г., для чего максимально использовать все имеющиеся ремонтные мастерские, все колхозные кузницы, мобилизуя все местные ресурсы запчастей и материалов.

Пленум обязал весь отремонтированный инвентарь тщательно проверить и перед выходом в поле все машины отрегулировать. Немедленно выделить необходимое количество ремонтных рабочих, а также инструментов и материалов для организации и проведения полевого ремонта уборочных машин, тракторов и автомашин.

Пленум потребовал привести автопарк совхозов и МТС в полную готовность не позже 10 июля 1934 г., причем на вывозке хлеба должен участвовать весь наличный автопарк совхозов и МТС, за исключением автомашин, используемых на полевом ремонте тракторов, в количестве не более 1–2 машин в каждой МТС и совхозе.

Директора и начальники политотделов МТС и совхозов обязывались проверить кузова машин, предназначенных для перевозки хлеба, устранить щели и др. недостатки, вызывающие потерю хлеба при перевозке. Предложено директорам МТС закончить к 10 июля 1934 г. заключение договоров с колхозами на вывозку хлеба. Пленум рекомендовал до начала уборки освободить от работы весь рабочий скот ниже средней упитанности, организовать усиленный подкорм этого скота и обеспечить участие в уборочных работах всего рабочего скота колхозов и совхозов.

Срок косовицы для зерновых, колосовых и крупяных устанавливался в 20–22 дней. Косовицу советовалось начать, не ожидая общего созревания хлебов на всех участках, производя скашивание хлеба по мере его созревания на отдельных участках.

Учитывая большую вооруженность совхозов и МТС уборочными машинами по сравнению с колхозами, находящимися вне массива МТС, пленум обязал директоров и начальников политотделов МТС и совхозов провести косовицу в колхозах и совхозах, обслуживаемых МТС, в более короткие сроки, чем установлено для всей области.

Обращалось особое внимание на необходимость своевременной уборки овса, не допуская ошибок прошлых лет, когда из-за опоздания его уборки имелись большие потери.

Пленум предписал уборку подсолнуха провести в 8–10 дней, эфиромасличных культур – в 2–3 дня. Не менее 50 % посева подсолнуха в колхозах массива МТС должно быть убрано машинами МТС. В целях

быстрейшей уборки подсолнуха, как в совхозах, так и в колхозах, рекомендовалось применять косовицу его лобогрейками и жатками, а также комбайнами.

Объединённый пленум Курского обкома ВКП(б) и облисполкома в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР потребовал полностью использовать на уборке комбайны, обеспечив их приспособлениями для понижения хедера комбайна на уборке низкорослых хлебов.

При уборке хлебов рекомендовалось не смешивать убранные сортовые хлеба с несортowymi, для чего указывалось на необходимость установления строго контроля за этим.

Председатели правлений колхозов с участием инспекторов по качеству от каждой бригады обязывались приемку убранных площадей проводить с составлением соответствующего акта о качестве косовицы.

Пленум также обязал секретарей райкомов партии, председателей райисполкомов, директоров и начальников политотделов совхозов в течение 5 дней закончить вербовку рабочей силы на уборочную кампанию в совхозы.

Особое внимание уделялось охране урожая и недопустимости потерь. В этих целях рекомендовалось создать отряды «легкой кавалерии», организовать подборку колосьев, подготовку хранилищ, колхозных амбаров, элеваторов, охранение посевов от пожаров.

Особо важное место в своевременной и качественной уборке урожая отводилось кадрам. Пленум потребовал активизировать работу по подготовке и переподготовке машинистов, комбайнеров, работников на тракторных сноповязалках, весовщиков и т. п.

Обращалось внимание и на удовлетворение культурно-бытовых нужд работников на уборке. Речь шла об организации своевременного общественного питания, налаживании работы «красных уголков», обслуживании газетами, кинофильмами и т. п. [1, 29 июня].

В качестве первоочередной задачи ставилось выполнение поставок хлеба государству. С самого начала, отмечал в своём докладе И.У. Иванов, надо форсировать уборку, широко развернуть хлебопоставки государству и сдачу хлеба высшего качества. Не может быть ни одного колхоза, совхоза, единоличника, не выполнивших плана хлебопоставок. Это наша первоочередная задача, обязанность, отмечал Иванов. И этот план надо выполнить досрочно – к 25 сентября 1934 г, в крайнем случае – к 10 октября 1934 г.

К тому же с 1 октября в области начиналась уборка сахарной свеклы. Не сдав своевременно хлеб государству, область обрекала себя на невыполнение плана по сдаче сахарной свеклы.

Чтобы своевременно вывезти хлеб на склады «Заготзерно», следовало организовать бесперебойную приёмку хлеба, организовать сеть приёмных пунктов, сеть весов, чтобы колхозные лошади не простаивали часами в ожидании, как это было в 1933 г. Тоже касалось и автомашин с

зерном. Обращалось внимание на сохранность зерна, на борьбу с его расхитителями.

Были намечены и мероприятия на предстоящую осеннюю посевную кампанию. Предписывалось в ближайшие 10 дней поднять пары, 80–85 % озимых посеять в августе 1934 г. [1, 26 июня].

Итак, первый объединенный пленум Курского обкома ВКП(б) и исполкома областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов сформировал органы партийной и советской власти вновь образованной области, определил перспективные и ближайшие задачи ее развития.

Осуществление задач, поставленных партией и правительством перед большевиками вновь образованной Курской области и нашедших свое конкретное выражение в решениях первого объединенного пленума обкома партии и облисполкома, требовали дружной, сплоченной работы всей партийной организации и повышения ответственности и авангардной роли каждого коммуниста и комсомольца в борьбе за генеральную линию партии.

Источники и литература

1. Курская правда. 1934.

Е. Л. Моисеев

Государственный архив Курской области

Модернизация сельской инфраструктуры Курской области в предвоенные годы (по материалам газеты «Курская правда»)

Аннотация. В статье дан краткий анализ формирования и развития сельской социальной инфраструктуры в курском регионе в годы III пятилетки. Данные процессы нашли отражение преимущественно в периодической печати, которая и стала основным источником настоящего исследования.

Ключевые слова: Курская область; периодическая печать; инфраструктура; социалистическое строительство.

Третий пятилетний план (1938–1942 гг.) в исторической литературе традиционно рассматривается в контексте мобилизации советской экономики, вызванной серьезным обострением международной обстановки и началом Второй мировой войны. В связи с этим, основное внимание в работах уделяется развитию ВПК и тяжелой промышленности, и зачастую из поля зрения исследователей выпадает продолжавшаяся модернизация инфраструктуры в сельской местности.

Поскольку процесс коллективизации крестьянских хозяйств во многих регионах страны затянулся до 1937 г., именно к началу III пятилетки назрела необходимость качественного улучшения условий проживания людей во вновь образованных населенных пунктах. На примере колхозов Курской области, история возникновения которых в значительной степени отражена в периодической печати того времени, и в частности в главной областной газете «Курская правда», мы постараемся показать конкретные нововведения, затронувшие жизнь людей, проследить, какие трудности возникали при совершенствовании материально-технической базы села, и то, как усилиями местных партийных органов и трудового народа их удавалось преодолевать.

Во второй половине 1930-х гг. советская власть, с одной стороны, стремилась сохранить традиционные отрасли сельского хозяйства, а с другой – нарастить их потенциальные возможности. Одним из основных инструментов для повышения показателей производительности труда стало внедрение последних научных достижений и применение новой техники. Свидетельством тому в самом начале 1938 г. стали новые турбины, которые были установлены на мельницу в Покровском районе. С их помощью можно было гораздо эффективнее получать необходимую электроэнергию. Всего для колхозов области было изготовлено 100 таких турбин, многие из которых вскоре доставили в назначенные пункты. Однако далеко не все предприятия спешили с внедрением их в производство, преимущественно из-за нехватки финансовых средств [1, с. 3]. В январе 1938 г. в колхозах Прохоровского, Долгоруковского и Волоконовского районов была утверждена организация дополнительных семеноводческих хозяйств, а также отпущены средства на окончание строительства складов минеральных удобрений [2, с. 4]. Все это должно было способствовать дальнейшей интенсификации сельскохозяйственного производства.

В феврале 1938 г. было положено начало строительству в районах Курской области 57 новых МТС с дополнительными помещениями, где можно было разместить закупленные для них трактора и комбайны [3, с. 4]. В Солнцевском и Фатежском районах в апреле 1938 г. были организованы так называемые «хаты-лаборатории», проводившие селекционные опыты [4, с. 4]. 22 апреля 1939 г. колхозам Волоконовского района был отпущен кредит на создание специальных помещений для скота и сельхозтехники [5, с. 4]. В начале 1939 г. было выделено много средств на открытие в сельской местности ветеринарных лечебниц, но появились они не везде, а некоторые постройки уже в мае того же года пришлось начинать ремонтировать [6, с. 3]. Данное явление встречалось по области довольно часто с различными сооружениями ввиду использования некачественных материалов, растраты выделенных средств впустую или, наоборот, чрезмерной экономии ресурсов. Неравнодушные люди обращали на это внимание, писали заметки критического характера в

местные газеты и старались скорейшим образом ликвидировать недостатки.

Имели место и разного рода инициативы местных жителей, поддержанные районными комитетами ВКП(б). Например, в конце марта 1940 г. было намечено строительство близ плотины Рышковской мельницы действительно нового объекта – рыбного садка [7, с. 1]. Еще одной инновацией для Курской области стало последовавшее за решением Наркомзема от 1 октября 1940 г. разбитие в одном из совхозов Корочанского района виноградников на площади в 2 га [8, с. 1]. И пусть поначалу они давали не так много продукции, как того хотелось бы, однако это позволяло несколько разбавить привычный рацион питания колхозников, добавив в него продукты, содержащие полезные витамины.

Большое внимание в деревне по-прежнему уделялось электрификации, расширению телефонной сети и радиоточкам, одной из самых важных деталей первой половины XX века. Ранее уже было сказано о широком распространении новых турбин, позволяющих быстрее вырабатывать электричество. 9 января 1938 г. был запущен радиоузел на территории Воловского района [9, с. 3]. В восточной части области, в селе Репец появились собственные радио и телефон [10, с. 4]. Установлены радиоточки и в колхозах Грайворонского района [11, с. 4]. 6 февраля 1938 г. в Иванчино-Лукашенском клубе был установлен мощный радиоузел, способный транслировать как региональные, так и центральные передачи [12, с. 4]. В 1938 г. была развернута работа по телефонизации 171 сельсовета Курской области [13, с. 4]. 11 мая 1939 г. начались работы по электрификации села Дунайки Грайворонского района [14, с. 4]. 28 июня 1939 г. в колхозе «Красное знамя» Глушковского района был оборудован радиоузел на 25 точек для клуба и иных общественных мест [15, с. 4].

Все эти мероприятия значительно улучшили условия труда сельских жителей, однако этим дело не ограничилось. В областном центре и на местах партийные комитеты следили за состоянием инфраструктуры всей окружающей территории, а также за развитием связанной с сельским хозяйством промышленности, транспортного сообщения и сферы торговли. Важным событием для Суджанского района в июне 1938 г. стало открытие первой почтовой авиалинии [16, с. 4]. В Глушковском районе в 1939–1940 гг. активным образом идет строительство гаражей, продолжаются дорожные работы, вводятся премии для передовых колхозов, содействующих развитию автотранспорта [17, с. 1]. В 1939 г. в Курской области начинаются работы по созданию буровых колодцев и 30 прудов для улучшения водоснабжения колхозов [18, с. 4]. В наиболее крупных поселках проводится озеленение территории, идет оформление центральных улиц и площадей, устанавливаются осветительные приборы. Также в районах Курской области расширяется сеть сельских магазинов и ларьков, порой даже открываются целые пищекомбинаты [19, с. 3].

Появляется и несколько новых промышленных объектов. К примеру, 13 июня 1939 г. в колхозе им. Свердлова Солнцевского района начал работать кирпичный завод [20, с. 3]. В течение 1940 г. в колхозах также увеличивается число сахарных заводов и иных производств, занимавшихся переработкой сельскохозяйственной продукции [21, с. 1].

Тяжелая работа в колхозах требовала и наличия мест для отдыха и развлечения. В связи с этим в «Соревновании», колхозе Глазуновского района, в конце января 1938 г. был открыт клуб на 150 мест с просторным залом для проведения различных мероприятий. Была переоборудована и местная библиотека, при которой открылся новый просторный читальный зал. 6 февраля 1938 г. в Иванчино-Лукашенском клубе была установлена звуковая киноаппаратура, трудящиеся получили возможность посещать сеансы просмотра фильмов в своем родном селе [22, с. 4]. Ширилась культурная жизнь, 10 марта 1938 г. в колхозе им. Петровского Беленихинского района был открыт клуб с музейным и хоровым кружками для любителей самодеятельности [23, с. 4]. Иначе проводить досуг, к слову, стали не только взрослые – к марту 1940 г. в колхозах и совхозах области значительно возросло число детских площадок [24, с. 1].

В соответствии с третьим пятилетним планом в сельской местности начинается создание условий для постепенного перехода ко всеобщему среднему обучению, расширяется сеть 7-летних и 10-летних школ. В апреле 1938 г. в Горшечном и Прохоровском районах для них были выстроены новые помещения, способные вместить до 200–400 детей [25, с. 4]. Другим основным моментом плана стало развитие местной системы здравоохранения. В конце января 1938 г. в слободе Борисовке появилась школа материнства, где женщины могли получить знания об уходе за ребенком [26, с. 4]. 11 февраля 1938 г. в Горшеченском, Бобровском и Ключевском сельсоветах открылись родильные дома [27, с. 4]. В марте 1938 г. начали работу новые больницы и медпункты в селах Фатежского района [28, с. 4]. 16 апреля 1939 г. при Глушковской больнице появился кабинет по переливанию крови [29, с. 4]. К 1 октября 1940 г. закончилось строительство новой больницы в селе Беседино и подсобных помещений для нее [30, с. 1].

Подводя итоги, можно сказать о том, что, даже несмотря на ухудшение международной обстановки, начавшуюся милитаризацию экономики, продолжалась постепенная модернизация инфраструктуры в сельской местности. Она затрагивала множество различных сфер: животноводство, земледелие, образование, здравоохранение, торговлю, транспорт, связь и так далее. За несколько лет до начала Великой Отечественной войны Курская область во многом преобразилась. И хоть, к сожалению, многое из вышеописанного было впоследствии уничтожено немецко-фашистскими захватчиками в ходе полномасштабного наступления и последующей оккупации региона, это не только дало ценный опыт в деле благоустройства сельских территорий, но и позволило

Красной Армии на начальном этапе противостояния в 1941–1942 гг. получить в свое распоряжение дополнительные единицы автомобильной техники, средства связи, продукты питания и медикаменты, необходимые для эвакуации мирного населения.

Источники и литература

1. Шполянский Э., Суконский П. Дадим колхозам дешевую электроэнергию // Курская правда. 1938. 3 янв.
2. Коротко // Курская правда. 1938. 6 янв.
3. 57 новых МТС // Курская правда. 1938. 2 фев.
4. Коротко // Курская правда. 1938. 8 апр.
5. По страницам районных газет // Курская правда. 1939. 22 апр.
6. Зброшенное строительство // Курская правда. 1939. 8 мая
7. Строительство рыбного садка // Курская правда. 1940. 26 мар.
8. По Курской области // Курская правда. 1940. 1 окт.
9. Два новых радиоузла // Курская правда. 1938. 9 янв.
10. Сегодня села Репец, кролиководческие фермы в колхозах // Курская правда. 1938. 28 янв.
11. По страницам районных газет // Курская правда. 1938. 29 янв.
12. По страницам районных газет // Курская правда. 1938. 6 фев.
13. Телефонизация сельсоветов // Курская правда. 1938. 26 фев.
14. Село Дунайки электрифицируется // Курская правда. 1939. 11 мая.
15. Коротко // Курская правда. 1939. 28 июня.
16. Коротко // Курская правда. 1938. 11 июня.
17. По Курской области // Курская правда. 1940. 2 апр.
18. Строительство колхозных прудов // Курская правда. 1939. 1 апр.
19. Строительство в колхозе // Курская правда. 1939. 23 мая.
20. Кирпичное производство в колхозе // Курская правда. 1939. 16 июня.
21. По Курской области // Курская правда. 1940. 9 авг.
22. По страницам районных газет // Курская правда. 1938. 6 фев.
23. Новый клуб // Курская правда. 1938. 10 мар.
24. Рост колхозных детских площадок // Курская правда. 1940. 12 мар.
25. Новые сельские школы // Курская правда. 1938. 1 апр.
26. По страницам районных газет // Курская правда. 1938. 1 фев.
27. По страницам районных газет // Курская правда. 1938. 11 фев.
28. Лечебные учреждения Фатежского района // Курская правда. 1938. 15 мар.
29. Коротко // Курская правда. 1939. 16 апр.
30. По Курской области // Курская правда. 1940. 1 окт.

Д. Р. Хисамутдинов

Оренбургский государственный педагогический университет

**Политико-воспитательная работа в училищах и
школах фабрично-заводского обучения
Чкаловского областного управления
Министерства трудовых резервов
в годы четвертой пятилетки
(1946 – 1950 гг.)**

Аннотация. В статье рассматривается проблема политико-воспитательной работы в учебных заведениях системы государственных трудовых резервов Чкаловской области в период четвертой пятилетки (1946–1950 гг.). Показана системность воспитательной работы во время всего периода подготовки квалифицированных рабочих, в условиях послевоенного восстановления СССР. Затронуты положительные и отрицательные стороны политического и культурного воспитания учащихся.

Ключевые слова: политико-воспитательная работа; система государственных трудовых резервов; учебные заведения; Чкаловская область; четвертый пятилетний план; рабочий класс СССР.

Важным направлением подготовки квалифицированных рабочих кадров в системе государственных трудовых резервов выступала политико-воспитательная работа в училищах и школах фабрично-заводского обучения (далее – школы ФЗО).

Государство на основании идеологических установок большевистской партии и выработанных механизмов, используемых в комсомольских и пионерских организациях, стремилось привить городским и сельским подросткам любовь к труду, альтруистические ценности, приоритет общего над частным. Кроме того, в рамках воспитательной работы выстраивалось направление на достижение общих целей, в послевоенный период связанных с восстановлением и развитием Советского Союза.

Необходимо отметить, что организация воспитательной работы трудовых резервов носила системный и непрерывный характер. Она проходила через все этапы функционирования системы трудовых резервов.

Агитационные мероприятия начинались с начала набора городской и сельской молодежи в учебные заведения. Так, например, во время проведения летнего призыва 1946 г. в ремесленные и железнодорожные училища (далее – РУ и ЖУ) Чкаловской области, в районы призыва областное управление направило 20 агитационных бригад и 99 представителей училищ и школ ФЗО.

Внимание уделялось вопросам организации культурного досуга призванных учащихся. Например, в РУ № 14 из поступивших был организован струнный оркестр, хоровой кружок и пять раз в неделю им демонстрировали кинокартины [1, л. 127 об.].

В ходе воспитательного процесса, особое значение отводилось политическим занятиям, основной задачей которых являлось формирование у учащихся трудовых резервов таких качеств, как дисциплинированность и организованность, стремление в совершенстве овладеть получаемой профессией. Политические занятия были ориентированы на рост политической активности обучающихся, развитие инициативы, стремление деятельно участвовать в общественной жизни учебного заведения [2, с. 692–693].

Уже в первом послевоенном учебном году Министерство трудовых резервов приняло новую программу политических занятий и единую систему преподавания. Основной политического воспитания учащихся в РУ, ЖУ, школах ФЗО стали политические занятия курса «Наша великая Родина» по одноименному учебнику Н. Н. Михайлова [3, с. 124].

В течение 1946–1947 учебного года с учащимися первого года обучения Чкаловской области политзанятия проводились по теме «Просторы и богатства нашей Родины», рассчитанной на 26 учебных часов. С учащимися второго года обучения политзанятия проходили по теме «Что дала трудящимся коммунистическая партия и советская власть», рассчитанной на 23 учебных часов. В качестве пособия выступал краткий курс истории ВКП(б). Занятия проводились по 2 часа в неделю в каждой группе.

Преподавателями политзанятий составлялись квартальные планы, утверждаемые заместителями директоров по учебно-производственной части. В основе преподавания лежал урок, план которого на каждое занятие должен был просматриваться и утверждаться. Нередко, с целью проверки качества проведения урока и изложения темы в соответствии с программой – уроки политзанятий посещали директора, их заместители по учебно-производственной части, помощники по культурно-воспитательной работе и председатель Областного управления трудовых резервов. По окончании урока посетивший занятия должен был оставить преподавателю свои замечания и пожелания [1, л. 183].

Вместе с тем, предусмотренные механизмы контроля за проведением политических занятий внутри учебного заведения не всегда исполнялись. Как отмечается в архивных документах, в ряде училищ уроки политических занятий проводились плохо, на низком идейно-политическом уровне. Некоторые преподаватели слабо готовились к урокам, планов и конспектов не составляли [4, л. 7].

Кроме того, в первые послевоенные годы при проведении политико-воспитательной работы существовали объективные и субъективные недостатки. Объективные недостатки связаны в первую очередь с

материальным обеспечением: отсутствие оборудованных кабинетов по политзанятиям в большинстве учебных заведений; недостаточное обеспечение учебными пособиями (в первом послевоенном учебном году на Чкаловскую область было получено от Министерства трудовых резервов – 300 книг, что в среднем составляло одну книгу на 25–30 человек).

К субъективным недостаткам можно отнести: не систематическое и небрежное ведение конспектов отдельными учащимися; наличие отдельных случаев неправильной формулировки записей в конспектах; недостаточный контроль проведения уроков политзанятий со стороны директоров и их заместителей по учебно-производственной части [1, л. 184].

Необходимо отметить, что партийные органы Чкаловской области понимали действительную обстановку в училищах и школах ФЗО, отдавали себе отчет о большинстве нарушений.

Для повышения качества политического образования учащихся, в течение 1947 г. во всех городах Чкаловской области при городских комитетах ВКП(б) создавались методические объединения по организации и проведению политзанятий и по методике теоретического и производственного обучения. На заседаниях методических объединений преподаватели, воспитатели и мастера производственного обучения совместно с работниками отдела агитации и пропаганды горкомов ВКП(б) обменивались опытом и разрабатывали формы и методы, способствующие улучшению качества обучения [5, л. 27].

Всего в 1947 г. в училищах и школах ФЗО области из общего контингента учащихся 11 325 человек, членов ВЛКСМ – 3 368 человек. Хорошо была подготовлена работа комсомольских организаций в РУ № 7 г. Медногорске, где из контингента учащихся 900 человек – членов ВЛКСМ 666 человек; в РУ № 10 г. Новотроицка, где из 450 человек – членов ВЛКСМ 253 человека [5, л. 29].

Важное место в агитационно-пропагандистской работе занимала радиопрограмма и областная, городская, районная, местная печать. По областной, районной и радиотрансляционной сети организовывались передачи «Для трудовых резервов», в которые включались выступления руководящих работников и воспитателей, учащихся и лучших коллективов художественной самодеятельности училищ и школ ФЗО [5, л. 29].

Несмотря на положительные примеры политико-воспитательной работы, отмечалось, что в 1948–1949 учебном году, в училищах и школах ФЗО она проводилась без учета возрастных особенностей и запросов молодежи. Во многих училищах лишь незначительное количество учащихся было охвачено кружками художественной самодеятельности: в школе ФЗО № 19 из 230 человек общего коллектива только 45 человек; в ЖУ № 5 из 454 человек 127 человек; в РУ № 4 из 400 человек 90 человек и в РУ № 8 кружки художественной самодеятельности совсем не работали.

Совсем небольшое количество училищ и школ ФЗО проводили литературные конференции по отдельным произведениям художественной литературы, и в особенности единичные случаи, когда училища проводили технические конференции [6, л. 17].

В свою очередь, материальная база и оборудование кабинетов значительно улучшилось. Через областную контору «Главтрезервснабсбыт» для всех полит-кабинетов области был приобретен полный набор исторических и географических карт, глобусы, картины по географии СССР, альбомы наглядных пособий по пятилетнему плану 1946–1950 гг., по истории СССР и истории ВКП(б), по Конституции СССР, диафильмы и прочее [6, л. 131].

К концу четвертой пятилетки основным недостатком политико-воспитательной работы в учебных заведениях системы трудовых резервов являлась низкая квалификация преподавателей и соответственно неудовлетворительное качество самих занятий. Кроме того, важное значение имела заинтересованность директоров и помощников директоров по учебно-воспитательной работе в проведении и контроле за политическими и досуговыми мероприятиями.

В результате инспекторской проверки обкома партии в 1950 г., прошедшей в 15 учебных заведениях трудовых резервов из 27 имеющихся в области, было установлено, что политико-воспитательная и культурно-массовая работа поставлена неудовлетворительно. В преподавании курса «Наша великая Родина» допускались недостатки в изложении содержания соответствующих тем [7, л. 68].

Особенно плохо проводились занятия в школах ФЗО. В течение 1949–1950 учебного года в школах ФЗО № 11 и 23 занятия не проводились от 1 до 3 месяцев. Крайне бедна была тематика лекций, докладов и бесед, проводимых во внеурочное время, причем их читалось очень мало. Плохо организовывалась работа с книгой. Значительная часть учащихся не читала художественную и политическую литературу.

Во многих учебных заведениях трудовых резервов был плохо организован досуг учащихся и зачастую они были предоставлены сами себе. Отмечается, как массовое явление, когда в общежитиях, клубах, красных уголках в часы досуга учащиеся заняты тем, что грызли семечки, курили, играли в карты, пели непристойные песни [7, л. 69].

Министерством трудовых резервов было установлено, что воспитатели и помощники директоров по культурно-массовой работе должны иметь среднее образование. Однако, 21 % состава помощников директоров по культурно-массовой работе, 46 % воспитателей не имели никакого образования [7, л. 70].

Таким образом, политико-воспитательная работа в учебных заведениях системы государственных трудовых резервов Чкаловской области в послевоенный период носила системный и непрерывный характер. Однако, несмотря на большое значение политической работы с

молодежью, продуманные механизмы и решенную к концу четвертого пятилетнего плана проблему с материальным обеспечением учебных заведений, субъективные недостатки воспитательного процесса сохранялись. В основном они были связаны с недостаточной квалификацией преподавателей, воспитателей и не заинтересованностью директоров и их заместителей в контроле и руководстве за политико-воспитательной работой.

Источники и литература

1. Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее – ОГАОО). Ф. 371. Оп. 10. Д. 477.
2. Дозморов В.А. Политическое просвещение воспитанников системы государственных трудовых резервов Советского Союза в послевоенный период // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Т. 33. Вып. 3. 2023. С. 691–698.
3. Хисамутдинов Д.Р. Патриотическое воспитание чкаловской молодежи в системе государственных трудовых резервов во второй половине 1940-х годов // Патриотическое воспитание в системе высшего образования: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 82-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве за Москву, 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве, 55-летию поискового движения на Белгородчине / отв. ред.: Е. П. Максименко, З. З. Мухина, Н. А. Тимошук, Д. А. Хорват. М., 2023. С. 120–126.
4. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 11. Д. 732.
5. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 11. Д. 594.
6. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 12. Д. 915.
7. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 15. Д. 987.

А. А. Пчелинов-Образумов

кандидат исторических наук

Государственный архив Белгородской области

Т. В. Крылова

Государственный архив Белгородской области

Формирование и деятельность Белгородского областного Совета депутатов трудящихся в 1954 году

Аннотация. В статье рассматривается процесс оформления местных органов государственной власти в Белгородской области после ее образования в составе РСФСР (6 января 1954 г.). На основе документов фонда Р-141 «Администрация Белгородской области», хранящегося в Государственном архиве Белгородской области, анализируется деятельность Белгородского областного Совета депутатов трудящихся, исполнительного комитета облсовета и его структурных подразделений в 1954 году.

Ключевые слова: Белгородская область; Белгородский областной Совет депутатов трудящихся; облисполком; сессия; решение.

6 января 1954 года на заседании Президиума Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики было принято постановление «Об образовании в составе РСФСР Белгородской области». В тот же день оно было утверждено Президиумом Верховного Совета СССР и подготовлен соответствующий указ. В новый регион вошли из Курской области 23 района: Белгородский, Беленихинский (в настоящее время в составе Прохоровского района), Боброводворский (в настоящее время в составе Губкинского городского округа), Большетроицкий (в настоящее время в составе Шебекинского городского округа), Борисовский, Валуйский (в настоящее время городской округ), Великомихайловский (в настоящее время в составе Новооскольского городского округа), Волоконовский, Грайворонский (в настоящее время городской округ), Ивнянский, Корочанский, Краснояружский, Микояновский (в настоящее время в составе Белгородского района, Микояновка в 1958 г. переименована в поселок Октябрьский); Новооскольский, Прохоровский, Ракитянский, Саженский (в настоящее время в составе Яковлевского городского округа), Скороднянский (территория вошла в состав Губкинского городского округа и Прохоровского района), Старооскольский (в настоящее время городской округ), Томаровский (в настоящее время в составе Яковлевского городского округа), Уразовский (в настоящее время в составе Валуйского городского округа), Чернянский и Шебекинский (в настоящее время городской округ) из Воронежской области 8 районов: Алексеевский (в настоящее время городской округ), Будённый (в настоящее время Красногвардейский район, бывшая слобода Будённый – ныне город Бирюч), Вейделевский, Ладомировский (территория вошла в состав Алексеевского городского округа и Ровеньского района), Никитовский (территория вошла в состав Красногвардейского района и Алексеевского городского округа), Ровеньский, Уколовский (в настоящее время Красненский район) и Шаталовский (в настоящее время в составе Старооскольского городского округа) [1, л. 51; 2, л. 1, 2].

Для оформления Белгородской области в качестве полноценного региона Российской Федерации (РСФСР) требовалось осуществить целый ряд организационных мероприятий. В частности было необходимо сформировать органы власти – Белгородский областной Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет (облисполком). Последний фактически являлся главным органом государственной власти в области и руководил государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством на ее территории, а также нижестоящими исполкомами Советов – районными, городскими, поселковыми, сельскими. Облисполком координировал работу своих отделов и управлений,

подведомственных учреждений и лиц. Во исполнение возложенных на исполком функций ему предоставлялось право принимать решения и издавать распоряжения по всем вопросам его компетенции.

Исполнительный комитет созывал сессии Советов депутатов трудящихся и избирался из числа депутатов Совета на организационных сессиях каждого нового созыва. Он был подотчётен избравшему его областному Совету депутатов трудящихся и Совету Министров РСФСР. В период между сессиями облисполком сменял и назначал заведующих отделами и начальников управлений, вносил эти распоряжения на утверждение Совета. На облисполком возлагалась организация и проведение выборов в народные суды и народные заседатели.

Фактически исполнительный комитет Белгородского областного Совета депутатов трудящихся начал свою деятельность 22 января 1954 г. В этот день были приняты 4 решения: о назначении заведующих областными отделами народного образования, здравоохранения, организационно-инструкторским отделом облисполкома и сектора кадров при председателе исполкома облсовета, а также 2 распоряжения. Интересно, что в журнале регистрации вышеупомянутые решения датировались 5 февраля, а 6 последующих распоряжений облисполкома (№№ 3–8) – 19 января [3, л. 1–4; 4, л. 1, 2].

29 января 1954 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление «Об утверждении состава исполнительного комитета Белгородского областного Совета депутатов трудящихся». Его председателем был назначен Григорий Павлович Ковалевский, первым заместителем Николай Георгиевич Горошников, заместителями председателя исполнительного комитета – Алексей Матвеевич Некрасов, Иван Кузьмич Пышкин, Алексей Петрович Филиппов, секретарем – Николай Гаврилович Солодовников. В состав исполнительного комитета вошли: Иван Александрович Гамов, Федор Емельянович Коренев, Михаил Константинович Крахмалев (он одновременно занимал должность первого секретаря Белгородского областного комитета КПСС) [5, л. 1].

30 января 1954 г. облисполком принял ряд решений (в том числе «О выборе места положения центральной площади города Белгорода и размещения Дома Советов»), а 5 февраля состоялось первое полноценное заседание исполнительного комитета облсовета (именно поэтому принятые ранее решения официально включались в протокол данного заседания) [6, л. 1; 3, л. 5–7].

Согласно штатному расписанию от 4 февраля 1954 г. в Белгородском облисполкоме помимо председателя, его заместителей и секретаря, входили 13 структурных подразделений: 1) аппарат при руководстве (помощник председателя, помощник зам. председателя, секретарь-стенограф, секретарь-машинистка); 2) организационно-инструкторский отдел (заведующий, зам. заведующего, старший инструктор, инструктор, инструктор-информатор, секретарь); 3) спецсектор (заведующий,

инспектор); 4) сектор кадров (заведующий, инспектор); 5) приемная по жалобам (заведующий, старший инспектор); 6) протольно-правовая группа (заведующий, юрисконсульт, корректор, кодификатор); 7) сектор наградений (заведующий, инспектор); 8) сектор по призыву молодежи в ремесленные училища и школы (заведующий сектором, инспектор); 9) сектор по подготовке к Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (заведующий – агроном, зоотехник); 10) общий отдел (заведующий отделом, заведующий канцелярией, делопроизводитель, старшая машинистка, машинистка, экспедитор, архивариус, стенографистка, роторщица, курьер; 11) бухгалтерия (старший бухгалтер, бухгалтер); 12) административно-хозяйственная часть (зав. хозяйственной частью, инженер-строитель, кочегар на отопительный сезон, уборщица, дворник, кладовщик, электромонтер, слесарь, гардеробщица, рабочий); 13) гараж (заведующий механик, 2 шофера машины ЗИМ, шофер машины ЗИМ 110, 4 шофера машины «Победа», слесарь, кладовщик), всего 83 штатных единицы [7, л. 43–46].

Распоряжением исполкома Белгородского областного Совета депутатов трудящихся от 5 марта 1954 г. в облисполкоме и его отделах и управлениях устанавливался режим рабочего дня с 9-00 до 18-00 часов с перерывом в один час с 13-00 до 14-00 часов [8, л. 9].

К началу марта 1954 года начал определяться состав Белгородского областного Совета депутатов трудящихся. В него были включены депутаты Курского и Воронежского областных Советов от районов, которые вошли в состав Белгородской области. Всего в Белгородской области наличествовало 83 округа по выборам в областной Совет, в 59 округах депутаты работали в Белгородской области, а в 24 округах в Курской и Воронежской областях. Вскоре в Белгородский облсовет начали поступать заявления от депутатов с просьбой освободить их от исполнения депутатских обязанностей. Так, 23 марта 1954 г., депутат М. Н. Данилушкин отмечал в своем обращении в облсовет: «В связи с выделением из состава Курской области Белгородской области и включением в состав Белгородской области Томаровского района, где я избирался депутатом областного Совета, я не имею возможности, работая в Курской области, исполнять депутатские обязанности и прошу областной Совет снять с меня обязанности депутата по Томаровскому избирательному округу № 146». Были и те, кто уехал работать в другие регионы СССР, в частности, в Донбасс (так, бывший главный инженер Белгородского цементного завода Н. С. Завгородний выехал в город Амвросиевка Сталинской области – в настоящее время Донецкой Народной Республики РФ) [9, л. 17, 24].

В этой связи возникла необходимость провести учет депутатов Белгородского областного Совета, выяснить, кто из его состава остался в Курской и Воронежской областях и собрать от них заявления об

освобождении от депутатских обязанностей. Затем следовало провести выборы в областной Совет в свободных округах [9, л. 17, 26].

В соответствии со статьей 128 «Положения о выборах в краевые, областные, окружные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся РСФСР» от 2 октября 1950 г. и Указами Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 и 20 апреля 1954 г. «О дне выборов в Белгородский областной Совет депутатов трудящихся вместо выбывших депутатов» 16 мая 1954 г. были проведены выборы депутатов Белгородского облсовета по 11 избирательным округам. В них приняли участие 92 441 избиратель, что составило 99,97 % от их общего количества. Депутатами областного Совета были избраны: Г. П. Ковалевский, Ф. Е. Коренев, А. М. Некрасов, Н. Г. Горошников, А. П. Филиппов, М. К. Крахмалев, И. А. Гамов, Д. И. Алешкин, Ф. И. Афанасьев, И. К. Пышкин, Г. М. Коротаев [10, л. 28–30; 11, л. 12–14, 198].

Несмотря на проведение подготовительных мероприятий в первом составе областного Совета находились лица, являвшиеся депутатами лишь формально. Как правило, они занимали различные должности в управленческом аппарате Курской и Воронежской областей и постоянно проживали в Курске и Воронеже. Среди них были: прокурор Воронежской области В. В. Николаев, заведующий финансовым отделом Воронежского облисполкома С. Г. Ткачев, начальник управления МГБ по Курской области Ф. И. Копылов и другие. Формально в составе Белгородского областного Совета находились первые лица страны – секретари ЦК КПСС Н. С. Хрущев и Г. М. Маленков, баллотировавшиеся в Верховный Совет СССР соответственно от Старооскольского избирательного округа № 130 и Первого Белгородского избирательного округа № 12 [12, л. 65, 69].

Не считая двух высокопоставленных лиц, в Белгородском областном Совете был 81 депутат. Преобладали депутаты-мужчины – 67 человек (82,7 %), женщины-депутаты составляли – 17,3 % (14 человек). Не на всех депутатов областного Совета имеются полные анкетные данные, по ряду лиц отсутствуют учетные карточки и плакаты-биографии (9 из 81).

Национальный состав облсовета был весьма однороден, русские составляли 86,4 % – 70 человек (их численность фактически была больше), украинцы – 1,2 % (1 человек), белорусы – 1,2 % (1 человек), по 9 депутатам сведений о национальной принадлежности нет.

Среди депутатов преобладали люди в возрасте от 41 до 50 лет – 33 человека (40,7 %), лица в возрасте от 31 до 40 лет составляли 19 человек (23,4 %), от 51 до 60 лет – 15 человек (18,5 %), от 26 до 30 лет – 5 человек (6,17 %).

57 депутатов облсовета являлись членами КПСС (70,37 %), беспартийными были 15 (18,5 %). 32 депутата (39,5 %) имели высшее или незаконченное высшее образование, 22 депутата (27,1 %) имели среднее или неоконченное среднее образование, 18 депутатов (22,2 %) – начальное

(низшее) образование, по 9 депутатам (11,1 %) данные о партийности и образовательном уровне отсутствуют.

18 депутатов областного Совета были напрямую связаны со сферой сельского хозяйства (из них трудились в колхозах – 9, на машинно-тракторных станциях – 7, один депутат был участковым зоотехником, один – ветеринарным врачом), в промышленности и на транспорте работали 4 депутата, 5 депутатов являлись представителями интеллигенции (3 работника образования, 2 врача), один был военнослужащим (начальником политотдела воинской части), 1 депутат обучался в Москве, по одному сведений о месте работы не имеется. Большинство депутатов – 52 человека занимали различные должности в партийно-государственном аппарате.

Решением исполнительного комитета Белгородского облсовета от 8 мая 1954 г. созыв первой сессии областного Совета депутатов трудящихся был назначен на 19 мая и обозначен круг вопросов для рассмотрения [13, л. 1].

Сессия прошла 19-20 мая 1954 года, в ней приняло участие 60 депутатов из 83, а также 70 приглашенных лиц. Согласно регламенту 19 мая работа продолжалась с 12 часов дня до 6 вечера; 20 мая заседание началось в 10 часов утра и продолжалось до полного разрешения вопросов с перерывом на обед с 15-00 до 17-00 часов. Председателем сессии был избран депутат от Холоднрянского избирательного округа, секретарь Белгородского обкома КПСС Дмитрий Иванович Алешкин, секретарем Нина Андреевна Елисеева – депутат от Расховецкого избирательного округа, главный ветеринарный врач Уколовского райсельхозотдела [14, л. 1].

На данной сессии была избрана мандатная комиссия для проверки полномочий депутатов областного Совета депутатов трудящихся, принят бюджет области на 1954 г., окончательно утверждён состав исполнительного комитета облсовета. Сессия подтвердила образование следующих областных отделов и управлений (многие из которых фактически уже работали): плановая комиссия, финансовый отдел, отдел народного образования, отдел торговли, отдел здравоохранения, отдел социального обеспечения, отдел коммунального хозяйства, отдел по организованному набору рабочей силы, организационно-инструкторский отдел облисполкома, общий отдел облисполкома, отдел по делам архитектуры, управление сельского хозяйства, управление культуры, управление по строительству в колхозах, управление дорожного и транспортного хозяйства, управление промышленности продовольственных товаров, управление местной и топливной промышленности, управление промышленности стройматериалов, управление связи, управление юстиции, управление по охране военных и государственных тайн в печати, сектор кадров при председателе исполкома облсовета депутатов трудящихся, комитет физкультуры и

спорта, а также утвердила заведующих отделами и начальников управлений. Кроме того, были созданы постоянные комиссии: по сельскому хозяйству, бюджетная, народного образования и здравоохранения, местной промышленности и торговли, благоустройства и дорожного строительства; избраны председатель, члены и народные заседатели областного суда [10, л. 36–43].

Вторая сессия Белгородского областного Совета депутатов трудящихся состоялась 8–9 сентября. Из 83 депутатов присутствовало 61, а также 150 приглашённых лиц. Сессия приняла решения «О выполнении постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г. «О мерах по дальнейшему улучшению работы машинно-тракторных станций», «О состоянии и мерах улучшения кинообслуживания населения области», о назначении начальников областного управления местной промышленности и начальнике областного управления топливной промышленности, а также об избрании народных заседателей военного трибунала Воронежского военного округа и военного трибунала Курского военного гарнизона [15, л. 1, 15, 22–25].

Третья сессия состоялась 3 декабря. В ней приняло участие 56 депутатов и 70 приглашенных лиц. Она приняла одно решение «О развитии производства местных строительных материалов в 1955 году» [16, л. 1–12].

В течение 1954 года исполнительный комитет Белгородского областного Совета депутатов трудящихся официально провел 30 заседаний, принял 744 решения и 797 распоряжений, касающихся различных сторон жизни нового региона (значительная их часть (около 50 %) относилась к сфере экономики).

Таким образом, в 1954 г. были сформированы, получили юридическое оформление и начали свою деятельность органы власти нового региона – Белгородский областной Совет депутатов трудящихся, исполнительный комитет облсовета (облисполком) и его структурные подразделения.

Первый год работы был сопряжен с организационными трудностями – «механическое» включение в состав нового областного Совета депутатов Курского и Воронежского облсоветов от районов, вошедших в Белгородскую область, потребовало проведения ряда мероприятий, в том числе уточнения депутатского списка, назначения перевыборов. Ключевую роль в окончательном юридическом оформлении новых органов власти региона сыграла сессия облсовета, проходившая 19–20 мая 1954 года.

Среди депутатов Белгородского областного Совета преобладали работники государственно-партийного аппарата, члены КПСС, мужчины в возрасте от 31 до 50 лет, значительная часть из них имела высшее или незаконченное высшее образование.

Значительное количество решений и распоряжений, принятых Белгородским облисполкомом в январе – декабре 1954 года (свыше 1 500),

позволяет вести речь об интенсивности его работы в первый год существования.

Источники и литература

1. Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. Р-141. Оп. 7а. Д. 1.
2. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 7а. Д. 4.
3. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 76.
4. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 148.
5. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 7а. Д. 6а.
6. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 46.
7. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 239.
8. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 149.
9. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 3.
10. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 5.
11. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 18.
12. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 19.
13. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 1. Д. 86.
14. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 2. Д. 1.
15. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 2. Д. 5.
16. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 2. Д. 6.

Н. Н. Фомичев

кандидат исторических наук
Государственный архив Белгородской области

Состояние промышленного производства в городе Шебекино в 1954 году

Аннотация. В статье рассматривается вопрос развития промышленности в городе Шебекино в образованной в 1954 г. Белгородской области. В Шебекино, бывшим важным производственным центром в дореволюционное время, в 1920-е – 1930-е гг. появлялись новые и развивались уже имеющиеся предприятия. Были представлены такие отрасли промышленности как легкая, химическая, пищевая, машиностроение. Создание области стало важной вехой в развитии промышленного производства в самом городе Шебекино. Он же развивался как промышленный центр областного масштаба.

Ключевые слова: Белгородская область; Шебекино; Шебекинский машиностроительный завод; Логовской мелкомбинат; Комбинат Синтетических жирных кислот.

Белгородскую область в 1954 г. правильно было бы называть индустриально-сельскохозяйственной областью. Доля промышленного производства в народном хозяйстве составляла 51–52 % [1, л. 2].

Важным предприятием машиностроительной промышленности являлся Шебекинский машиностроительный завод Министерства промышленности продовольственных товаров, который занимался выпуском оборудования для хлебопекарен и других отраслей пищевой промышленности. Этот завод выпускал печи для сушки овощей, 25-сильные двигатели для пищевой промышленности, вибрационные мельницы для вибропомола и для тонкого помола [1, л. 15].

На машиностроительном заводе было 7 основных цехов: литейный, механический, сборочный, диффузный, котельно-кузнечный, деревообделочный. На заводских собраниях активно обсуждались проблемы организации труда и быта рабочих. Существовали проблемы с производственной дисциплиной и гигиеной труда. Так за 1-й квартал 1954 г. имели место 7 несчастных случаев, один из которых – смертельный. Администрация завода информировала об улучшении производственных условий: перспективном проведении во все цеха питьевой воды из артезианской скважины и обеспечении рабочих газированной водой. На предприятии также работала жилищно-бытовая комиссия, которая решала вопросы о распределении жилого фонда, улучшения жилищно-бытовых условий, помощи в ремонте нуждающемуся, многодетным, больным, инвалидам и родственникам погибших в Великой Отечественной войне и другим социально уязвимым категориям работников, распределения участков под огороды [2, л. 2–3]. Из объектов социальной сферы при заводе имелся клуб с кинозалом [2, л. 33–33 об.]. В клубе была организована работа кружков художественной самодеятельности [2, л. 1]. На заводском собрании 28 января 1954 г. представители президиума общепрофсоюзной организации машиностроительного завода резко критиковали администрацию за недостаточное снабжение заводского клуба инвентарем, бюрократический подход к решению текущих проблем, отсутствие внимания к охране труда, а также нарушения в предоставлении отпуска (две недели вместо трех) [2, л. 4]. Из проблем организации труда отмечалась также загазованность в горячем котельном цеху, в котором отсутствовала нормально работающая вентиляция [2, л. 18]. Большое внимание на профсоюзных конференциях завода уделялось рационализаторским предложениям. Так за 1953 г. всего было внесено 216 рацпредложений, из которых принято 118 предложений, внедрено 91 предложение. От внедрения рацпредложений сэкономлено 321 325 руб., выплачено премий рационализаторам 16 378 руб. К рационализаторской работе было привлечено 75 человек (15 %) [2, л. 21–22].

Соцобязательства коллектива Шебекинского машиностроительного завода на 1954 г. включали в себя:

1. Выполнение годового плана по выпуску валовой продукции ко дню рождения товарища Сталина к 21 декабря.

2. Снижение себестоимости выпускаемой продукции по сравнению с 1953 г. не менее, чем на 11 %.

3. Повышение производительности труда рабочих по сравнению с 1953 г. не менее, чем на 13 %.

4. Накопление не менее 4 млн руб.

5. Экономия от внедрения рацпредложений не менее 400 тыс. руб.

6. Обучение 20 специалистов-станочников скоростным методам резания.

7. Увеличение съема продукции с квадратного метра производственной площади против 1953 г. не менее чем на 20 %.

8. Введение в эксплуатацию 12-квартирного жилого дома в мае месяце и на протяжении года освоение не менее 400 тыс. руб. по строительству здания школы-десятилетки [2, л. 28] .

На состоявшемся по случаю обсуждения декларации Московского совещания Европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе митинге трудящихся Шебекинского машиностроительного завода директор завода И. И. Солодилов озвучил резолюцию: «трудящиеся Шебекинского машзавода горячо приветствуют и одобряют внешнюю политику нашей Коммунистической партии и Советского правительства направленную на предотвращение создание агрессивной армии в Европе в лице западногерманских реваншистов и обеспечение мира в Европе и во всем мире» [2, л. 38].

Также Шебекинский машиностроительный завод продолжал развивать социальную инфраструктуру. Решением исполнительного комитета Шебекинского городского Совета депутатов трудящихся от 10 мая 1954 г. предприятию был выделен земельный участок под строительство двухэтажного дома и школы по площади Горяинова между домами №№ 2 и 4 [4, л. 214].

В связи со снижением отпускной цены на электроэнергию заводом Синтетических жирных кислот и машиностроительным заводом и произведенным по указанной причине перерасчетом заводами СЖК и ШМСЗ в пользу электросети на сумму 22 509 руб., исполком Шебекинского городского Совета депутатов трудящихся решил утвердить с 1 октября 1953 г. отпускную цену за электроэнергию со снижением против взимаемой на 22 % для каждой из следующих групп:

1-я группа 70 коп.

2-я группа 63 коп.

3-я группа 1 руб. 40 коп.

4-я группа 2 руб. 80 коп.

5-я группа 2 руб. 80 коп.

6-я группа 3 руб. 50 коп.

7-я группа 1 руб. 82 коп.

Промгруппа 1 руб. 26 коп.

Горэлектросетями было дано разрешение из суммы произведенного перерасчета обратить 17 227 руб. на покрытие затрат по расширению и реконструкции электросети в заречной части города и 5 282 рубля на электрификацию улиц Сталина, Горяинова и Кирова [4, л. 108–109].

Из предприятий машиностроительной промышленности в Шебекино в 1954 г. имелся авторемонтный завод, на котором ремонтировались моторы и трактора, а также выпускалась продукция для сельского хозяйства [1, л. 12].

Белгородская область имела большие возможности и перспективы для развития промышленности стройматериалов. Здесь имелись большие залежи мела, различных по своему качеству глин, залежи песков. Промышленность стройматериалов была представлена мелоизвестковыми предприятиями по производству извести и мела для нужд народного хозяйства.

Качество мела и глины было и остается достаточно высоким. В Шебекино функционировало очень важное предприятие Министерства химической промышленности – так называемый Логовской мелкомбинат, который занимался производством и отгрузкой очищенного мела [1, л. 15].

В 1935 г. в Шебекинском районе был построен меловой комбинат на базе Логовского мелового месторождения (Логовской мелкомбинат). Из-за большого ущерба, нанесенного Логовскому мелкомбинату во время войны и оккупации в 1943 г. и в первой половине 1944 г. выпуск продукции предприятием не производился. В апреле 1949 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1949 г. и Постановлением Совета Министров РСФСР от 18 апреля 1949 г. Логовской меловой комбинат был передан из ведения Министерства промышленности и строительных материалов СССР в ведение Министерства химической промышленности СССР (МХП СССР) [5].

Высококачественный логовской мел применялся во многих отраслях промышленности, в том числе, в резиновой промышленности, производства резиновых изделий. Также применялся в кабельном производстве, для суперфосфатных заводов, в парфюмерию для производства зубных порошков и пасты, на комбикормовые заводы как примесь для комбикормов для животных. Логовской мелкомбинат производил до 100 тыс. т чистого мела [1, л. 15].

В акте-обследовании, составленном 12–13 января 1954 г., о состоянии техники безопасности, охраны труда на Логовском меловом комбинате Главшинпрома МХП был зафиксирован ряд нарушений. В частности, так и не было реализовано внедрения электрического бурения шпуров (цилиндрическая горная выработка), реконструкция железнодорожного моста, ремонт производственной вентиляции, изготовление и устройство зонта над локомотивом (портативным двигателем), устройство воздуховода для забора воздуха и подачи его к

вентиляторам. Ограждение оборудования находится в неудовлетворительном состоянии, бытовых помещений нет. В акте также отмечалось, что в жилом доме мелкомбината расположен медицинский пункт, по штату обслуживающего персонала при медпункте должен быть врач, но такового на комбинате не имеется целый год. Были отмечены и другие существенные недостатки [6, л. 24–26].

Мелкомбинат был расположен в селе Логовое, на расстоянии 500 метров от жилых домов.

Производственная площадь и освещение достаточное. Производственные процессы по добыче, погрузке и разгрузке мела механизированы. Расфасовки и погрузка готовой продукции со склада осуществлялась вручную.

Во время работы в цехах наблюдалось большое скопление меловой пыли в результате того, что не было герметичности аппаратуры. Имелись аппараты старой конструкции. Требуемое переоборудование завода намечалось на 1956 год. При комбинате имелось общежитие и столовая. Водопровод и канализация отсутствовали [1, л. 185].

Комбинат Синтетических жирных кислот в городе Шебекино на 1954 г. – единственное предприятие данного профиля в Советском Союзе. Оно было из Германии по репарациям. Ценность этого предприятия состояла в том, что из продуктов нефтяной промышленности вырабатывалась путем химического синтеза жирная кислота. Она использовалась в первую очередь в мыловаренном производстве и заменяла животные и растительные жиры. За счет продуктов комбината СЖК за два года в стране было сэкономлено 33 тыс. т растительного масла. На заводе СЖК имелась также установка, которая производила синтетические жирные спирты, на базе которых делаются новые моечные средства, так называемый порошок «Новость». Это очень хорошее средство, оно сохраняло ткани, особенно вязкие, придавало им прочность. Как отмечалось в отчете о деятельности санитарно-эпидемиологической службы Белгородской области, доказано, что ткань из искусственного шелка, которая стирается порошком «Новость» в 2 раза удлиняет срок носки, причем не теряет своего цвета, эластичности.

Также в Шебекино уже в тот период планировался к постройке Витаминный завод (комбинат). Согласно распоряжению Совета Министров СССР от 6 марта 1953 г. за № 5047-Р и приказу МЛиПП СССР от 12 марта 1953 г. за № 480 «О перспективном строительстве в г. Шебекино завода витаминов Министерства легкой и пищевой промышленности СССР», исполкома Шебекинского городского Совета депутатов трудящихся в Шебекино к постройке намечался завод «Синтетических витаминов Министерства легкой и пищевой промышленности» [7, л. 80–81]. В связи со строительством в городе Шебекино завода синтетических витаминов Министерства промышленности продовольственных товаров СССР, учитывая

увеличивающиеся потребности в новых объектах здравоохранения, культуры и просвещения Шебекинский городской Совет депутатов трудящихся предложил витаминному заводу построить в Шебекино:

- 1) больницу на 100 коек в парке по ул. Буденного;
- 2) среднюю школу на 440 мест;
- 3) кинотеатр на 250–300 мест в квартале № 9 по ул. Мира;
- 4) детские ясли на 65–70 мест.

Витаминный комбинат также должен был спланировать строительство, озеленить, огородить, замостить проезды и тротуары. Заложить водопровод и канализацию, подводку линий электропередачи, освещения [7, л. 269–270].

Впоследствии данный завод был построен в Белгороде.

В Белгородской области имелись кирпичные предприятия, но эта отрасль была развита недостаточно. Нужды городского и сельского населения в этом востребованном виде стройматериалов удовлетворялись плохо.

Шебекинский кирпичный завод «Профинтерн» функционировал с 1949 г. Решением Шебекинскому горисполкома в 1954 г. заводу «Профинтерн» был выделен земельный участок в размере 0,2 га под застройку нового жилого двухэтажного двадцатиквартирного дома по улице Сталина между домами 4 и 6 [7, л. 113]. 8 сентября 1954 года было принято решение о выделении кирпичному заводу «Профинтерн» дополнительно 1,42 га для расширения производственной площади (из них городских 0,83 га и 0,59 га из земель граждан) [7, л. 245].

В связи с намечавшемся в 1954 г. строительством в городе хлебокомбината с суточной проектной мощностью 30 т, исполком Шебекинского городского Совета депутатов трудящихся решил отвести земельный участок площадью 1,6 га в районе улицы Железнодорожной, затем в районе маслозавода (который функционировал с 1945 года) [7, л. 133, 149]. Решением № 105 исполкома Шебекинского городского Совета депутатов трудящихся от 15 апреля 1954 г. участок под строительство хлебозавода площадью 1,5 га был выделен по улице Харьковской «Глинка» (так в документе). Также предусматривалось проектирование жилого дома и отвод в первом этаже помещения под магазин и строительство по улице Харьковской булыжной дороги протяженностью 810 м [7, л. 192]. Вошел в эксплуатацию на десятилетие позже.

Согласно решению № 321 исполнительного комитета Шебекинского городского Совета депутатов трудящихся от 10 декабря 1954 г. был отведен земельный участок под строительство шлакоблочного завода на территории комбината СЖК и ЖС площадью 3,5 га [7, л. 266].

Еще одно крупное предприятие кожевенный завод министерства легкой промышленности был расположен на окраине города Шебекино.

Кожевенное производство было основано еще в 1915 г. За годы Советской власти была произведена реконструкция завода, который

получил название «Красный Октябрь». Со времени начала работы в 1943 г. и по 1957 г. Шебекинский кожевенный завод был в подчинении министерства легкой промышленности. Много процессов производилось вручную, станки были устаревшей конструкции. Территория завода была ограждена и озеленена. Имелось три надворных санустановки поглощающего типа. Однако хозяйственно-фекальная канализация отсутствовала. Сброс сточных вод производился в отстойники во дворе и в поля. Указанные поля превратились в отстойники, издающие зловонный запах вблизи завода и жилпоселка, особенно в летнее время.

Процесс обработки кожи в цехах был механизирован, за исключением зольного цеха, где очистка кож производилась вручную. В парокотельной топке загружались углем также вручную. Так как естественного освещения в цехах было недостаточно, было подведено электрическое.

Кроме сушильно-отделочного цеха, все цеха не имели искусственной вентиляции, из-за чего в котельной наблюдалась большая загазованность. Цехов раздевалок, индивидуальных шкафчиков для рабочих было недостаточно. Столовой при заводе не было.

Таким образом, были представлены такие отрасли промышленности как легкая, химическая, пищевая, машиностроение. Несмотря на то, что происходило дальнейшее развитие промышленного производства, его объемов, качества выпускаемой продукции, имелись существенные проблемы с гигиеной труда на предприятиях, экологической составляющей производства, пополнении заводов инженерными и научно-техническими кадрами. Ко времени образования Белгородской области город Шебекино оставался важным промышленным центром, значительно укреплял производственный потенциал области, а предприятия поддерживали и развивали городскую инфраструктуру.

Источники и литература

1. Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. Р-1289. Оп. 3. Д. 39.
2. ГАБО. Ф. Р-83. Оп. 2. Д. 64.
3. ГАБО. Ф. Р-83. Оп. 2. Д. 63.
4. ГАБО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 56.
5. ГАБО. Ф. Р. 122. Оп. 3. Предисловие.
6. ГАБО. Ф. Р. 122. Оп. 3. Д. 11.
7. ГАБО Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 56.

Г. А. Салтык
доктор исторических наук
Курский государственный университет

**Влияние работы Курского завода тракторных запасных частей
на социально-экономическую и культурную жизнь региона
в 1960-е – 1990-е гг.**

Аннотация. Статья посвящена истории развития машиностроительной промышленности Курской области. Показана роль директора Курского завода тракторных запчастей (КЗТЗ) М. Д. Овчаренко в становление и развитие его производства в 1960-е – 1990-е гг. Выявлены имена инженерно-технических работников, мастеров цехов, рабочих предприятия, которые принимали активное участие в социалистическом соревновании, а также внесли существенный вклад в движение рационализаторов и изобретателей. Особое внимание уделяется характеристике организационной культуры предприятия.

Ключевые слова: завод тракторных запасных частей; социалистическое соревнование; рационализатор; литейный цех; директор; организационная культура.

Один из важных периодов в истории становления Курского завода тракторных запчастей приходится на 1960-е – 1990-е гг. В это время был введен в строй целый ряд новых объектов, освоено выпуск 16 наименований видов запчастей к тракторам и сельскохозяйственным машинам. Предприятие стало именоваться Курским заводом тракторных запчастей имени 50-летия СССР. А еще – завод стал орденоносцем. В 1975 г. он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и занял ведущее место в отечественном машиностроении. Этим успехом коллектив завода достиг благодаря умелому руководству своего директора – М.Д. Овчаренко, принявшего в управление завод в 1962 г. Важнейшей задачей, которую коллектив предприятия должен был решить в этот период, – введение в эксплуатации литейного цеха. Во многом благодаря напряженной работе нового директора и всего коллектива завода, он заработал на полную мощность уже в декабре 1961 г. Примечательно, что цех был оснащен лучшим отечественным оборудованием и оборудованием, экспортируемым из-за рубежа – Германской Демократической Республики и Великобритании.

К концу 1960-х г. литейный цех КЗТЗ считался одним из крупнейших в стране. А в первом квартале 1968 г. Министерством тракторного и сельскохозяйственного машиностроения ему впервые было присуждено третье место в социалистическом соревновании заготовительных цехов заводов СССР. В это время литейщики выпустили с конвейера цеха 436 тыс. т литья и выполнили план первого полугодия на

102,6 %. Особо важной задачей литейщики считали ввод в эксплуатацию реконструируемого комплекса литейного производства и освоение его производственной мощности.

Не менее важной задачей являлось строительство корпуса старения отлива головок блока цилиндров, что позволяло увеличить надежность и долговечность этой детали на тракторах [1].

Продолжались работы и по строительству и введению в эксплуатацию корпуса топливной аппаратуры. А так как потребность в деталях, которые изготавливались в данном цехе, ежегодно возрастала, нужно было создать условия для дальнейшего наращивания мощностей этого производства. М. Д. Овчаренко принял решение вывести этот цех в отдельно строящийся корпус. И уже 28 сентября 1965 г. он был введен в эксплуатацию. Заметим, что руководство завода постоянно уделяло внимание организации производства в этом цехе. Поэтому уже в первые месяцы после его сдачи в эксплуатацию значительно пополнился парк технологического оборудования: было получено 234 единицы новых станков на сумму 740 тыс. руб. В дальнейшем цех топливной аппаратуры № 1 стал одним из лучших на заводе.

Одним из важнейших звеньев производственного процесса на заводе являлась транспортная служба. В 1975 г. был создан транспортно-складской цех, в состав которого были включены железнодорожный участок завода, все закрытые и открытые складские помещения. Цех был ответственен за складирование, контроль и учет всего грузопотока.

В 1970-е гг. руководство завода во главе с М. Д. Овчаренко работало и над усовершенствованием форм повышения производительности труда на предприятии. Поэтому, когда Совет Министров СССР принял Постановление «О переводе в 1969 г. части совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет» [2], коллектив КЗТЗ одним из первых в стране начал осуществлять переход на эту новую систему планирования и материального стимулирования передовиков производства.

В канун перехода и в первые месяцы работы в новых условиях предприятие максимально активизировало труд всех работников завода, чтобы добиться повышения эффективности производства. Особое значение придавалось хозрасчету. Им было охвачено 84 участка. Переход заводчан на хозрасчет показал, что в целом потери от брака снизились на 15 %, рентабельность предприятия повысилась на 14 %, прибыль возросла по сравнению с предыдущим годом на 1 млн 320 тыс. руб., или на 25 % [3].

В годы VIII пятилетки руководство КЗТЗ приняло решение о строительстве механического цеха № 3, который решено было разместить в новом корпусе. В короткие сроки его удалось не только ввести в эксплуатацию, но и обеспечить технологический процесс обработки головок блока цилиндров автоматическими линиями. В 1980 г. механический цех № 3 начал выпускать несколько наименований головок

блока цилиндров с поставкой их на экспорт в 43 страны мира, в том числе: в Болгарию, Венгрию, Вьетнам, Кубу, Великобританию, Францию, Швецию, Канаду, США, Иран, Ирак и др.

Успехи предприятия были замечены руководством отрасли и в октябре 1975 г. на его базе проводилось совещание союзного значения – совет директоров Всесоюзного промышленного объединения «Союзтракторозапчасть», в работе которого принимали участие руководители 34 предприятий [3].

Большое внимание руководство завода уделяло реконструкции предприятия. Как писал позже М. Д. Овчаренко в 1980-е гг., в соответствии с программой реконструкции КЗТЗ, «планировалось увеличить рост продукции почти в два раза» [4, с. 16].

Важное место в жизни трудового коллектива завода занимала рационализаторская и изобретательская деятельность ее рабочих и инженерно-технических работников. Нам удалось выяснить, что еще в 1958 г. в рядах рационализаторов числилось 210 человек. В течение года от них поступило 498 рационализаторских предложений с экономическим эффектом в 1 085 000 руб. Из поступивших рацпредложений было принято 222 и внедрено 167. Все это позволило выполнить годовой план к 1 декабря текущего года [5].

В Государственном архиве Курской области хранится «Справка о работе первичной организации ИТО Курского ордена трудового Красного знамени завода тракторных запасных частей в выполнении творческих обязательств за 1979 г.», в которой, в частности, отмечалось, что «за четыре года – с 1975 по 1978 г. на предприятии было внедрено в производство 5 автоматических линий, 20 единиц автоматов, полуавтоматов и специального оборудования, 1 200 рационализаторских предложений и 12 изобретений с экономическим эффектом в 2 млн руб. За счет внедрения новой техники и реализации плана организационно-технических мероприятий был получен экономический эффект на сумму 450 тыс. руб., а также удалось увеличить сверхплановую прибыль на 100 тыс. руб. [6, л. 29–30].

Следует подчеркнуть, что труд заводчан по выполнению и перевыполнению взятых на себя обязательств был отмечен Указами Президиума Верховного Совета СССР о награждении лучших из них орденами и медалями. Так, в 1966 г. орден Ленина был вручен директору завода М. Д. Овчаренко и спаровщице Н. В. Митенковой; медалью «За трудовую доблесть» наградили старших мастеров В. А. Бондаренко и В. А. Грошева, слесарей В. А. Зубкова и Н. А. Маслова, заместителя начальника цеха Г. В. Куликова, начальника цеха И. А. Нехитрова, электрика Е. М. Сунцова и фрезеровщика А. Н. Яковлева. Медаль «За трудовое отличие» была вручена наладчику Ю. А. Башеву, слесарю-модельщику Г. Г. Бондареву, формовщикам А. А. Денисовой, В. В. Королеву, Ю. Ф. Летошко, мастерам Г. В. Нестеренко и

И. В. Прянишникову, шлифовщице З. П. Сибилевой, а также выбивщику литья И. М. Черникову [7, л. 40–41].

Заводчанам также присваивали звание «Лучший рабочий завода по профессии» и «Лучший мастер завода». К примеру, в 1960 г. звания «Лучший рабочий завода за четвертый квартал» были удостоены 38 человек, звания «Лучший мастер» – 3 человека: М. В. Пронин – автоматный участок цеха топливной аппаратуры; Л. П. Сухоруких – участок предварительной обработки плунжерной пары; В. А. Худеев – сменный мастер предварительной обработки корпуса распылителя [8].

Была на предприятии и своя Доска Почета, куда заносились имена победителей социалистического соревнования и ударников коммунистического труда. Нам удалось выявить следующие имена: Н. А. Новиков – столяр ремонтно-строительного цеха; И. А. Орлов – вагранщик чугунно-литейного цеха № 1; В. К. Патрикеев – электромонтажник электроцеха; О. Н. Рачинский – токарь инструментального цеха; В. А. Феокистов – начальник участка чугунно-литейного цеха; В. М. Щигельский – фрезеровщик механического цеха № 2; А. Н. Яковлев – фрезеровщик модельного цеха; П. С. Барышев – токарь механического цеха № 1; В. Е. Лушников – машинист автотранспортного цеха; И. Н. Черников – токарь ремонтно-механического цеха; И. Ф. Картавых – упаковщик цеха консервации; С. А. Самохвалов – газорезчик транспортно-складского цеха; В. П. Старцев – слесарь теплоцеха [9, с. 219].

Совет НОТ (научная организация труда) завода систематически представлял к наградам лучших рационализаторов и изобретателей. Так, за успешное выполнение личного творческого плана и содействия успешному выполнению творческих обязательств Совета НТО за 1979 г. к награждению. «Почетной грамотой Всероссийского Совета научно-технического общества (ВСНТО)» был представлен В. П. Тропашко – конструктор отдела механизации и автоматизации. Им было внедрено в производство 11 мероприятий с экономическим эффектом 10,2 тыс. руб. [7, л. 32].

Труд изобретателей и рационализаторов отмечался также денежными премиями внутри завода. Так, в Приказе № 346, подписанного М. Д. Овчаренко 27 июня 1979 г. были указаны фамилии руководителей цехов, уполномоченных БРИЗ (бюро рабочего изобретательства), главных конструкторов, инженеров, механиков, слесарей и других категорий рабочих и служащих, которые внесли свой вклад в улучшение «технико-экономического уровня завода». Размер премии составил от 400 до 20 руб. [7, л. 28].

Был создан на заводе и институт наставников. Учитывая, что треть рабочих предприятия – молодежь до 30 лет, было принято решение создать Совет наставников, в задачи которого входило оказание помощи в овладении профессией тем рабочим, которые пришли на производство из

профтехучилищ и общеобразовательных школ. Кроме заводского были организовано 14 цеховых советов, в которые вошли передовые рабочие, представители профсоюзных и комсомольских организаций, подобраны, утверждены и закреплены за молодыми рабочими наставники из числа лучших рабочих, ИТР и служащих (около 400 человек) [10].

Лучшими наставниками молодежи были З. П. Сибилева – шлифовщица механического цеха № 2, Н. Н. Васьков – мастер цеха топливной аппаратуры № 2 и Д. Ф. Бороздин – наладчик этого же цеха, а также В. Я. Черняев – строгальщик инструментального цеха [9, с. 218].

Большое внимание на заводе уделяли решению социальных вопросов. В этой связи несколько слов хотелось бы сказать об УКСе (ОКСе) – управление капитального строительства. Руководителями отдела и бюро ОКСа были А. А. Кожакин, Е. П. Звягинцев, А. И. Гольдман, В. М. Ничаюк, А. В. Абрамов, А. С. Теплова; инженеры ОКС – И. Д. Бучик, В. И. Протасова (Чёрная), Е. Г. Лукьянчикова, И. А. Сергеева, А. С. Ромашов, С. Н. Канивец, Л. И. Новикова, Е. В. Мальцева. В 1970-е – 1990-е гг. ОКС руководил строительством ряда объектов, среди которых отметим базу отдыха в «Рабочем уголке» г. Алушта (Крым), где были построены двадцать три летних домика и столовая, а также многоэтажный санаторный корпус круглогодичного посещения. В это же время в лесном массиве поселка Моква Курского района шло строительство базы отдыха – профилактория «Дубрава», а также пяти детских садов, Дворца культуры и парка КЗТЗ с посадкой голубых елей, поликлиники № 7 по улице Заводская, тридцати многоэтажных жилых домов, детской молочной кухни и магазина «Овощи-фрукты» по улице Энгельса, дома быта по проспекту Кулакова, агрогородка – жилых домов в Пристенском районе Курской области и другие объекты [9, с. 41].

Особо следует отметить заботу руководства завода по формированию организационной культуры. Помимо решения социальных проблем оно обращало внимание на организацию отдыха трудящихся. Ежегодно в санаториях и базах отдыха поправляли свое здоровье десятки заводчан. Особо им нравился санаторий-профилакторий «Дубрава». По словам его главного врача А.А. Донца, «... рабочие едут сюда охотно. И еще бы! Здесь их ждут лыжные прогулки, рыбалка на озере, интересные лекции, просмотр новых фильмов... А еще диетическое питание и более 30 видов медицинских услуг. Все это – надежная гарантия отличного отдыха и лечения!» [11].

Важное место в жизни трудового коллектива КЗТЗ занимали физкультурно-оздоровительные мероприятия, которые организовывали комсомольская, партийная и профсоюзная организации предприятия. В коллективе «физкультурников» тогда насчитывалось 124 человека. В 1964 г., в год Олимпиады, количество физкультурников на КЗТЗ возросло до 1 200 человек, число занимающихся в спортивных секциях – до 481 человека. Спортсменов первого разряда к этому времени стало 12,

второго – 39, третьего – 102 человека. Было подготовлено 84 общественных инструкторов по спорту.

Как показали материалы исследования, инженерно-технические работники, рабочие предприятия в свободное от работы время активно занимались различными видами спорта, принимали участие в соревнованиях по хоккею, футболу, легкой атлетике, волейболу, шашкам и шахматам. Многие из них занимались велосипедным спортом и мотоспортом. В зимний период активно работала лыжная секция. В 1968 г. в нее входили В. Ниченков, В. Харлашкин, А. Данилов, Л. Бынадина, В. Березуцкая и другие. Тренировал спортсменов В. С. Махорин. Удивительно, но в те годы заводчане считали стремление к высокой производительности труда несовместимым с невниманием к своему здоровью. Немаловажное значение в этом они придавали производственной гимнастике. В целях улучшения здоровья и создания высокого уровня работоспособности ее проводили прямо в цехах во время смены. Гимнастика проводилась инструктором-общественником из расчета 2 инструктора на 25–30 человек [12].

Был на заводе и свой духовой оркестр. А появился он на предприятии в 1956 г. во многом благодаря Ю. Ф. Летошко, который после службы в рядах Вооруженных сил СССР пришел на завод. Ходил по цехам, собирал молодых ребят, занимавшихся музыкой. Так появился коллектив музыкантов в составе А. Иванова, Н. Еськова, И. Тугаринова, О. Шедельбаура. Позже в его состав вошли П. А. Хардилов, В. М. Шерстюк, Н. П. Найденов, Г. А. Калюжный, П. А. Лашкул [13].

А еще заводчане активно участвовали в цеховых смотрах художественной самодеятельности. Неоднократно Диплом I степени жюри присуждало коллективу цеха цветного литья. Так, к примеру, в 1982 г. 32 работника цеха получили бесплатные однодневные туристические путевки в Москву. Большой популярностью у заводчан пользовались выступления мужского вокального квартета в составе обрубщиков термообрубоного отделения В. Г. Варшавского, Н. М. Артамонова, А. Н. Щедрина, и обрубщика участка мебельной опоры А. Ф. Холодова, которые с присущим им юмором исполняли частушки на производственные темы [14].

Важным направлением в деятельности руководства завода, его профсоюза была работа по благоустройству территории предприятия, а также организацию комфортных условий труда. Как отмечалось в одном из трудовых договоров администрации и комитета профсоюза КЗТЗ «с целью улучшения быта заводчан» необходимо постоянно содержать в отличном состоянии бытовые помещения и санузлы, душевые, умывальники, прачечную, комнаты гигиены женщин, снабжать их необходимыми материалами, оборудованием, горячей и холодной водой; бесперебойно обеспечивать рабочих газированной водой; постоянно содержать территорию завода и жилого поселка в образцовом состоянии,

производить дальнейшие работы по озеленению и освещению его территории. Примечательно, что на заводе была даже создана специальная комиссия по борьбе за чистоту и культуру на производстве. В 1961 г. ее возглавляла старшая кладовщица цеха топливной аппаратуры М. М. Шинкарева [15, л. 14].

Ценой невероятных усилий М. Д. Овчаренко удалось создать подсобное хозяйство, где были запущены две очереди свиноводческого комплекса. Была у заводчан и своя пасека. В целом, как показали материалы исследования, за годы существования хозяйства заводчанам через заводские магазины при столовых было реализовано более 1 000 т мяса, десятки тонн субпродуктов, десятки сотни килограмм меда [9, с. 64].

И все это благодаря неустанной заботе руководства предприятия и, в первую очередь, его директора. Как отмечалось в наградном документе: «За достижение высоких показателей во Всесоюзном социалистическом соревновании и досрочное выполнение заданий девятой пятилетки», КЗТЗ был награжден орденом Трудового Красного Знамени [9, с. 65].

М. Д. Овчаренко покинул должность директора по собственному желанию в 1984 г. Но еще 10 лет продолжал работать на заводе, отдавая ему свои знания и опыт. Его труд по достоинству оценило правительство СССР. Он награжден двумя орденами Ленина, орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, медалями. По решению Курского городского Собрания в 1982 г. Михаилу Денисовичу присвоено звание «Почетный гражданин г. Курска». В числе 30 курян его фамилия увековечена на стеле «Почетный гражданин г. Курска в 1982 г.

В Государственном архиве Курской области хранится протокол заседания Совета директоров ОАО «Курскагромаш» от 29 августа 1995 г. В нем, в частности, отмечается следующее: «Учитывая большие заслуги Овчаренко в создании завода и градостроительной деятельности, принимая во внимание, что он являлся почетным гражданином г. Курска, Совет директоров ОАО «Курскагромаш» принял решение – организовать изготовление и установку памятника на могиле Овчаренко, приурочив его к годовщине смерти – 8 ноября 1995 г.». Он также рекомендовал коллективу ООО «Литейный завод» «рассмотреть вопрос о присвоении заводу имени М. Д. Овчаренко с изготовлением мемориальной доски, а также проработать с администрацией города возможность переименовать улицу Шоссейную в улицу Овчаренко» [16, л. 51–52]. Однако рекомендации Совета директоров так и остались на бумаге...

Уже давно нет завода, которому М. Д. Овчаренко посвятил более 30 лет своей жизни, но его бывшие рабочие и инженерно-технические работники и сегодня с ностальгией вспоминают о славной истории КЗТЗ, о той работе, которую проводил директор по усовершенствованию производства и формированию организационной культуры на предприятии, о заботе Михаила Даниловича о каждом члене коллектива, о

том вкладе, который он внес в социально-экономическую и культурную жизнь Курска.

Источники и литература

1. Лазарев Е. Задачи металлургов нашего завода // Машиностроитель. 1968. 16 июля.
2. О переводе в 1969 году части совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет. Постановление Совмина СССР от 19.12.1968 № 1001 [Электронный ресурс] // URL: lawru.info>dok/1968/12/19/n1189954.htm (дата обращения: 11.10.2017).
3. После Большого совета // Машиностроитель. 1975. 17 сент.
4. Овчаренко М.Д. Наш вклад: об участии коллектива Курского ордена Трудового Красного Знамени завода тракторных запасных частей им. 50-летия СССР в решении Продовольственной программы / М. Д. Овчаренко. Воронеж, 1983. 62 с.
5. Машиностроитель. 1958. № 4.
6. Государственный архив курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5182. Оп. 6. Д. 42.
7. ГАКО. Ф. Р-5182. Оп. 3. Д. 514а.
8. Победители соревнования // Машиностроитель. 1961. № 5.
9. Салтык Г.А., Салтык И.П., Холтобина Л.С. Курский завод тракторных запчастей: факты, события, люди / под общ. Ред. Г.А. Салтык. Курск, 2017. 304 с.
10. Пелих М. Растить достойную смену // Машиностроитель. 1979. № 4.
11. Власов Ю. Хозяева «Дубравы» – рабочие // Машиностроитель. 1982. № 2.
12. Производственная гимнастика // Машиностроитель. 1968. № 9.
13. Михайлов Г. Духовому оркестру – 40 лет // Машиностроитель. 1995. № 4.
14. Машиностроитель. 1976. 28 дек.
15. ГАКО. Ф. Р-5182. Оп. 6. Д. 32.
16. ГАКО. Ф. Р-5182. Оп. 7. Д. 36.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ

И. Ф. Миненко

Курский государственный университет

Деятельность Курской биофабрики в период ее эвакуации в Башкирскую АССР и Чкаловскую область: 1941–1945 гг.

Аннотация. В статье на материалах Государственного архива Курской области, Национального архива Республики Башкортостан и документов, хранящихся в музее Курской биофабрики, представлена история предприятия в период Великой Отечественной войны. Показан вклад ее сотрудников в организацию выпуска биопрепаратов во время эвакуации биофабрики в г. Уфу и г. Орск.

Ключевые слова: Курская биофабрика; Великая Отечественная война; эвакуация; Уфа; Орск; биопрепараты.

Великая Отечественная война является одной из героических страниц в истории Курской биофабрики. Ее сотрудники отважно сражались с немецко-фашистскими захватчиками на фронте, участвовали в строительстве оборонительных сооружений под Курском. Ни на один день не останавливалась работа на предприятии – в ее цехах продолжался выпуск необходимых для животноводства биопрепаратов. «В такой фронтовой обстановке, продолжая работу, мы были вынуждены готовить производство к возможной эвакуации», – отмечал в своих воспоминаниях главный ветврач предприятия Михаил Харитонович Демченко [8].

В это время Совет по эвакуации при СНК СССР, осуществлявший с первых дней войны оперативное руководство эвакуацией промышленных предприятий из местностей, находящихся под угрозой занятия немецкими войсками, издал 18 сентября 1941 г. распоряжение № 14029-сэ «Об эвакуации Курской биофабрики» в соответствии с которым, Наркомзему СССР было разрешено эвакуировать с Курской биофабрики:

«а) маллеинный, туберкулинный и диагностические цеха в гор. Уфу в адрес научно-исследовательской ветеринарной опытной станции;

б) противорожистый цех с лошадьми-продуцентами – в гор. Орск Чкаловской обл., в адрес Орской биофабрики Наркомзема СССР;

в) резерв биопрепаратов: в гор. Саратов – 1 вагон и в гор. Чкалов – 1 вагон».

В соответствии с пунктом 2 данного распоряжения, НКПС был обязан «немедленно выделить Наркомзему СССР за счет резерва Совета по эвакуации 59 вагонов для перевозки специалистов, ценного имущества, оборудования и лошадей – продуцентов Курской биофабрики, ст. Курск, Дзержинской ж.д., назначением до: ст. Уфа, ж.д. им. Куйбышева –

25 вагонов, ст. Орск, Оренбургской ж.д. – 32, ст. Саратов, Рязано-Уральской ж.д. – 1, ст. Чкалов, Оренбургской ж.д. – 1 вагон». [1, л. 75].

Во исполнение вышеупомянутого распоряжения начались подготовительные работы к отправке оборудования и лошадей в г. Орск. Начальником эшелона, в вагонах которого находилось 118 лошадей была назначена начальник подготовительного цеха Курской биофабрики Клавдия Дмитриевна Белова. В музее предприятия бережно хранится справка, выданная К. Д. Беловой, в которой отмечено, что «в период эвакуации предприятия в г. Уфу и Орск с 1 октября по 1 ноября 1941 г. Белова действительно была начальником эшелона по отправке к месту назначения имущества и людей фабрики» [10]. Позже ее коллеги вспоминали о том, что именно благодаря ее усилиям во время перевозки лошадей в Орск удалось избежать их падежа. Уже 30 октября ей удалось без потерь доставить «ценный груз» в Орск и разместить его в помещениях Государственного конного завода.

В Орск также эвакуировались: ветврач контрольной лаборатории В. П. Херувимов, ветврач М. И. Кмит, начальник баккухни А. Н. Толкушкина, ветеринарный фельдшер Я. С. Новельский, препаратор В. Н. Новельская, лаборант К. Н. Комьянов, препаратор П. Н. Комьянова, рабочий по уходу за животными А. С. Машкин, рабочая А. А. Полетаева, ветврачи Рубинский и Александров, лаборант Долгих и препаратор Захарченко [6, с. 456].

О том, с какими трудностями столкнулись сотрудники биофабрики на новом месте говорится в их воспоминаниях, хранящихся в музее Курской биофабрики. Прежде всего, необходимо было переоборудовать помещения конюшни для выпуска биопрепаратов. Строительные работы начались в октябре 1941 г. Тогда же рабочие и инженерно-технический персонал были переведены на 11-часовой рабочий день. Одновременно шла подготовка к производству биопрепаратов – сывороток против рожи свиней и паратифа поросят. К. Д. Белова писала о том, что возможности сотрудников были ограничены. Несмотря на то, что из разных эвакуируемых биофабрик в Орск было привезено немало оборудования – примусные автоклавы, шкафные термостаты, электрические центрифуги, многие из них нуждались в ремонте, не хватало посуды и реактивов [7].

Непросто было и с доставкой корма для лошадей, а их на биофабрике насчитывалось более семисот голов. Примечательно, что все поголовье животных обслуживалось исключительно женщинами. Не было ни одного трактора и ни одной грузовой машины. Все работы приходилось выполнять на лошадях. Сено же находилось на расстоянии 10–15 км от конюшни.

И все же в марте 1942 года биофабрика начала выпуск биопрепаратов, в которых нуждалось народное хозяйство страны. Как отмечала К. Д. Белова в своих воспоминаниях, в 1942 г. на биофабрике было произведено более 23 тысяч литров сыворотки против рожи свиней и

около 5 тысяч литров сыворотки против паратифа поросят. Через год эти показатели, соответственно, возросли до 32 и 13 тыс. л. В этом была большая заслуга цеха противорожистой сыворотки, основу которого составляли курские специалисты и рабочие. Среди них отметим В. П. Херувимова, М. И. Кмит, А. Н. Толкушкину, Я. С. Новельского, В. Н. Новельскую, семьи К. Н. Комьянова и А. С. Машкина [9].

Не просто обстояли дела и с размещением маллеинового, туберкулинового и диагностического цехов Курской биофабрики, эвакуированных в Башкирскую АССР. Группу сотрудников и рабочих биофабрики из 13 человек возглавил ее директор В.П. Чумаков.

Уже 29 сентября 1941 г. Советом Народных Комиссаров Башкирской АССР было принято постановление № 721 «Об организации биофабрики на базе Областной Ветстанции», в котором говорилось следующее: «В соответствии с решением Союзного Правительства об организации на базе Областной Ветеринарной Опытной Станции биофабрики, Совет Народных Комиссаров БАССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Передать помещение 2-й Городской Ветеринарной лечебницы Башнаркомзему под Областную Ветбаклабораторию как неиспользуемое в течение 2-х лет военным ведомством.

2. Обязать Наркома Земледелия Баш. АССР т. Ермолаева перевести в кратчайший срок Областную Ветбаклабораторию в помещение 2-й Горветлечебницы, а помещение Баш. Вет. Опытной станции, ранее занимавшееся Областной лабораторией, нижний этаж помещения Баш. ВОС, передать под организацию биофабрики.

3. Обязать Горисполком т. Рубанова оказать содействие в обеспечении необходимой жилплощадью высококвалифицированных работников биофабрики» [3, л. 198].

1 ноября 1941 г. директором Биофабрики № 1 Главбиопроба НКЗ СССР В. П. Чумаковым был издан приказ № 1, в котором отмечалось следующее:

- «1. 16 и 31 октября 1941 г. считать прибывшими в г. Уфу двумя группами личный состав эвакуированной Биофабрики № 1 в составе 13 человек специалистов, служащих и рабочих.

2. По прибытии оборудования, имущества и полуфабрикатов, приступить к развертыванию производства биофабрики № 1 на базе БАШНИВОС согласно постановления Совета эвакуации при СНК СССР.

3. Бухгалтерии при наличии средств выплатить эвакуированным и зачисленным в постоянный штат специалистам, служащим и рабочим Биофабрики кроме зарплаты суточные за время в пути и подъемные по КЗОТ. Временно зачисленным в штат кроме зарплаты выплатить суточные за время в пути» [5, л. 1].

Главным ветврачем биофабрики был назначен М. Х. Демченко. Вот как он писал об этом: «Шестого ноября 1941 года приказом Главбиопроба Наркомзема СССР я был назначен главветврачом Уфимской биофабрики.

Перед небольшим коллективом предприятия тогда стояли две важные задачи. Одна из них заключалась в том, что нужно было как можно быстрее наладить доработку эвакуированного сырья и полуфабрикатов в готовую продукцию, чтобы свести к минимуму перерыв в снабжении страны биопрепаратами. Решение второй задачи предусматривало в короткий срок переоборудовать и подготовить помещения Башкирской опытной станции для производства туберкулина, маллеина и компонентов» [6, с. 450–451].

М.Х. Демченко при содействии Наркомзема БАССР подбирал соответствующие помещения для приема эвакуированной продукции и оборудования Курской биофабрики и организации там производства биопрепаратов (Уфимской биофабрики № 1). Он также занимался вопросом обеспечения жильем эвакуированных сотрудников Курской биофабрики. «До нашего приезда в Уфу сюда было эвакуировано много предприятий, поэтому свободного жилья совершенно не было», – вспоминал позже М. Х. Демченко. И далее он продолжал: «Для размещения эвакуированных курян нам пришлось вместе с представителями городского и районного жилуправления ходить по домам и находить в них места за счет уплотнения и оформлять ордера на подселение...» [8].

В последующем, в дополнение к постановлению № 721 от 29 сентября 1941 г. Советом Народных Комиссаров Башкирской АССР 6 марта 1942 г. было принято постановление № 84 «О размещении в г. Уфе Биофабрики № 1», в соответствии которым (пункт 1) было удовлетворено ходатайство Наркомата Земледелия БАССР и в распоряжение биофабрики для ее производственных целей были переданы все помещения, занимаемые Башкирской Ветеринарной Опытной Станцией по ул. Тукаева, д. 34 и все жилые квартиры, находящиеся на этой же усадьбе, в дворовом корпусе, примыкающем к производственному корпусу биофабрики. [4, л. 163].

Но в сентябре 1941 г. в восстановлении фабрики на новом месте и развертывании производства ее сотрудники столкнулись с рядом трудностей – возникли проблемы с обработкой поступившего сырья – туберкулина и маллеина, с подготовкой помещений ветстанции для производства туберкулина, маллеина, компонентов. Большую часть поступившего сырья перед его доработкой пришлось подвергнуть дополнительной стерилизации в автоклавах Башкирского санбакинститута, располагавшегося на расстоянии примерно трех кварталов от Уфимской биофабрики. Как вспоминал позже М. Х. Демченко «транспортировать сырье туда и обратно вынуждены были в 20–25-литровых бутылках, стерилизацию производили своими силами в ночное время, так как днем автоклавы были заняты институтом».

Доработку сырья и полуфабриката в готовую продукцию коллектив начал в конце октября 1941 г. Кроме директора и главного ветврача всю

эту работу обеспечивал небольшой коллектив биофабрики: А. Н. Шеин – заведующий контрольной лабораторией, Н. Н. Игнатюк – помощник директора и начальник сбыта, Ф. Д. Марьенков – главный бухгалтер, начальники цехов – Е. М. Мазалова, С. А. Бойков и К. Е. Бойкова, а также заведующие отделами цехов М. И. Воробьева и В. А. Зведре, лаборант Е. Н. Иевлева, старший бухгалтер А. Ф. Никерина, ответственный исполнитель по сбыту П. М. Щербаков, начальник спецчасти секретарь и заведующая кадрами Н. А. Речицкая, и слесарь, С. А. Когут. Дополнительно в штат биофабрики № 1 были зачислены А. Беликова – ученик электромонтера и рабочие цехов Н. Щербакова и В. Федюшина [5, л. 1].

Для организации производства туберкулина, маллеина и компонентов требовались значительные трудовые силы, материальные ресурсы, оборудование, транспорт. Необходимо было в короткие сроки установить термостаты, автоклавы, варочные котлы, выпарители, паровые котлы и обеспечить производство электроэнергией, паром.

Однако, несмотря на трудности, благодаря круглосуточной работе без выходных дней Уфимская биофабрика № 1 уже в начале 1942 г. организовала производство биопрепаратов. За счет доработки доставленного из Курска сырья и полуфабрикатов, туберкулина, маллеина, компонентов для РСК и последующей организации их производства в Уфе и Орске удалось сократить до минимума перерыв в снабжении страны указанными биопрепаратами и обеспечить непрерывные их поставки тылу и фронту.

После освобождения Курска в феврале 1943 г. по распоряжению Главбиопрома временно исполняющим обязанности директора Курской биофабрики был назначен М. Х. Демченко, которому были поставлены задачи: собрать и сохранить оставшееся имущество биофабрики и по возможности начать восстановительные работы; наладить работу подсобного хозяйства, засеять сельскохозяйственные угодья и организовать их обработку.

В восстановлении Курской биофабрики, пострадавшей в годы оккупации, важный вклад внесли и сотрудники Уфимской биофабрики № 1. В Государственном архиве Курской области имеется документ, в котором отложилось обращение его коллектива к курянам, принятое на общем собрании предприятия 9 января 1944 г. В нем, в частности, говорится о том, что сотрудники фабрики «воодушевлены одним желанием – как можно быстрее восстановить Курскую биофабрику», так как она «является важным производством биологической промышленности». И далее в обращении подчеркивалось, что коллектив Уфимской биофабрики берет «шефство над Курской биофабрикой «и протягивает руку помощи, выделив для нее оборудование, материалы и инструменты», которые были необходимы ей в настоящее время, а именно: локомотив, шкафной автоклав, три вертикальных автоклава, три фильтра

Зейтца и др. Список наименования предметов, подлежащих передаче Курской биофабрике находится в Государственном архиве Курской области – (всего 107 наименований) [2, 28]. Все оборудование коллеги из Уфы обязались срочно отремонтировать и отправить в исправленном виде. И далее, они просили курян «сообщить в чем они еще нуждаются и чем они могут помочь». Примечательно, что под обращением стояли подписи директора биофабрики № 1 В. П. Чумакова, секретаря партийной организации Е. М. Мазаловой, председателя фабкома Н. А. Речицкой [2, л. 27].

20 апреля 1944 г. из эвакуации возвратились руководители и сотрудники Курской биофабрики: В. П. Чумаков, А. Н. Шеин, Ф. Д. Марьенков, М. А. Федюшина, Е. М. Мазалова и Н. А. Речицкая. Остальные же куряне, эвакуированные в Уфу, обеспечивали выпуск альттуберкулина на Уфимской биофабрике.

Подвиг рабочих и служащих Курской биофабрики в период эвакуации в Орск и Уфу был отмечен медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Среди награжденных – директор биофабрики В. П. Чумаков, главветврач М. Х Демченко, начальник цеха компонентов Е. М. Мазалова и др.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3322. Оп. 9. Д. 28.
2. ГАКО. Ф. Р-3636. Оп. 3. Д. 62-а.
3. Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НАРБ). Ф. Р-933. Оп. 9. Д. 375.
4. НАРБ. Ф. Р-933. Оп. 9. Д. 399.
5. НАРБ. Ф. Р-4530. Оп. 1. Д. 1.
6. Как это было. К 120-летию Российской агробиологической промышленности и Курской биофабрики: факты, события, воспоминания. Курск, 2016. 744 с.
7. Белова К.Д. Воспоминания // Музей Курской биофабрики.
8. Демченко М.Х. Воспоминания // Музей Курской биофабрики.
9. Шеин А.Н. Воспоминания // Музей Курской биофабрики.
10. Документы по Великой Отечественной войне // Музей Курской биофабрики.

Р. Р. Хисамутдинова

доктор исторических наук

Оренбургский государственный педагогический университет

**Проблема отопления в годы Великой Отечественной войны
(на материалах Южного Урала)**

Аннотация. В статье рассматриваются трудности и сложности решения местными советскими и партийными органами злободневной проблемы отопления городов Южного Урала в годы Великой Отечественной войны. Затронуты положительные и отрицательные стороны решения этой проблемы предприятиями, учреждениями культуры и образования, госпиталями, а также самими жителями, в первую очередь эвакуированными, которые старались добыть топливо для отопления жилья, но не всегда это удавалось.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Южный Урал; отопление жилья; решение проблемы.

Проблема отопления жилья, культурных и образовательных учреждений в тыловых регионах страны оставалась одной из наиболее злободневных, сложных и трудноразрешимых проблем в годы Великой Отечественной войны, на решение которой пристальное внимание обращали местные советские и партийные органы в течение всей войны. Особенно острой она стояла в тех тыловых регионах Советского Союза, где зимы были суровые, и отопительный сезон длился более полугода, и где заготовка дров была сопряжена с большими трудностями, особенно в степных и лесостепных районах, к числу которых относится Южный Урал, особенно Чкаловская (Оренбургская) область и южные районы Челябинской области, где отсутствовали леса. В осенне-зимний период в течение всей войны из Чкаловской области отправляли подводы для заготовки леса в Свердловскую область и Башкирию на несколько месяцев. Участие в лесозаготовках становится обязательным для крестьян в конце 1920-х гг. и оформляется в виде регламентирующей трудгужповинности в 1941 г. [1].

Основным видом отопления было печное, а топливом служили дрова, уголь, торф, а в степных районах кизяк, степной ковыль, даже солома. Из-за нехватки транспорта часто заготовленное топливо не на чем было вывозить. Центральное отопление было развито слабо в городах Южного Урала. В военное время топливо было в большом дефиците. На основании распоряжения СНК СССР от 28 августа 1941 г. областные исполнительные комитеты устанавливали нормы расхода топлива и предельные температуры нагрева отапливаемых помещений (не разрешалось иметь в жилых домах температуру выше 16–18 градусов), также регулировали режим его потребления. Местные власти, используя

радио и периодическую печать, вели большую разъяснительную работу об экономии топлива в быту.

Топливо в города поступало с перебоями. Вопросы теплоснабжения не сходили с повестки дня. Курганский ГИК в 1940–1944 гг. 19 раз рассматривал эту проблему. Создавались чрезвычайные комиссии по завозу топлива [2, л. 11]. Принимая постановления об улучшении бытовых условий трудящихся Златоуста после решения Оргбюро ЦК ВКП(б) «О фактах неправильного и позорного отношения бюро Златоустовского ГК ВКП(б) и его первого секретаря т. Устинова к нуждам трудящихся города» от 13 декабря 1941 г. Челябинский областной комитет и облисполком, в частности, разрешили ГИК Златоуста израсходовать 170 тыс. руб. на приобретение транспорта для гортопа [3, л. 2]. Осенью 1942 г. по решению властей Кургана была построена железнодорожная ветка от города к торфоразработкам. Первый эшелон с торфом прибыл в город 10 декабря [4, с. 335].

Промышленные предприятия, культурно-бытовые и образовательные учреждения должны были сами заготавливать топливо. Им устанавливались планы на сезон. Для этого составлялись графики, по которым высвобождали работников с основного производства. Эти же заготовительные бригады запасали топливо и для тех, кто не мог этим заниматься по возрасту или состоянию здоровья [5, л. 19]. Добытое топливо предприятия и учреждения отпускали своим работникам по оплаченным ордерам. К сожалению, предприятия и учреждения не выполняли планы самозаготовок и вывоза топлива, поэтому население вынуждено было покупать топливо на рынке, которое иногда в несколько раз превосходили цены, по которым они приобретали на своем предприятии. Цены на него имели сезонные и территориальные колебания, но в любом случае были выше, чем по ордерам. Так, в Башкирии 2 куб. м дров, выкупленных на Белорецком заводе, обошлись работнику в 40 руб., в то время как летом 1943 г. цена 1 куб. м дров на Саткинском рынке составляла от 200 до 300 руб. [6, с. 164].

В жилищах, имевших электрооборудование, люди пытались спастись от холода с помощью нагревательных приборов. Но это расценивалось как расхищение социалистической собственности и наказывалось. Учитывая напряженный энергетический баланс, власти ограничивали подачу электроэнергии в жилые дома, регламентировали нормы электроосвещения. Бюро Челябинского областного комитета 30 июня 1941 г. обязало парткомы и исполкомы провести разъяснительную работу среди населения об экономии электроэнергии путем уменьшения мощности ламп и их количества по квартирам [7, с. 73]. Уфимский ГИК в сентябре 1941 г. разрешил иметь в комнатах электролампы мощностью до 60 ватт, в местах общего пользования – 15 ватт [8]. Курганский ГИК в ноябре 1943 г. запретил использование в квартирах ламп мощнее 40 ватт, а также плиток, утюгов, чайников, кипятильников [9]. За нарушения

предусматривался штраф от 100 до 500 руб., изъятие ламп и нагревательных приборов, отключение от сети и, наконец, привлечение к уголовной ответственности за хищение социалистической собственности.

Как свидетельствует выступление председателя Чкаловского горсовета В. П. Ефремова на IX городской партийной конференции (7–8 августа 1943 г.), исключительным важным вопросом оставался даже в середине войны вопрос обеспечения топливом. Он говорил о том, что сейчас, в ближайшие дни, мы можем обеспечить 70 % потребности топливом школ, больниц, детских учреждений за счет прибывающего сплава, можем покрыть 60 % потребности в топливе госпиталей и культурных учреждений. Иначе обстоит вопрос обеспечения топливом населения. Топливо для населения должны заготавливать сами организации [10, л. 88].

На этой же городской партконференции выступил с отчетным докладом первый секретарь Чкаловского горкома ВКП(б) Г. А. Денисов. Он говорил о том, что на отопительный сезон 1943–1944 гг. потребуется дров – 72 000 куб. м и угля 55 000 т. Имеется заготовленных дров 63 000 куб. м. Идет сплавом из Мракова в Чкалов 30 000 куб. м, которые скоро будут в Чкалове. Первый секретарь отметил, что кроме того предприятия и учреждения города в порядке самозаготовок должны в августе заготовить в Сакмарском и Гавриловском лесничествах 75 000 куб. м (без предприятий областного подчинения). В Мракове должно быть заготовлено 80 000 куб. м для сплава в 1944 г. Сейчас заготовлено 21 000 куб. м, участвует 509 человек.

Он в своем выступлении указал, что плохо обстоит дело с подвозом дров к железной дороге. Автомобильный и гужевой транспорт Гортопа доведен до развала. Сейчас на подвозке дров к железной дороге участвует 15 автомашин и 72 лошади. В ближайшие дни дополнительно будет выделено на вывозку дров 10 автомашин и 30 подвод [11, л. 19–20].

В сентябре 1944 г. в своем отчете «О подготовке эвакуогоспиталей к зиме по г. Чкалову» заведующий военным отделом городского комитета ВКП(б) Неклюдов сообщал, что в эвакуогоспитале № 4408 еще не начиналась работа по завозу топлива, из 500 м³ дров и 320 т угля ничего не завозили. Эвакуогоспиталь № 3327 отопительную систему отремонтировали на 75 %. Потребность в дровах составляла 618 м³, заготовили – 724, вывезено – 0. Эвакуогоспиталь № 1655 по своему техническому состоянию требовал профилактического ремонта, заготовили дров 525 м³ и 320 т угля, вывезли – 0. В эвакуогоспитале № 1658 ремонт печей был выполнен на 75 %. Во дворе госпиталя из заготовленного топлива – 912 м³ дров и 250 т угля завезли 80 т угля [12, л. 2].

Большие проблемы в топливе испытывали и образовательные учреждения и институты. Это можно проследить на примере деятельности Чкаловского государственного педагогического института. В 1942/43 учебном году для обеспечения института необходимым топливом, по

договоренности с гортопом, для заготовки дров послали в Колтубановский лесхоз 70 человек студентов, преподавателей, сотрудников. В помощь им институт дал одну, единственную лошадь, которую он имел [13, с. 31].

Несмотря на предпринятые меры, проблемы с отоплением оставались. Так, 26 декабря 1942 г. зав. библиотекой Р. М. Давыдова в своей докладной на имя директора Макарова о состоянии библиотеки сообщает, что помещение библиотеки холодное, из имеющихся трех печей до последних дней ни одна не топится. В библиотеке 6 градусов тепла, замерзают чернила. В последние два дня начали топить всего одну печь. Работать совершенно невозможно: сотрудники болеют, уходят обогреваться в другие сектора [13, с. 30].

В 1943/44 учебном году общие условия работы института были несколько улучшены по сравнению с предыдущим учебным годом. Почти до самого конца холодного периода здание отапливалось нормально, не было перебоев и в электроосвещении [13, с. 33]. Институт до самого конца 1944/45 учебного года не имел транспорта, кроме одной лошади. Несмотря на это, силами студентов и сотрудников института было заготовлено необходимое количество дров 450 куб. м, но только половину сумели подвезти к институту. Лишь к концу 1945 г. институт получил грузовую машину, которая все равно не обеспечивала все его потребности и нужду [13, с. 35].

Большие проблемы были связаны с поиском жилья и для студентов Чкаловского государственного педагогического института, так как оба общежития были отданы под военные госпитали уже в 1941 году, и 2/3 от общего числа принятых в институт в 1942/43 учебном году нуждались в общежитии. Попытки найти угла и комнаты на частных квартирах встречали непреодолимое препятствие, так как хозяева в качестве неперемennого условия требовали топлива, чего институт не мог дать [13, с. 31].

В поисках более-менее подходящего жилья находилось и эвакуированное население г. Чкалова. Численность городского населения возросла на 75 тыс. человек в связи с эвакуацией в область 250 тыс. человек. 4 сентября 1941 г. прибыли в г. Чкалов артисты эвакуированного Ленинградского Академического Малого оперного театра. Арфист этого театра 65-летний Иван Александрович Поломаренко вел в течение всего пребывания в г. Чкалове дневник, где он описывает мытарства по поиску жилья вместе с женой. Запись от 7 сентября 1941 г. свидетельствует об этом: «Весь день искали комнату, одна попалась подходящая, но с клопами и без освещения, цена – 100 руб. в месяц и два метра дров (имеется в виду кубометров – *Р. Х.*), пока ничего не решили. Надежды на ордер плохие» [13, с. 231].

Все последующие дни они вместе с женой были заняты этой проблемой. 9 сентября пишет: «Опять безрезультатные поиски комнаты, волнения и бесконечные на эту тему разговоры. Настроение работников

подавленное» [13, с. 23]. Наконец 19 сентября его семья получила долгожданное жилье, до этого жили в здании театра музыкальной комедии. Дает подробное описание комнаты, которую им пятерым выдали: комната оказалась метров 15, голые стены с печью для топки. Общий коридор, кухни (плиты) нет, вода в коридоре, но без стока; подставляется ведро, наполняется и уносится на улицу, где и надо выливать его на мостовой. Уборной нет; нужно выходить на улицу [13, с. 60].

Жилье они получили, но проблема отопления жилья оставалась. Об этом свидетельствуют его дневниковые записи. Так, 11 декабря 1941 г. пишет: Нельзя сказать, что мы голодаем, но многие не доедают, продают на рынке крохи своего скудного скарба и буквально замерзают на квартирах. Виолончелист Собинов еще ни разу не топил дома печку. Приходя из театра домой, он не снимает зимнего пальто, даже «галстук», как он говорит, и в таком одеянии ложится спать... Ругает наш местком и наших продовольственников. Театром еще в теплое время было приобретено 700 куб. метров дров, но их не вывезли из лесу вовремя, и ими воспользовалась какая-то другая организация. В городе очень плохо с транспортом, – отсюда все наши материальные невзгоды» [13, с. 50].

27 января 1942 г.: Бытовые условия наших артистов, в связи с морозами (на дворе почти каждый день 30–40 градусов мороза), довольно тяжелые. Виолинчелист Гейлперин говорил мне, что температура его комнаты на нуле, а у него маленький ребенок; библиотекарьша Воеводина жаловалась на холод у себя дома – 2–3 градуса тепла, у флейтиста Отьева замерзает в комнате вода в стакане. В этом духе жалуются и другие артисты. У многих замерзли водопроводы; певец Бутягин с дальней улицы приходит к нам за водой [13, с. 66].

18 февраля 1942 г. Иван Поломаренко пишет, что жизнь с каждым днем становится все труднее и труднее: керосина нет (гражданскому населению выдача его совершенно прекращена), мыла нет, следовательно, нет и стирки; нет табаку, сахару и чаю, масло дошло до 300 р. за кило; бани почти недоступны; в квартирах холод, все стали хворать [13, с. 75].

Как свидетельствуют дневниковые записи от 10 марта 1942 г., недостаток керосина заставил некоторых артистов поставить в своих комнатах «буржуйки», то есть маленькие переносные печи, и более дальновидные ...завели их у себя еще осенью, «но нужда в горячем обеде и тепле не изжита нами и теперь, весной, поэтому к услугам «буржоек» прибегли и другие... Мои хозяйки (имеет в виду свою супругу и дочку – Х. Р.) также пожелали освободиться от власти керосина, и, походив по здешней толкучке, нашли отличную чугунок, трубы к ней, а наш театральный зав. бутафорским цехом К. Н. Поляков, по профессии печник, приспособил ее к месту. Теперь у нас рай: горячая пища, теплый воздух в комнате, что доставило нам маленькую радость [13, с. 82–83].

1 декабря 1942 г. пишет: « с дровами плохо. Кое-кому дали по полметра (полкубометра – *Х. Р.*), то таких сырых, что они не горят, вследствие чего раздаются жалобы. У меня дров нет. Жена купила местное топливо – кизяк, да мешок угля; случайно добывает щепки, – вот и все наши топливные ресурсы. Когда на улице большие морозы, то в комнате доходит до 7 градусов по Реомюру, а когда погода более или менее мягкая, как сегодня, то 10 градусов, с нагревом чугунок градусник показывает 11–12 градусов. Это еще терпимо. Гершкович обещал дрова, ждем» [13, с. 186].

4 декабря 1942 г. его запись свидетельствует о том, что областная газета «Чкаловская коммуна» о нуждах населения забила тревогу и пишет не только о столовых, но и о дровах, о хлебе, который очень трудно получить в лавках, осаждаемых громадными очередями [13, с. 188]. Все эти трудности были вызваны большим наплывом эвакуированного населения.

Запись от 15 января 1943 г. показывает, что с наступлением больших холодов (сегодня на дворе 42 градуса мороза) у всех на квартирах холодно, поэтому артисты предпочитают целые дни «околачиваться» в театре; некоторые даже ночуют в нем» [13, с. 202].

В условиях войны жизненные неудобства продолжали волновать артистов театра. 13 февраля 1943г. артист записал: У нас продолжают интересоваться главным образом не музыкальным искусством, а топливом, продовольствием, выдачей водки (обменивали на продукты – *Р.Х.*) [13, с. 211].

Из-за минусовой температуры в своих помещениях многие артисты зимой в сильные морозы оставались в театре, чтобы переночевать. Об этом он пишет 19 февраля: Скрипачка Рубин пользуется нашей инструментальной не только для игры на скрипке, – она превратила ее в какое-то жилое для себя помещение. На вопрос, почему она не занимается всем этим у себя дома, она отвечает, что температура в комнате, где она проживает, ниже нуля; ввиду этого она часто даже ночует в театре [13, с. 215].

Из-за нехватки питания, холода в своих комнатах, плохой одежды и обуви многие артисты болели. Иван Поломаренко пишет о том, что, как и в прошлую зиму, заболел его сосед по оркестру, валторн Александров. Он навестил его и предложил свои услуги, если что ему надо в театре. Александров попросил его повидать Ахматову (секретарь партбюро) и передать ей о своей крайней нужде в дровах и каких-нибудь продуктах питания. Когда Иван Александрович пошел с просьбой к секретарю партбюро, он ее застал в кабинете помощника директора Радчика, который выслушав артиста, дал им на двоих ордер на дрова (полметра). Он пишет: Будем теперь искать транспорт; нужно перевезти дрова из гортопа (запись от 23 февраля) [13, с. 216–217]. В силу его доверчивости этим ордером воспользовался другой артист, певец Чернышев.

Ленинградские артисты не были готовы к бытовым трудностям, но им приходилось приспособливаться. Об этом свидетельствует его запись от 27 февраля: дрова дали на театральном дворе – громадный, толстый обрубок дерева, который пришлось перепилить на две части, иначе мы не смогли бы перевезти его на небольших санках; везли жена и внуки, очень измучились. С.Н. Шапошников помог нам втащить «дрова» в коридор. Эти дрова мне устроил Гершкович помимо моей просьбы. Вероятно, он меня пожалел ввиду того, что я не смог реализовать ордер от Радчика, попавший в руки певца Чернышева и, очевидно, использованный последним для себя [13, с. 218].

В 1944 г. в его дневниковых записях уже меньше описываются эти жизненные проблемы, наверно, это свидетельствует о том, что они приспособились к этим трудностям, может уже лучше стало и снабжение продовольствием, топливом, а потом вся их жизнь была направлена на ожидание возвращения домой, в Ленинград.

Таким образом, можно сделать вывод о том, насколько острой и трудноразрешимой проблемой в холодных регионах страны, к которым относился Южный Урал, стала проблема обеспечения учреждений образования, культуры, госпиталей, городских жителей, особенно эвакуированных топливом. На повестке дня местных и партийных органов наряду с их главными проблемами по обеспечению фронта вооружением и продовольствием стояли проблемы жизнеобеспечения населения страны.

Источники и литература

1. Хисамутдинова Р.Р. Государственные трудовые повинности советского крестьянства в 40 – начале 50-х годов XX века (на материалах Урала) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2013. № 2 (6). С. 131–144.
2. Государственный архив социально-политической истории Курганской области. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10.
3. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 6. Д. 29.
4. Курганская партийная организация в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. Челябинск, 1975. 339 с.
5. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 7. Д. 38.
6. Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. 184 с.
7. Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941–1945: Сб. документов и материалов. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск, 1981. 350 с.
8. Красная Башкирия. 1941. 6 октября.
9. Красный Курган. 1943. 12 ноября.
10. Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее – ОГАОО). Ф. 267. Оп. 15. Д. 3.
11. ОГАОО. Ф. 267. Оп. 15. Д. 3.
12. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 170.

А. И. Волкова

Курский государственный университет

**Преступления немецко-фашистских захватчиков
в период Великой Отечественной войны
на территории восточных районов Курской области
(на примере Мантуровского района)**

Аннотация. В последние годы наблюдается интерес со стороны различных слоев российского общества к проблеме оценки оккупационной политики Третьего Рейха и его союзников на оккупированных территориях СССР. Особое место занимает проблема преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками. С одной стороны, подобное внимание со стороны общества – это результат целенаправленной государственной политики, направленной на отстаивание интересов России в сохранении исторической правды и противодействия фальсификации истории Великой Отечественной войны. С другой – само общество испытывает потребность в подлинной информации и стремится противостоять переписыванию летописи военных лет в угоду политическим амбициям в условиях информационного противостояния.

В данной статье на основе анализа источников рассматриваются преступления, совершенные немецко-фашистскими захватчиками на восточной территории Курской области (на примере Мантуровского района), как одной из наиболее пострадавших в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Курская область; Мантуровский район; оккупация; преступления немецко-фашистских захватчиков; без срока давности.

На современном этапе значительно активизировался процесс фальсификации истории Второй мировой войны, при этом попытки фальсификации становятся все более агрессивными и провокационными. Процесс интерпретации событий и итогов Великой Отечественной войны в соответствии с политической конъюнктурой являются важнейшим направлением в информационной войне Запада против России, это делает актуальной задачей необходимость противодействия фальсификациям и защиты истории Великой Отечественной войны. Одним из путей решения данной задачи может выступить всестороннее изучение различных аспектов истории Второй

мировой войны в целом и Великой Отечественной войны, как ее основополагающей части.

4 декабря 2023 г. в своем телеграмм-канале губернатор Курской области Роман Владимирович Старовойт сделал сообщение, что в Курском областном суде начался процесс по признанию на территории региона факта геноцида мирного населения народов Советского Союза со стороны немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны [5]. Курская область – одна из самых пострадавших в годы войны, продолжительное время находившаяся под оккупационным режимом. И именно на территории Курской области развернулась грандиозная битва, завершившая коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

Постановлением СНК СССР от 17 июня 1943 г. № 667 была утверждена инструкция «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников». Были определены порядок сбора информации, ее систематизация и структурирование, а также условный формуляр акта о злодеянии. Однако необходимо отметить, что в области этой работой занимались и до принятия данного постановления [12, с. 12].

Обратимся к восточной части Курской области, а именно Мантуровскому району, как центральному среди восточной части области, дважды находившегося под оккупационным режимом. Территория современного Мантуровского района увеличилась за счет того, что в состав района в послевоенный период вошел ряд населенных пунктов сопредельного Ястребовского района, существовавшего в годы войны, в том числе и село Ястребовка. В настоящем исследовании территориально рассмотрим район в его современных границах.

Первыми подверглись нападению и были оккупированы западные районы области. Так, в конце сентября 1941 г. первые населенные пункты на территории Курской области были захвачены гитлеровцами в Глушковском районе. 29 августа 1941 г. немецкая авиация подвергла первой бомбежке Курский железнодорожный узел. С этого дня немецкие самолеты почти ежедневно появлялись над городом. С каждым днем фронт приближался к городу. К концу сентября после упорных боев немецкие войска вышли на ближние подступы к Курску. 1 ноября бои начались непосредственно в Курске. После упорных боев 3 ноября 1941 г. Курск был оставлен. К 6 декабря 1941 г. линия фронта проходила по территориям восточных и юго-восточных районов Курской области – Советского, Тимского, Мантуровского и Белгородского. Если западные и центральные районы области были оккупированы «сразу и надолго», то восточные, по мере передвижения линии фронта, попадали под оккупационный режим несколько раз. Примером в данном случае может выступить Мантуровский район, территория которого в годы Великой Отечественной войны дважды находилась в оккупации. Первый раз район попал под оккупацию на несколько дней – с 29 ноября (частично), с 1 по

4 декабря 1941 г. (полностью). В июне 1942 г. началось новое наступление Вермахта, и к 12 июля 1942 г. фашистским войскам удалось захватить территорию еще 19 восточных и юго-восточных районов Курской области, среди которых был и Мантуровский. Таким образом, вся территория области оказалась оккупированной. Оккупация области в разных районах длилась от 7 до 23 месяцев. Ее осуществляли как германские, так и венгерские войска. Территория непосредственно Мантуровского района находилась под властью немецких и венгерских войск с 1 июля 1942 г. по 13 февраля 1943 г. [6, с. 60–66] Первый период оккупации длился сравнительно недолго, к концу декабря нашим войскам удалось перехватить инициативу и частично выбить фашистские войска с территории восточных и юго-восточных районов области. Однако, к лету 1942 г. фронт снова отступает на восток и указанные территории попадают под оккупационный режим уже во второй раз.

Во всех районах, попавших под оккупацию, сразу же начались грабежи и разорение населения, сопровождавшиеся зверскими насилиями и массовыми убийствами [3].

Немецко-фашистские завоеватели применяли различные методы истребления советских людей и самое ужасное – детей. Бесчеловечным примером преступления против детства служит массовое убийство детей в с. Роговом Мантуровского района Курской области. Читаем акт от 8 июля 1943 г.: «Действия немецко-фашистских оккупантов, находившихся в с. Роговом Мантуровского р[айо]на с 4 июля 1942 по 5 февраля 1943 г. [Совершили] следующий зверский поступок над советскими гражданами, а именно:

26 декабря 1942 г. немецкие оккупанты заметили, что дети колхозников укрываются от перестрелки оружейных выстрелов в погребе, принадлежащем Семыкину Василию Яковлевичу. В укрытии погреба находилась одна женщина и 11 детей колхозников в возрасте от 5 до 12 лет. Группа немцев в это время поджигали жилые дома колхозников и в том числе погреба, где скрывались мирные жители. Через три дня матери стали отрывать своих погибших детей. Женщина колхоза этого села Семыкина Мария Гавриловна 45 лет и 11 человек детей, находившиеся в погребе, сгорели до неузнаваемости.

Дети оказались по фамилии Семыкин Иван Т. 11 лет, Семыкина Мария Т. 9 лет, Семыкин Леонид Т. 7 лет, т.е. мать со своими детьми, а также дети Токоревой Дарьи Анд. и Семыкиной М.А.

Все пострадавшие похоронены в этом погребе, т. е. в братской могиле» [2, с. 309].

С особой жестокостью оккупанты расплаивались с представителями советской власти, партийными работниками, партизанами и людьми, заподозренными в помощи партизанам.

Из «Акта Мантуровской районной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков о зверствах оккупантов в

с. Куськино Мантуровского района Курской области» от 7 июля 1943 г. получаем следующий пример преступления в отношении представителя власти: «23 января 1943 г. немецкие оккупанты взяли ночью из квартиры секретаря Куськинского сельского совета Дорохова Семена Андреевича и повели неизвестно куда. Во время оккупации немецких фашистов его жене Дороховой У. Н. не предоставлялось возможности найти труп расстрелянного мужа. После освобождения Красной армией с. Куськино жители Тима передали жене, что граждане Куськинского с/совета расстреляны немцами на бугре г. Тима. Узнав об этом, жена Дорохова поехала на место расстрела. Разутые, раздетые трупы лежали целый месяц под снегом с 23 января 1943 по 19 февраля 1943 г. При откапывании ямы было обнаружено 8 расстрелянных трупов, в том числе и гражданин Дорохов С. А. После этого жена Дорохова привезла мужа домой в с. Куськино. При наружном осмотре было установлено: одна пулевая рана входная в затылок, а выходная в лоб, а также были видны прикладные побои на правом боку. После некоторых домашних обрядов тело гражданина Дорохова С. А. вместе с 7 расстрелянными гражданами было похоронено в братской могиле в присутствии родных и знакомых» [2, с. 177–178].

13 декабря 1941 г. оккупанты повесили народного судью Сысоева Петра Михайловича, запретив населению снимать его с виселицы, чтобы качаемый ветром труп навел ужас и страх [2, с. 163].

Непосредственно в районном центре – селе Мантурово – во время второй оккупации для «наведения порядка» фашисты избили до потери сознания председателя Мантуровского сельского совета Е. К. Вискова. Висков Егор Куприянович после долгих мучительных пыток и издевательств был повешен в центре села Мантурово на рыночной площади. Труп оккупанты приказали не снимать в назидание жителям – «чтобы все проходящие могли убедиться и передать, кто дома, что фашисты не шутят и не убеждают, а вешают»¹ [4; 2, с. 163]. Имя Е. К. Вискова в настоящее время носит одна из центральных улиц с. Мантурово.

Преступления против мирного населения носили массовый характер и представлены наибольшим количеством фактов. Из «Докладной записки исполкома Мантуровского райсовета в Курский облисполком о расправах и зверствах немецких захватчиков на территории района» от 8 мая 1943 г., что истребление людей в районе началось с момента вступления немецко-фашистских захватчиков на территорию района в период первой оккупации. Приведем некоторые примеры бесчеловечности в отношении мирного населения. Причем с особой злобой оккупанты действовали после неудач в боях с Красной Армией. В деревне Рябиново фашисты

¹ Автор благодарит главного хранителя фондов МКУК «Межпоселенческая библиотека» Мантуровского района Курской области Тененеву Нелли Андреевну за помощь в поиске и предоставлении материалов.

расстреляли из автоматов всех попавшихся на глаза мужчин [2, с. 163]. В селе Роговое оккупанты сжигали не только хаты и надворные постройки, но и мирных жителей. В Свинце начали бросать гранаты в хаты и погреба, где прятались от боя женщины и дети [2, с. 163].

В селе Мантурово 19 августа 1942 г. фашистскими захватчиками была расстреляна Прасковья Ивановна Толокова. 70-летняя женщина, активистка сельского совета, коммунистка обвинялась оккупантами в непокорности и в том, что «более 20 лет назад она была активной» [2, с. 163]. Воля Прасковьи Ивановны осталась непреклонной и в старости – она плюнула в лицо фашисту, требовала, чтобы ее скорее казнили, и провозгласила, что она «умирает за Родину, за великого Сталина!» [4; 2, с. 163]. Непокоренная Прасковья Ивановна Толокова похоронена в центре села Мантурово на мемориальном комплексе рядом с Братской могилой воинов Советской Армии, погибших в период Великой Отечественной войны. Могила Толоковой П. И. признана объектом культурного наследия регионального значения и поставлена на государственную охрану Постановлением Губернатора Курской области № 841 от 12.11.2001 г.

В с. Прилепы подвергли пыткам, а затем расстреляли 75-летнего старика И. Е. Кочетова за то, что у него не оказалось продуктов, которые были нужны фашистам. Они зашли к больному Ивану Егоровичу, потребовали молока и хлеба. Далее по документу: «а у Кочетова даже коровы не было, ее фашисты давно съели. Они его начали избивать, затем старику дали нести награбленных кур, но ввиду его слабости и болезни он не мог нести кур, фашистское зверье заставило открыть рот и наставили в открытый рот пистолет, а затем избивали его прикладами и, садясь на лошадь, становились на него для удобства садиться верхом» [2, с. 163].

В колхозе «Советский городок» были убиты 72-летний старик Криволапов Андрей Дмитриевич и 63-летний колхозник Скрыбин Иван Григорьевич за то, что они пытались тушить свои хаты, подожженные фашистами [2, с. 163]. В колхозе им. Крупской застрелили из пистолета в рот 32-летнюю колхозницу Сорочаеву Пелагею Даниловну за то, что она медленно вылезла из погреба [2, с. 163]. Там же зверски убили 28-летнюю колхозницу Померанцеву Ульяну Петровну и ее 2-летнего сына за то, что они во время боя укрывались в погребе [2, с. 163].

Большое количество людей подверглось всевозможным пыткам и издевательствам. Так, в Кривецком сельсовете в холодный амбар одновременно были загнаны 60 человек и находились там сутки за то, что несвоевременно вышли по вызову старосты [2, с. 164].

Следует заметить, что в массовых преступлениях против мирного населения в районах Курской области виновны не только немецко-фашистские оккупанты, но и их пособники: полицаи, старосты, которых они всячески поощряли. Приведем следующий факт: староста с. Свинец Поликарп Арсентьевич Кретов получил в награду оружие и деньги за издевательства и расправы с людьми [2, с. 163–164]. Из докладной записки

исполкома Мантуровского райсовета в Курский облисполком: «Наумова Марина Семеновна до тех пор убивалась о своей дочери Екатерине Тихоновне, что стала заговариваться и вообще [стала] душевнобольной. Дочь её не возвратилась с Атамановских лесов, когда попала в окружение. В декабре 1942 г. Наумову заподозрили в том, что якобы она порубила топором корову у заместителя старосты Муханова Леонтия Парменовича. Сообщив об этом Кретову, он явился к Муханову, привели туда раздетую Наумову и начали беспощадно бить, а затем повели корову к сельскому центру и Наумову привязали за шею и повели за коровой, Кретов приказал, чтобы быстрее вели её и дергали за веревку, чтобы она не могла ровно идти. Там на ней рвали волосы, били, а затем раздетую отправили в Мантурово, где 3 дня издевались, а затем доставили в Свинец и на кладбище расстреляли ее. В Мантурове сказали, что ее надо вешать, но раз она больная, можно сделать «снисхождение» – расстрелять» [2, с. 163–164]. Следующий пример: «У колхозника Тонких Якова Лукьяновича Кретов с комендантом с. Свинец Францем поели всех кур и индеек, а в последствии и его застрелили. Нашлись такие, которые вздумали жаловаться районному коменданту, Кретов и Франц быстро нашли выход из положения. Привезли мадьяр в с. Свинец, собрали колхозников колхоза им. Калинина и сказали, чтобы все колхозники говорили, что Тонких был партизан, и те вынуждены подтвердить, что Тонких был партизан. Даже жена и родная дочь Тонких с болью на сердце сказали, что он был партизан. Одного из военнопленных Кретов водил и привязывал на цепь, пока совершенно замучил» [2, с. 163–164].

В заключении отметим: время оккупации фашистами и их прислужниками по Мантуровскому району истреблено 139 человек, из них женщин и детей – 89. К отправке в фашистскую Германию из Мантуровского района было назначено 1 500 человек, отравлено 297 [2, с. 164].

Сегодня, когда все дальше уходят в прошлое события Великой Отечественной войны и все меньше становится их свидетелей и участников, многим становится трудно понять и разобраться с каким страшным врагом сражался советский народ, и какой ценой нашему Отечеству досталась Победа. Это касается и событий, происходивших на оккупированных территориях, где был установлен режим жестокого террора и насилия. Обращение к архивным документам позволяет увидеть практически все аспекты немецкой оккупационной политики, включая масштабы злодеяний захватчиков. И, таким образом, противостоять многочисленным попыткам переписать историю.

Источники и литература

1. Аргунов О.Н. Сбор информации о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников в освобожденных районах Курской области в феврале – мае 1943 г. // Войны в истории. 1943-й: год коренного перелома во Второй мировой войне. Новые

архивные документы, новые подходы, новые интерпретации: сборник материалов Тринадцатой международной конференции молодых ученых и специалистов «Слио-2023». Российский государственный архив социально-политической истории. М., 2023. С. 12–15.

2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Курская область: Сборник документов / отв. ред. В. В. Раков; отв. сост. О. Н. Аргунов. М., 2020. 488 с.

3. Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Вып. 1. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 308 с. // Образовательная платформа Юрайт [Электронный ресурс] // URL: <https://urait.ru/bcode/519558> (дата обращения: 27.01.2024).

4. Материалы МКУК «Межпоселенческая библиотека» Мантуровского района Курской области.

5. Роман Старовойт. Официальный телеграмм-канал [Электронный ресурс] // URL: https://web.telegram.org/k/#@gubernator_46 (дата обращения: 05.12.2023).

6. Суровая правда войны. 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Ч. III. Сборник документов. Курск, 2007. 880 с.

С. В. Федулов

доктор исторических наук

Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского

К. Б. Муксинов

кандидат военных наук

Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского

В. В. Соколов

Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского

Роль водной Дороги жизни Финского залива в прорыве блокады Ленинграда

Аннотация. Еще при закладке Кронштадта на о. Котлин Петром I ему отводилась роль защитника города на Неве и главной базы отечественного флота. Поэтому основным видом обеспечения Кронштадта до недавнего времени являлся водный путь. Особенность островного расположения Кронштадта определяла не только характер водных сообщений, но и важность накопления всевозможных запасов и ресурсов необходимых для его длительного и автономного функционирования. Но самое главное – была отлажена система водных коммуникаций как в период открытой воды, так и в период ледостава при помощи ледоколов. Данные факторы позволили не только выстоять защитникам Кронштадта, но и оказывать помощь воинам, сражающимся на Ораниенбаумском плацдарме с которого началось полное освобождение Ленинграда от блокады.

Ключевые слова: Финский залив; блокада; Кронштадт; Ленинград; Краснознаменный Балтийский флот; водная Дорога жизни.

С началом блокады был осуществлен перевод водных коммуникаций с мирного периода на военное время. Так, 17 ноября 1941 г. Военный Совет (ВС) Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) принял Постановление по вопросу регулирования перевозок по Финскому заливу. В соответствии с которым предписывалось:

1. Перевозки по Финскому заливу максимально сократить, не допуская пробега порожнего и недогруженного тоннажа, а встречные перевозки запретить.

2. Погрузочно-разгрузочные работы в Ленинграде, Кронштадте – производить круглосуточно. В Ораниенбауме осуществлять в зависимости от обстановки, точно выполняя нормы погрузки и выгрузки судов.

3. Заявки на водные воинские перевозки частям и соединениям КБФ представлять в отдел Военных Сообщений (ВОСО) за трое суток, а на оперативные перевозки с санкции заместителя начальника Штаба КБФ за сутки.

4. Снабженческие перевозки по обеспечению флота начальником Тыла КБФ производить своими силами, в случае недостатка плав. средств начальник Тыла КБФ должен подавать заявки в отдел ВОСО на общих основаниях.

5. Медико-санитарный отдел КБФ заявку на отправку переданных ему санитарных транспортных средств должен подавать в отдел ВОСО за сутки. Ответственность за своевременное снабжение транспортов Тыла КБФ, а также за их рациональное использование возлагалось лично на начальника Медико-санитарного отдела КБФ.

6. Ежедневные планы водных перевозок и их обеспечение вспомогательными средствами (буксиры, ледаколы, краны) утверждались заместителем начальника Штаба КБФ капитаном 1 ранга Ф.В. Зозулей отдельно по ВОСО и Тылу КБФ. Утвержденный заместителем начальника Штаба КБФ план водных перевозок и его обеспечение являлся приказом, обязательным для выполнения всеми [1, л. 282].

7. Обеспечение буксирным флотом и кранами водных перевозок в Кронштадте и Ораниенбауме возлагалось на командира Кронштадтского Военного порта по заявкам военных комендатур ВОСО.

8. Обеспечение водных перевозок буксирным флотом и кранами в Ленинградском торговом порту возлагалась на начальника порта, для этого в его распоряжение от КБФ были переданы буксиры «Айсберг» и «Ост».

9. Формирование и проводка караванов ледаколами из Ленинграда возлагалась на командира Ленинградской морской базы. Из Кронштадта – на командира Охраны водного района (ОВР) Ленинградской базы.

10. Для работ в районе Кронштадта и Ораниенбаума КБФ был определен ледокол «Октябрь». В Ленинградском торговом порту – ледокол «Тасуя» [1, л. 283].

Таким образом, данное Постановление ВС КБФ свидетельствует о следующем: во-первых, адаптировало систему водных перевозок в Кронштадт мирного периода к условиям военного времени. Во-вторых, в данную систему снабжения был включен Ораниенбаумский плацдарм. В-третьих, водные перевозки не ограничивались только летним периодом, о чем свидетельствует Приказ командующего КБФ № К0119 от 19 ноября 1941 г. «Об организации ледовых караванов», который определял следующее:

1. Для обеспечения ледокольной коммуникации Кронштадт-Ленинград выделить в составе отряда ледоколов Ленинградской ВМБ маневренную группу из ледоколов «Волынец» и «Октябрь».

2. Все заявки от организаций флота на переход кораблей из Ленинграда в Кронштадт концентрировать у Командира Ленинградской ВМБазы, из Кронштадта в Ленинград у Командира ОВРа Главной базы.

3. На каждом идущем караване, распоряжением командира Отряда ледоколов, назначать коменданта каравана, для чего начальнику Управления формирования выделить 20 ноября 1941 года в распоряжение командира Отряда ледоколов четырех постоянных строевых командиров, имеющих стаж командования кораблями.

4. Непосредственное формирование караванов (количество судов, порядок движения и инструктаж) возложить на коменданта каравана и командира ведущего ледокола.

5. Корабли сформированного каравана переходят в подчинение коменданта каравана.

6. Изменение времени выхода, состава и порядка следования, сформированного комендантом каравана, может быть произведено только по приказанию командира Ленинградской ВМБ или штаба КБФ.

7. Выход караванов из баз позже 3-х часов – запрещаяю.

8. Оказание помощи и организацию спасения пострадавших кораблей и личного состава возложить к западу от меридиана Каменной банки (29°57') на командира ОВРа Главной базы, к востоку на командира Ленинградской ВМБазы [1, л. 236].

Помимо водного маршрута Ленинград – Кронштадт активно функционировала трассы: Ленинград – Ораниенбаум, Кронштадт – Ораниенбаум, Лисий Нос-Кронштадт, Кронштадт-форты, Кронштадт-острова. Об этом свидетельствует сведения о грузоперевозках КБФ 1942 и 1943 гг.

**Движение грузов по ВМБ Лисий Нос
с 06.12.1942 г. по 06.12.1943 г. [2, л. 16]**

Поступило и отгружено (в тоннах):

– продовольствие – 11 443,438;

- боезапас, МТО, артиллерийское имущество – 7 676,563;
- техническое имущество – 1 614,602;
- вещевое и шкиперское имущество – 1 130,602;
- инженерное и химическое имущество – 8 113,266;
- топливо и горючее – 5 326,349;
- прочие грузы – 1 119,728.

ИТОГО – 36 424,840

Движение людского состава (с 06.04.1943 г. по 06.12.1943 г.):

- воинские команды – 29 023 чел.;
- раненные – 2 228 чел.;
- пассажиры – 75 580 чел.

ИТОГО – 106 831

Движение плав. средств (с 06.04.1943 г. по 06.12.1943 г.):

- Самоходные (буксиры, катера, пароходы) – 1 022 ед.;
- Несамоходные (баржи) – 251 ед.

ИТОГО – 1 273 ед.

Доставка столь значительного количества груза в условиях боевых действий неминуемо вела к повреждению и гибели транспортных судов. Это было связано с тем, что водные коммуникации Финского залива функционировали в тяжелейших условиях, вызванных непосредственной близостью противника. Транспортные суда постоянно подвергались артиллерийскому обстрелу, авиационным налетам в условиях мощнейших минных поставок. Караваны судов могли двигаться только в ночное время или в условиях дымовых завес по узким фарватерам без гидрографического обеспечения. На 19 ноября 1941 г. в Балтийском бассейне находилось 18 транспортных судов, осуществляющих перевозку необходимых грузов, из них в эксплуатации использовались только пять.

После прорыва в январе 1943 года блокады Ленинград и создания прямого железнодорожного сообщения с остальной территорией СССР не только улучшилось снабжение города, армии и флота, но и были созданы предпосылки для полного снятия блокады. В связи с тем, что Военным Советом Ленинградского фронта особая роль в полном снятии блокады отводилась Ораниенбаумскому плацдарму, было принято решение передислоцировать на него соединения и части 2-й Ударной армии под командованием генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского. Таким образом, перевозка личного состава и техники водными путями сообщения Финского залива возлагалась на транспортные и вспомогательные суда КБФ.

Поставленная Военным Советом Ленинградского фронта задача требовала всесторонней и скрупулезной подготовки. 23 апреля 1943 г. Командующим КБФ вице-адмиралом В.Ф. Трибуцем и Членом Военного Совета КБФ генерал-майором береговой службы А.Д. Вербицким было утверждено ***«Наставление по организации и обеспечению переходов кораблей и вспомогательных судов между Ленинградом и***

Кронштадтом». При этом главной задачей определялось обеспечить безопасность перехода кораблей и вспомогательных флота по фарватерам от мин, артиллерийского огня и авиации противника [3, л. 1].

Данным «Наставлением...» определялось:

1. *Варианты обстановки.*

Предусматривалось следующее:

- использование темного времени суток;
- работа катеров-дымзавесчиков;
- выделение средств ПВО.

2. *Силы и средства обеспечения на переходе.*

К силам и средствам, обеспечения безопасности переходов кораблей и вспомогательных судов относились:

- артиллерия БО КБФ;
- ВВС КБФ;
- тральщики;
- навигационное обеспечение [3, л. 2-3].

3. *Организация подготовки перехода.*

Особое внимание в «Наставлении...» было уделено руководству, тщательной подготовке и организации переходов кораблей и вспомогательных судов. А именно:

– ответственным за организацию перехода и все виды обеспечения назначался командир ЛВМБ;

– ответственным за воздушное прикрытие (ночные истребители, бомбардировочная и штурмовая авиация, самолеты-дымзавесчики) назначался командующий ВВС КБФ;

– на каждый переход назначался старший командир перехода из состава переводимых кораблей, при этом в «Наставлении...» определялись его функциональные обязанности;

– при переходе боевых кораблей (эсминцы, подводные лодки, транспорты) назначался командир сил обеспечения (сторожевые катера, катера-дымзавесчики, буксиры на фарватерах) [3, л. 4];

– предписывалось заявки на переход кораблей и судов подавать начальнику штаба КМОР (по Морскому каналу, Переходному и Корабельному фарватерам за трое суток, по Петровскому и Елагинскому фарватерам за одни сутки), который объединял их и подавал общую заявку начальнику штаба ЛВМБ;

– приказание на формирование переходов кораблей и судов штаб ЛМВБ направлял командиру ОВРа в письменном виде [3, л. 5];

– в день перехода командир ЛВМБ проводил совещание (на котором присутствовали: командующий ВВС КБФ, командир соединения от которого назначались к переходу корабли (суда), начальник БО КБФ или начальник штаба КБФ, начальник Оперативного отдела штаба КБФ, старший командир перехода;

– на данном совещании составлялся план перехода кораблей, судов который докладывался командующему КБФ и утверждался им [3, л. 6];

– «Наставлением...» так же определялись обязанности командира проводимого корабля (включавшие: проверку исправности навигационных приборов, изучение фарватеров, проверку боевой готовности огневых средств, проверку наличия запаса балласта (вода, топливо), проверку мероприятий и действия личного состава в борьбе за живучесть, подготовку буксирных концов) [3, л. 7].

4. Организация и действия на переходе

Непосредственно в ходе перехода кораблей и судов «Наставлением...» определялось:

– все командиры кораблей с момента окончания инструктажа переходили в подчинение старшему командиру перехода, а командиры средств непосредственного обеспечения – в распоряжение командира сил обеспечения перехода;

– все корабли и суда обязаны следовать только в порядке по оси фарватера [3, л. 8];

– командиры всех кораблей и судов обязались соблюдать меры скрытности;

– командирам кораблей и судов строжайше запрещались самостоятельные маневры;

– при авиационных налетах противника командиры всех кораблей и судов, имеющих зенитное вооружение обязались открывать огонь по вражеским самолетам, а противоавиационный маневр производить не выходя за пределы фарватера [3, л. 9].

5. Боевое обеспечение.

«Наставлением...» накануне и в ходе перехода кораблей, судов предписывалось:

– при переходе кораблей и судов за двое суток до их выхода производить контрольное траление фарватеров перехода;

– для прикрытия перехода кораблей, судов из закрытой части Морского канала на его дамбе устанавливались станции дымопуска (10–15 ДШ-100), при этом приказание на постановку дымовых завес с береговых станций дымопуска дает командир ОВРа ЛВМБ;

– помимо станций дымопуска должны находиться в готовности не менее двух катеров-дымзавесчиков;

– при освещении в ночное время противником прожекторами кораблей и судов, прожекторные станции ОВРа ЛВМБ (Угольная гавань) и прожекторная станция КМОРа (Ораниенбаум) самостоятельно ставят отсечные лучи [3, л. 10];

– выделенные для обеспечения перехода батареи Береговой обороны по заявке командира ЛВМБ приводятся в готовность №1 и открывают огонь по работающим батареям противника немедленно и самостоятельно командирами артиллерийских батарей;

– выделять для обеспечения переходов кораблей и судов следующие силы ВВС КБФ:

а) при перевозке особо ценных грузов создавалась специальная авиационная группа в составе: 10–12 истребителей «И-15-бис», 4–6 штурмовиков «Ил-2», 3–4 бомбардировщика «СБ» («Д-3»), кроме того выделялось 6–8 самолетов-истребителей (из ПВО КБФ);

б) при повседневных (ночных) перевозках грузов и переходах вспомогательных судов организовывались авиационные группы в постоянном составе из 4–6 ночных истребителей-штурмовиков «И-15-бис» для дежурства на земле и воздухе с задачей гасить прожектора противника и вынуждать работающие батареи противника прекращать артиллерийский огонь [3, л. 11–12];

в) при переходе боевых кораблей организовывалось непрерывное патрулирование ночных истребителей «И-15-бис» с задачей прикрытия с воздуха от самолетов противника;

– при переходах навигационное обеспечение предусматривалось штатное.

б. Оказание помощи потерпевшему авариию кораблю, судну.

«Наставлением...» предусматривались мероприятия по оказанию помощи кораблям и судам в непредвиденных обстоятельствах. А именно:

– при переходе боевых кораблей (эсминцев, подводных лодок, транспортов) приводились в готовность к использованию все силы и средства Аварийно-спасательной службы КБФ;

– на наиболее опасных и важных участках перехода выставлялись буксиры;

– вызов сил и средств для оказания помощи потерпевшему авариию кораблю, судну возлагался на старшего командира перехода или командира сил обеспечения через Оперативного дежурного ОВРа ЛВМБ [3, л. 13–14].

7. Боевое управление.

«Наставлением...» четко регламентировалась боевое управление переходом кораблей судов, так:

– общее руководство операционного и организационного взаимодействия всеми силами и средствами Береговой обороны КБФ, ВВС КБФ и кораблей непосредственного обеспечения осуществлял командир ЛВМБ со своего флотского Командного пункта (ФКП) (Охта) или запасного КП (ЗКП) (Адмиралтейство – Мариинский дворец);

– руководство силами непосредственного обеспечения (траление, охранение, оказание помощи кораблям, судам) в Невской губе возлагалось на командира ОВРа ЛВМБ со своего ФКП, ЗКП (Каменный остров);

– командование всеми силами обеспечения в открытой части канала и на Невской губе возлагалось на командира сил обеспечения перехода со своего КП (сторожевой катер «МО») [3, л. 15].

8. Связь

На переходе кораблей, судов «Наставлением...» определялись следующие виды связи:

- старший командир перехода поддерживал радиосвязь с командиром ЛВМБ и с командиром ОВРа ЛВМБ;
- всем командирам кораблей перехода предписывалось нести только приемную радиовахту;
- внутриэскадренная связь на переходе устанавливалась визуальная.

9. Обеспечение скрытности операции.

В целях обеспечения скрытности переходов кораблей, судов в «Наставлении...» были предусмотрены следующие мероприятия:

- план перехода кораблей и судов составлялся от руки начальником штаба ЛВМБ или начальником Оперативного отдела штаба ЛВМБ в одном экземпляре, а исполнителям выдавались только выписки из плана в части их касающейся;
- разговоры относительно перехода кораблей, судов категорически запрещались и велись только путем личных переговоров;
- на кораблях и судах, назначенных к переходу, за сутки прекращалось сообщение с берегом, сроки выхода из базы личному составу не объявлялись;
- категорически запрещалось опробование корабельных, судовых свистков, сирен, а также принимались меры для уменьшения дымов [3, л. 16].

Четкая и неуклонная реализация утвержденного командованием КБФ «Наставления...» показала свою эффективность при перевозке силами КБФ частей и соединений 67 армии на Ораниенбаумский плацдарм. Первой из них была 98-я стрелковая дивизия (СД) и 184-й минометный полк (МП) резерва Главного командования (РГК) без потерь, незаметно для противника с 6 по 10 мая 1943 г., доставленные на Ораниенбаумский плацдарм.

Оперативная перевозка 98 стрелковой дивизии и 184-го минометного полка резерва Главного командования, по заранее разработанному Оперативным Отделом и Отделом Военных сообщений (ВОСО) Штаба КБФ (ШКБФ) плану, была возложена на Ленинградскую Военно-морскую базу (ЛВМБ) и Кронштадтский морской оборонительный район (КМОР) с привлечением в качестве контроля ВОСО ШКБФ.

Учитывая оперативную обстановку на Финском заливе, для большей безопасности перевозки личного состава, в основном, были запланированы с Лисьего Носа, а техника и конский состав из Ленинграда. Исходя из такого разделения перевозок по двум исходным пунктам посадки, были разработаны планы одновременного прихода в пункт назначения – Ораниенбаум, как личного состава, так и техники данных дивизии и полка.

Пункты сосредоточения, погрузка частей и их отправление были определены следующие:

1. В Ленинграде: Петровский остров – фабрика «Канат» пирсы №№ 3, 4, 5.

2. В Лисьем Носу: пункт сосредоточения – лесистая часть поселка Лисий Нос.

Погрузка личного состава и отправление транспортов производились с пирса [4, л. 3].

Путь следования: из Ленинграда – Петровским фарватером; с Лисьего Носа – по обычной трассе в Ораниенбаум.

Итого на Ораниенбаумский плацдарм с 6 по 10 мая 1943 года из Ленинграда и Лисьего Носа было переправлено (*по подсчетам авторов*):

- личного состава – 7 880 чел.;
- лошадей – 519 голов;
- артиллерийских орудий и минометов (калибром от 45-мм до 122-мм) – 127 ед.;
- танкеток – 2 ед.;
- автомобилей – 156 ед.;
- мотоциклов – 2 ед.;
- прицепов – 6 ед.;
- повозок – 302 ед.;
- полевых кухонь – 42 ед.;
- боеприпасов – 22,5 тн.;
- других грузов (продовольствие и фураж входили в состав других грузов) – 503 тн.

Приобретенный опыт позволил без потерь, незаметно для противника с ноября 1943 по 21 января 1944 гг. на Ораниенбаумский плацдарм перевезти личный состав и технику 2-й Ударной армии. Помимо этого, осуществлялась доставка сил и средств, необходимых для усиления Приморской оперативной группы (ПОГ) Ленинградского фронта. С 24 декабря 1943 г. перевозка личного состава и техники частей и соединений 2-й Ударной армии с началом штормов была временно прекращена. С улучшением погоды и прекращением подвижек льда перевозки с 8 января 1944 г. возобновились и продолжались до 21 января 1944 г. Однако перевозки, вследствие тяжелой обстановки из Ленинграда полностью прекратились, а бронетехника, которая ранее переправлялась из Ленинграда в Ораниенбаум начала отправляться из Лисьего Носа [5, л. 11].

За 2-е полугодие 1943 г. силами и средствами КБФ было переправлено: личного состава – 55 670 чел.; автомашин – 1 492 ед.; спец. машин – 425 ед.; прицепов – 117 ед.; тракторов – 170 ед.; танков (разных) – 179 ед.; бронемашин – 15 ед.; артиллерийских орудий – 647 ед.; минометов – 197 ед.; боеприпасов – 3 830 т.; лошадей – 4 293 гол.; саней, повозок – 2 796 ед.; полевых кухонь – 166 ед.; разных грузов – 14 316 т. В ходе операции «Январский гром» на Ораниенбаумский плацдарм было перевезено: личный состав – 3975 чел.; автомобили – 394 ед.; специальные машины – 24 ед.; прицепы – 40 ед.; трактора – 49 ед.; танки (разные) –

49 ед.; бронемашины – 8 ед.; артиллерийские орудия – 98 ед.; минометы (разные) – 12 ед.; боеприпасы – 2795 т.; полевые кухни – 18 ед.; разные грузы – 1 197 т. Вывезено раненых в Лисий Нос из Ораниенбаума – 2 442 чел. [6, л. 114–115].

Таким образом, водные коммуникации Финского залива в тяжелейших условиях блокады на протяжении почти трех лет не только обеспечивали всем необходимым защитников Ораниенбаумского плацдарма, защитников и жителей Кронштадта, являясь дорогой жизни, но и скрытой перевозкой 2-ударной армии способствовали успешной реализации операции «Январский гром» позволившей полностью снять блокаду Ленинграда.

Источники и литература

1. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (Архив ВМФ) (далее – Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 33. Д. 5.
2. Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ). Ф. 203. Оп. 1. Д. 430.
3. Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 45. Д. 54.
4. Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 33. Д. 18.
5. Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 33. Д. 23.
6. Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 33. Д. 20.

О. А. Черников

кандидат исторических наук
Государственный архив Курской области

К вопросу о ходе восстановления сферы торговли и общественного питания Курской области (1943–1944 гг.)

Аннотация. В работе рассмотрены отдельные вопросы восстановления сферы торговли и общественного питания Курской области после освобождения от немецко-фашистских оккупантов. Отражена ситуация на конец 1943 г. по итогам проверки специальной комиссией Народного комиссариата торговли РСФСР. Рассмотрены результаты выполнения приказа Наркомторга РСФСР от 24 января 1944 г. № 41. Сделан вывод о выполнении части поставленных задач несмотря на сложности военного времени.

Ключевые слова: торговля; общественное питание; магазин; столовая; производственное предприятие; торг; трест.

В период оккупации Курской области немецко-фашистскими захватчиками значительный ущерб был нанесен сфере торговли и общественного питания. Согласно итогового доклада Курской областной комиссии по учету материального ущерба и установлению злодеяний и

зверств, причиненных немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству и гражданам области было уничтожено 7 702 склада и магазина. Отдельно в докладе отмечалось, что «Все наиболее крупные магазины и склады подверглись разрушению и уничтожению» [1, л. 14].

Только по Курскому горторгу из 152 торговых точек, действовавших до оккупации, осталось 3, из 54 точек общественного питания – 3, из 8 баз и складов – 1 [3, л. 2, 23]. Вся же сумма ущерба, нанесенного горторгу, составила 9 232 тыс. руб. [2, л. 2; 3, л. 23].

Именно поэтому восстановление торговой сети и сети общепита было одной из важнейших задач сразу после освобождения области. В документах архивного фонда Р-4472 «Курское областное бюро продовольственных и промтоварных карточек» сохранился приказ по Народному комиссариату торговли РСФСР от 24 января 1944 г. № 41 «О результатах проверки работы по восстановлению торгово-технической базы местных торгов и треста столовых Курской области».

Документ начинается с достаточно короткой констатации положительного. Так, на 1 декабря 1943 г. Курский облторг и его десять отделений, горторг, трест столовых восстановили и ввели в действие 122 магазина, 10 палаток и ларьков, 66 столовых, 4 буфета, 21 склад, 9 подсобных хозяйств и 15 производственных предприятий [4, л. 7].

Основная же часть приказа содержит перечень имеющихся недочетов и мероприятий по их устранению.

В первую очередь было обращено внимание на то, что территориальное размещение действующих магазинов и столовых не отвечало требованиям потребителя, так как подобные предприятия отсутствовали на окраинах города.

Отмечалось, что как в Курске, так и районных городах регулярная торговля велась только хлебом. Продовольственное снабжение производилось, в основном, через сеть столовых. В отношении промтоваров указывалось: «Промтоваров в торговой сети нет, за исключением узкого ассортимента скобяных изделий и то в незначительном количестве» [4, л. 7].

Отдельно оговаривалось, что действующие магазины и столовые требовали текущего ремонта, застекления и дооборудования.

В пункте «г» констатирующей части приказа подчеркивалось, что «... столовые Курского треста столовых имеют низко квалифицированный поварской состав, пища готовится в однообразном ассортименте, невкусная (за исключением столовых 1, 2, 14), бракеража нет, из-за отсутствия весов на производстве и разновеса гирь блюда отпускаются без веса, во всех столовых имеется перерасход нормированных продуктов против установленных норм (по крупе в ряде столовых более чем в два раза), молоко, сухофрукты, варенье, сметана, поступающие из централизованного фонда как заменитель, в норму не засчитывались, а все

продукты подсобных хозяйств расходовались сверх установленных норм» [4, л. 7].

В качестве недочетов так же отмечалось: отсутствие отдельных столовых для инвалидов войны, не выполнение планов закупок незерновых сельхозпродуктов, не обработка (либо плохая обработка) закрепленных пахотных земель (например, Курский горторг из выделенных 700 га засеял только 23 га), нарушения в работе карточных бюро, нарушения сроков предоставления ответов на жалобы трудящихся, слабая организация соцсоревнования и так далее [4, 7 об.]

Перечень мероприятий по устранению выявленных недостатков занимает в приказе более 6 листов Все мероприятия разбиты на отдельные блоки: по капитальному строительству, по подсобным хозяйствам и заготовкам, по производственным предприятиям, по торговле, по общественному питанию, по подготовке и распределению кадров, по карточным и контрольно-учетным бюро.

На 1944 г. план капитальных вложений для торгов и треста столовых по был предусмотрен в размере 1 600 тыс. руб. (1 400 тыс. руб. по лимитному строительству, то есть по централизованному финансированию, и 200 тыс. руб. по внелимитному, то есть за счет иных источников) [4, л. 7 об.].

В сфере капитального строительства необходимо было навести порядок в организации всех работ, а так же обеспечить ввод в действие в 1944 г.: овоще- и картофелехранилищ емкостью на 1000 т; дошников и квашпунктов емкостью 750 т, сушилок с суточной производительностью 200 кг, магазинов – 33, столовых – 15. Кроме того следовало организовать работы по дооборудованию и приведение в должное состояние действующих магазинов, столовых, складов и т. п. [4, л. 8].

В отношении развития собственного производства ставилась задача организовать при местных торгах и тресте столовых 69 новых производственных предприятий и расширить 19 действующих. Так же необходимо было: «з) представить в облплан заявку на имеющееся местное сырье и отходы промышленности, а также мобилизовать работников торгов и треста столовых на изыскание и приобретение сырья для производственных предприятий собственными силами; и) установить время работы мастерских, наиболее удобное для обслуживания рабочих и служащих, обеспечив мастерские прейскурантами цен, утвержденными облисполкомом; установить срок исполнения заказов» [4, л. 8 об.].

Развитие общественного питания предусматривало: увеличение посадочных мест в действующих столовых на 300 единиц, открытие при первой столовой Курского треста столовых специального отделения на 50 посадочных мест для обслуживания инвалидов войны, организацию при тресте Кулинарного совета, а при каждой столовой бракеражной комиссии и так далее. Отдельно оговаривалась необходимость «... обеспечить быстрое и культурное обслуживание потребителей питанием, приготавливая

разнообразные хорошие по вкусу и качеству блюда и организовать общественный контроль; привести все столовые в надлежащее санитарное состояние и обеспечить их весоизмерительными приборами ...» [4, л. 9].

Значительное внимание планировалось уделить подготовке кадров. Предусматривалась организация в Курске: областной школы торгово-кулинарного ученичества с количеством 150 человек учащихся (продавцов – 50, поваров – 75, счетоводов – 25); курсов с отрывом от производства с количеством 305 человек (поваров – 25, директоров магазинов – 25, директоров столовых – 25, бухгалтеров – 50, работников КУБ – 25, сельхозкадров – 50, трактористов – 5 мастеров грибоваров – 25, мастеров по переработке плодоовощей – 75); курсов без отрыва от производства с количеством 230 человек (старших бухгалтеров – 30, прочих специалистов – 200). На данные мероприятия рекомендовалось выделить из местного бюджета 161,7 тыс. руб. [4, 9 – 9 об.].

Завершается приказ призывом Наркомторга РСФСР ко всем работникам торговли и общественного питания, подсобных и производственных предприятий и транспорта «... на основе развертывания широкого социалистического соревнования, добиться успешного выполнения всех установленных на 1944 год заданий по восстановлению торгово-технической базы и торговли в области» [4, л. 10 об.].

Следует признать, что большинство поставленных задач трудно были выполнимы в условиях военного времени. Отсутствовали необходимые стройматериалы и транспорт. Не хватало квалифицированных кадров. Зачастую не хватало просто необходимых товаров. Тем не менее как свидетельствуют документы, выявленные в фондах Р-4797 «Курское управление местными торгами и трестами столовых» (до 1948 г. Курская областная контора управления местными торгами «Облторг») и Р-3740 «Курский городской торг Управления местными торгами и трестами столовых Курской области и его организации» (до 1948 г. Курский городской торг Курского областного торгового отдела) значительная часть предусмотренных задач была выполнена.

Так в течении 1944 г. Курским облторгом было введено в строй 57 новых торговых точек (магазинов, палаток и ларьков). Общее число их на 1 января 1945 г. достигло 159 (123 магазина и чайных, 36 палаток и ларьков). План розничного товарооборота на 1944 г. был перевыполнен [5, л. 28 – 28 об.].

Количество производственных предприятий только при Облторге достигло 87. Значительную их часть составляли хлебопекарни – 32. Так же действовали швейные, обувные, вязальные художественные, металлоремонтные мастерские, парикмахерские, производство безалкогольных напитков и так далее. Годовая производственная программа была выполнена на 307,2 % [5, л. 30 об. – 31].

На 1 января 1945 г. у местных торгов и треста столовых действовало 131 точка общественного питания (столовые и буфеты) Количество обслуживаемого контингента за 1944 г. увеличилось с 28 091 до 45 545. При тресте столовых, как и было запланировано, начала действовать специальная столовая для инвалидов войны [6, л. 1].

Был создан Кулинарный Совет при тресте столовых и 9 советов при местных торгах. На совещаниях Совета рассматривались вопросы касающиеся текущей работы, в том числе качества выпускаемой продукции [6, л. 7].

Так же было выполнено и распоряжение об открытии школы торгово-кулинарного ученичества, в том числе и с обучением без отрыва от производства [6, л. 8].

Таким образом, несмотря на серьезные трудности самого различного плана, часть задач, поставленных в приказе по Народному комиссариату торговли РСФСР от 24 января 1944 г. № 41, была выполнена. В итоге это позволило серьезно продвинуться в процессе восстановления сферы торговли и общественного питания Курской области.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 228.
2. ГАКО. Ф. Р-3740. Оп. 1. Д. 6.
3. ГАКО. Ф. Р-3740. Оп. 1. Д. 9.
4. ГАКО. Ф. Р-4472. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАКО. Ф. Р-4797. Оп. 1. Д. 44.
6. ГАКО. Ф. Р-4797. Оп. 1. Д. 53.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

К. В. Петров

кандидат исторических наук

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Исследование М. Ю. Зенченко о южном порубежье конца XVI – начала XVII в. в историографическом контексте

Аннотация. Работа посвящена характеристике современной ситуации с изучением истории дореволюционной России, которая характеризуется формированием «ревизионистского» направления в историографии. К этому направлению принадлежат исследователи, чьи выводы направлены на пересмотр традиционных советских оценок исторических событий. Автор полагает, что в целом ряде случаев, исследование М. Ю. Зенченко также направлено на пересмотр сложившихся и устоявшихся оценок, связанных с освоением южных районов страны.

Ключевые слова: М. Ю. Зенченко; южный фронтир; ревизионистское направление; южнорусские уезды; Смута.

Советская историческая наука с первых дней своего существования была нацелена на поиск истины, которая была воплощена в марксистской теории исторического развития общества. В начальный период Советского государства «старых» исследователей можно разделить на две группы: те, кто печатался при «старом режиме» в изданиях социал-демократического и либерального направления (например, журнал «Былое»), и ученые, не выразившие свои политические пристрастия в печатной литературе. Первые были интегрированы в советское ученое сообщество. Судьба вторых была более проблематична и неоднозначна. Молодые исследователи, пришедшие в науку после революции, искренне верили в то, что настоящее прошлое было скрыто от населения представителями буржуазной науки.

Многие ученые, зачастую не заметно для себя, не осознанно, стали рассматривать исторические события сквозь очки господствующей теории. Так постепенно создавались мифы о прошлом. Например, М. А. Рейснер писал так: «У нас на Руси на редкость долго господствовал произвол и царило безправие. Веками крестьянин был лишен всякой правды, насильничали чиновники, угнетали цари» [1, с. 16]. Понятно, не все факты укладывались в эти теоретические рамки, что приводило к оживленным спорам среди историков. В их числе дискуссия о периодизации отечественной истории, о генезисе капитализма в России, о восходящей и

нисходящей линии в развитии феодализма, о природе феодальной собственности и черносошных землях, об абсолютизме.

Несмотря на некоторые осторожные высказывания историков, граничащие с вольнодумством (например, А. А. Преображенский о налоговом режиме русского населения Сибири по сравнению в ясажным и др.), и «квалифицированное молчание» о прошлом других историков [См. например, 2, с. 28–34, 187–214 и др.], оставалась неизменной позиция – Россия до 1917 г. представляла собой безжалостного эксплуататора населения, возглавляла группу мелких эксплуататоров – дворян и духовенство, и в целом была тюрьмой народов. Этот подход прямо следовал из той социологической схемы исторического прошлого, которая сформировалась в Советское время.

Причем негативное отношение к прошлому страны зачастую усиливалось в зависимости от текущей ситуации. Крайне тяжелая жизнь общества в 1930-е гг. [см. напр. 3] нивелировалась формулой «раньше было еще хуже». М. М. Громыко выразило это следующим образом: «Чем больше было сложностей в жизни современной деревни, тем важнее, по-видимому, было доказать, как плохо все было в старину» [4, с. 5]. В целом, по мнению Б. Н. Миронова, «советская историография ... отличалась негативизмом в отношении отечественной истории дооктябрьского периода ... Пожалуй, нигде в мире историки не изображают столь негативно историю своей страны» [5, с. 15].

С конца 1980-х гг., когда произошел отказ от единственно верного марксистского подхода в исторических исследованиях. Казалось бы, настало время для корректировки выводов по целому ряду конкретно-исторических проблем науки. Между тем, исследования последующих лет были направлены на заимствование новых для нашей науки методологических конструкций. Особенно в этом направлении преуспели историки-медиевисты. Относительно отечественной истории, как ни странно, критические оценки событий дореволюционной эпохи усилились – стали писать о деспотическом характере власти [напр. 6]. Впрочем, стоит отметить, незначительные по своему количеству, случаи корректировки традиционных оценок советской эпохи применительно к истории XVI–XVII вв. в работах А. Л. Станиславского [7] и А. П. Павлова [8]. Целый ряд ученых резонно полагают, что сохранение прежних оценок (мифов) имеют вненаучную природу. В ее основе две компоненты: во-первых, целенаправленная, идеологическая. Говоря словами М. А. Давыдова, «чистой воды манипуляция общественным мнением, которая имеет целью приучить людей – прежде всего молодых – примерно к такому «силлогизму». Россия всегда была страной объективно бедной ... народ в ней всегда жил трудно, он столетиями угнетался правительством...» [9, с. 13]. Более того, в настоящее время, использование мифов о прошлом вообще становится фактором политики [10, 11]. Во-вторых, в ситуации плюрализма любых мнений, широкое распространение

непрофессиональных оценок вообще, то есть вне зависимости от того об истории идет речь, или о медицине, или об иной сфере человеческой деятельности и знаний. В этом отношении справедливо мнение С. Б. Криха: «Любой научный миф произрастает корнями не из научного знания, а из обыденного к нему отношения, и до тех пор, пока в культуре сохраняются его основы, он имеет шансы на возвращение». «Когда известный миллиардер рассуждает на телевидении о рабовладельческом строе как начальном этапе цивилизации, это один из немногих тезисов, который ни у кого не вызывает возражений. Консервативная тенденция в обществе очень сильна, а поскольку она уже не может реализовать себя в реальности, то для нее очень важны возрождение и эксплуатация мифов» [12, с. 131–132].

Все же, постепенно стала формироваться новое, ревизионистское направление в отечественной науке, которое составили историки, стремящиеся не столько отказаться от крайних оценок нашего прошлого, сколько заново оценить исторические события вне зависимости от идейно-методологических установок. Причем, это направление включает в себя также специалистов по древней истории, востоковедов, в меньшей степени медиевистов. В рамках изучения отечественной истории знаменательным событием в формировании ревизионистского направления стал выход в 1999 г. исследования Б. Н. Миронова, изменившего фокус рассмотрения событий дореволюционной России, с объективных предпосылок революций на субъективные, оспоривший мнение об обнищании населения Российской империи и т.д. [13, с. 85–98].

Несмотря на широкую известность полемики вокруг концепции Б. Н. Миронова, он не одинок в своем стремлении пересмотреть существующие советские парадигмы в освещении отечественной истории. Постепенно нетрадиционные оценки многих исторических событий начинают появляться в трудах историков. Например, В. А. Аракчеев оспорил традиционный подход к вопросу о сущности «заповедных лет» и в целом о запрете переходов в конце XVI в. [14, с. 308–312.] Д. А. Ляпин, осторожно высказался против традиционной точки зрения о жесткости крепостнических отношений в допетровское время и отношении правительства к ним. Он, в частности пишет, что XVII в. «не был временем жестокого угнетения сельских тружеников. Особенно это было очевидно для окраинных регионов, где их было мало». Более того, «бегство крестьян не было протестом против таких отношений, напротив, оно вполне вписывалось в их общий контекст, ведь беглец хотел только поменять помещика или род занятия. В его побеге не было вызова сложившейся системе, а действовал только частный интерес, поиски лучшего существования. Показательно, что дела о беглых крестьянах редко сообщают о причинах бегства, поскольку они не интересовали государство. Власть не видела в этом ничего другого, кроме попыток незаконной смены места проживания» [15, с. 12–13].

К числу исследователей, работы которых лежат в русле ревизионистского направления, следует отнести Михаила Юрьевича Зенченко (17 августа 1961 – 29 февраля 2016 гг.). Долгие годы работая в РГАДА, он стал одним из инициаторов проекта по изданию каталогов писцовых книг [16, с. 5–7], автором ряда исследований, оспаривающих мнение о связи особенностей отечественной налоговой системы с ордынскими аналогами [17, с. 488–503]. Тем не менее, основные научные интересы исследователя лежали в русле изучения освоения южных областей страны в 1580-е – 1610-е гг. [18].

К началу XVI в. южная граница государства проходила по водоразделу Оки, чуть-чуть южнее ее – отдельные участки, с востока – по землям Нижнего Новгорода, Вятки, Чердыни. Южная система обороны включала так называемые «береговые» города – Серпухов, Торусу, Коломну, Коширу и их уезды. Не ранее 1519 г. из земель Каширского и Алексинского уезда был сформирован Тульский уезд; его формирование было обусловлено военно-оборонительными причинами, поскольку, в 1520-е гг. на их территории возводились «засеки», а к середине XVI в. была полностью создана засечная черта к югу от Оки.

Формирование Тульского уезда стало началом создания в 1550-х – 1560-х гг. системы оборонительных уездов заоцких «украинных городов», расширивших систему так называемых «береговых городов». Они охватывали территорию уездов от Серпухова и Каширы до Карачева, включая Алексин, Болхов (1555), Белев, Деделов (1554), Карачев, Крапивну (1561), Одоев, Орел (1566), Тарусу, Тулу, Новосиль (1563), Мценск, Михайлов (1551), Чернь, Епифань (1566), Венев, Данков (1568), Пронск, Ряжск (1557), Шацк (1553).

Между тем, за период с 1559 по 1570 гг., по подсчетам А. А. Новосельского, состоялось 9 крупных (не пограничных) вторжений из Крымского ханства на территорию государства [19, с. 432]. Как показали В. П. Загоровский, строительство крепостей в этот период было направлено в первую очередь на защиту Рязанского уезда. Реорганизация системы обороны («станичной и сторожевой службы») 1570–1571 гг. привела к созданию в 1573–1574 гг. «украинного разряда».

Целью новой системы размещения полков и их взаимодействия, как полагает М. Ю. Зенченко, стало создание военных отрядов для оперативной борьбы с небольшими отрядами крымчаков [18, с. 39–40]. Однако, как оказалось (по результатам набега 1573 г.) эффективность обороны зависела также от кадров. Руководителем оборонных мероприятий в 1574 г. вместо князя М. И. Воротынского стал Н. Р. Юрьев, который основное внимание уделил материальному обеспечению и дисциплине станичников и сторожей, дополнительному «прибору» служилых людей, выведению всей системы обороны из ведения городских воевод. Вывод, к которому пришел М. Ю. Зенченко заключается в том, что основное направление политики государства в данный период была

направлена исключительно на защиту «поселений в южной лесостепной зоне» страны [18, с. 55].

Значительное место в последующих исторических событиях, и в первую очередь «Смуты», связано с «вольными» казаками. На это давно было обращено внимание историков (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, А. Л. Станиславский). М. Ю. Зенченко полагал, что во второй половине XVI в. казачество было аморфной социальной группой, интернациональной силой, не признававшей юрисдикции Российского государства и Речи Посполитой. Как утверждает исследователь выделение групп запорожских (днепровских), донских, волжских и др. групп казаков было достаточно условным. В отличие от мнения А. Л. Станиславского, М. Ю. Зенченко отказывается видеть в действиях царя Бориса целенаправленную антиказачью политику. Историк полагает, что при Иване IV и Борисе Годунове она носила ситуативный характер.

В 1580-е гг. произошла переориентация путей набегов на восток, в связи с чем было принято решение о возведении новых крепостей (Ливны, Воронеж). С этого времени постепенно начался процесс «утесения» казаков. В 1590-е гг. начинается новый этап строительства укреплений и формирования уездов. Именно в этот период казачество превращается в самостоятельный политический фактор, влияющий на ситуацию в регионе [18, с. 68]. Однако, в отличие от традиционного мнения о «народной» составляющей казачества, М. Ю. Зенченко обращает внимание на то, что казачество по существу представляло собой вооруженные банды разбойников, «разгул деклассированной степной вольницы, не признававшей ни законов, ни властей» [18, с. 69].

Мнение А. А. Новосельского о массовом бегстве крестьян из разоренных уездов в южные уезды, с точки зрения эволюции крепостного права развивал В. И. Корецкий. Однако оно было оспорено М. Ю. Зенченко, который, на материалах елецкого верстанья 1592 г., показал, что из числа всего «прибора» стрельцов и служилых казаков, беглых крестьян было не более 8 %. Причем, по каждому случаю были проведены обстоятельное следствие [18, с. 76–77]. Как писал историк, «выросшие в крестьянских семьях младшие сыновья, не имеющие самостоятельного надела и не связанные тяглом как раз и являлись тем контингентом, к которому потенциально был обращен указ 1592 г.» о верстанье стрельцов и служилых казаков из вольных людей [18, с. 77]. Важно отметить, что М. Ю. Зенченко пришел к выводу о том, что законодательство о крестьянах и «посадское строение» не имели сословный характер, выражали не интересы какого-либо слоя дворян, а были направлены на защиту тяглого населения как основного источника налоговых поступлений [18, с. 92]. Несмотря на злоупотребления в данной сфере оставалось главное – направленность действий государства [18, с. 92, 95]. Однако подобная политика привела к недооценке проблем служилого населения южных земель, его материальной обеспеченности. В

этом М. Ю. Зенченко видит одну из важнейших причин перехода служилых людей южных уездов на сторону Самозванца и в конечном итоге, «успеха» Смуты [18, с. 107–109]. Вторым фактором явился характер самого населения, «неравноправным положением дворянства старых «замосковных» и новых «украинных» городов [18, с. 145].

Источники и литература

1. Рейснер М. А. Право и революция. 2-е изд. Пг., 1917.
2. Левандовский А.А. Железный век. М., 2000.
3. Маньков А.Г. Дневники тридцатых годов. СПб., 2001.
4. Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.
5. Миронов Б. Н. Социальная история России. СПб., 1999. Т. 1.
6. Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // Отечественная история. 1991. № 4. С. 54–64
7. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990
8. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.
9. Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд. СПб., 2016. С. 13.
10. Мобилизованное средневековье. Т. 1. Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах. СПб.: СПбГУ, 2021
11. Мобилизованное средневековье. Т. 2. Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России. СПб., 2022.
12. Крих С.Б. Рабовладение как миф: образ древности в контексте западной и отечественной исторической науки // История мировых цивилизаций: мифы в общественном сознании. Всерос. научн. конф. Красноярск, 27 апр. 2013 г. Красноярск: КГПУ, 2014. С. 123–134.
13. Камынин В. Д., Запарий В.В. «Оптимисты» и «пессимисты» о причинах российской революции // История и современное мировоззрение. 2019. Т. 1. № 4. С. 85–98.
14. Аракчеев В.А. Власть и «земля»: правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII в. М., 2014.
15. Ляпин Д.А. Крестьянство и военно-служилое население Белгородской черты во второй половине XVII в.: специфика социальных отношений // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2021 год: Крестьяне, государство и аграрные преобразования в России. Секция по проблемам аграрной истории Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории. Липецк, 2023.
16. Иванова Г.А., Эскин Ю.М. История появления серии «Каталог писцовых книг Российского государства» // Материалы XX всерос. научн. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники по истории XVI–XVII вв.», посвящ. памяти М. Ю. Зенченко. Нижний Новгород, 7–9 июля 2017 г. Нижний Новгород, 2023. С. 5–7.
17. Зенченко М.Ю. «... хотят татарове тамги и десятины» (по поводу спорности бесспорных мнений о «татарском наследии» на Руси) // Одиссей. 2010–2011. Школа и образование в Средние века и Новое время. М., 2012. С. 488–503.
18. Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. Опыт государственного строительства. М., 2008.
19. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. / отв. ред. С. В. Бахрушин. М.; Л., 1948.

В. П. Николашин

доктор исторических наук

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Современная историография Смутного времени

Аннотация. В статье изучена современная историография Смутного времени за последние двадцать лет. Исследователи уделяют внимание самым различным темам в своих работах: развитию отдельных городов и территорий, деятельности социальных групп и личностей трансформации государственных институтов, власти и общества и ряду других вопросов.

Ключевые слова: историография; Смутное время; Российское государство; Смута.

Историография темы Смутного времени традиционно разделена на три периода. К первому относятся дореволюционные исследования. Среди них работы В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, Н. И. Костомарова, С. М. Соловьева, С. Ф. Платонова, В. О. Ключевского, Д. И. Иловайского, К. Н. Бестужева-Рюмина, Д. П. Бутурлина и других. В это же время закладываются ключевые подходы к изучаемой теме, формируется системный взгляд на причины возникновения Смутного времени. Во второй, советский период, публикуются работы М. Н. Покровского, Б. Д. Грекова, И. И. Корецкого, И. И. Смирнова, Р. Г. Скрынникова, А. И. Станиславского и других. При этом Смута, зачастую, рассматривается как классовая борьба крестьянства с крепостным строем. При этом особое внимание отводилось восстанию И. Болотникова и выделяется интервенция как важное явление эпохи. И. И. Смирнов предложил рассматривать этот исторический период как «крестьянскую войну», а Р. Г. Скрынников как гражданскую войну.

Третий, современный историографический период отмечается введением в научный оборот ранее недоступных источников, расширением методологических подходов и взглядов, развитием региональных исследований и включением научной проблематики в общемировое историческое пространство.

В этот период вышло ряд монографий, посвященных ключевым проблемам борьбы с интервенцией. Это работы Е. И. Кобзаревой [1] и Б. Н. Флоря [2], обобщающие труды В. Н. Козлякова [3] и В. И. Ульяновского [4]. И. О. Тюменцев подробно проанализировал явления и процессы, связанные с движением Лжедмитрия II [5].

Основная масса опубликованных современных исследований по теме Смутного времени представлена статьями. В них затрагивается широкий спектр научных проблем и процессов. И. К. Петрович и

Ю. А. Блашков, опираясь на опубликованные исследования и документы, исследовали роль патриарха Гермогена в изучаемых событиях [6, 7]. Также к биографиям различных личностей периода Смутного времени в серии статей обращается Я. Н. Рабинович [8, 9]. Е. С. Красилова, изучая эволюцию отношений к шведам в России в период Смуты, отметила изменение их оценки из «чужаков» во «врагов» [10, с. 178].

Некоторые исторические сюжеты связаны с положением отдельных социальных слоев и их влиянием на ход событий Смутного времени. Е. А. Иванова обращается к теме «подвигов и деяний духовенства и монашества в Смутное время» [11, с. 82]. И. Н. Скрипкин исследовал роль казачества [12].

Целый ряд работа посвящен развитию отдельных территорий, городов, крепостей в период Смутного времени [13, 14, 15, 16, 17, 18]. В частности Н. Товкачева, анализируя события в Вятской земле, выделяет противостояние правительству местного населения. Восстания 1606 г в Котельниче и 1609–1610 гг. в Царевосанчурском, Яранском и Котельническом уездах были подавлены. Но впоследствии Вятка принимала участие в ополчениях, «организованных против польско-шведской интервенции» [19, с. 55].

О роли земского элемента на событиях Смутного времени пишут С. В. Перевезенцев и В. А. Аракчеев. С. В. Перевезенцев отмечает, что земское самоуправление оказало большое влияние в борьбе за сохранение российской государственности в изучаемый период. Это нашло отражение в участии его представителей в ополчениях. Земские органы самоуправления взяли на себя властные полномочия в условиях резкого ослабления центральной власти [20, с. 4]. «Народ, выразитель воли “Земли” – “Совет всей Земли” ... избирает центральное Земское правительство» [20, с. 5]. При этом, «“Совет всей Земли” и Земское правительство рассматривали свои общегосударственные властные полномочия как чрезвычайные, т. е. сохраняли их за собой до созыва общерусского Земского собора, который должен избрать нового царя и восстановить традиционную форму политического устройства России» [20, с. 6]. В. А. Аракчеев выделяет, что период Смутного времени был временем оживления деятельности земских миров, нашедшей свое выражение в организации посадских общин на почве фискальной ответственности в периоды стабилизации и в создании всесословных органов самоуправления на почве политического противоборства [21, с. 33].

Современные исследователи особое внимание обращают на важнейшие последствия Смутного времени для развития российской государственности и власти. В этот период, по мнению А. Ю. Цицинова и Ю. В. Шуйской был сформирован «тот концепт царя, который существует в современной картине мира носителя русского языка» [22, с. 166]. Т. В. Михайлова отмечает, что Смута поколебала представление народа о

сущности власти, что в итоге закрепило представление «о симфонии властей» [23, с. 207].

По мнению Т. В. Шатковской, Смутное время было социальной войной, в которой каждое сословие решало собственные задачи [24, с. 10]. И только восхождение на престол Романовых прервало данный процесс. При этом Смута способствовала трансформации взглядов в обществе, создала условия для генезиса новых политических отношений, усложнила и упорядочила внутригосударственные политические связи, «духовное единство общества» [24, с. 10], в то же время привела к «нигилизации» традиционных представлений о власти. «Если ранее государство не мыслилось без царя, то теперь возникает связка народа и государства, выраженная в актах земских соборов в словах «люди Московского государства» [24, с. 11]. Кроме того, по мнению исследователя, после Смуты «Российское государство перестает быть уделом и частным делом московских князей» [24, с. 13], формируется «понятие великорусского народа как политической целостности» [24, с. 13].

В современной историографии изучаемого вопроса осуществляется глубокий анализ ранее представленных в историографии взглядов и подходов. Уделяется особое внимание местной, региональной истории, биографиям политических деятелей изучаемого периода, важнейшим последствиям Смутного времени для развития российской государственности, положению отдельных социальных слоев и их влиянию на ход Смутного времени и ряд других аспектов. В целом современная историография изучаемой научной проблемы расширяет ранее существовавшие взгляды историков, формирует более целостное представление обстоятельствах и событиях данного периода.

Источники и литература

1. Кобзарева Е.И. Шведская оккупация Новгорода в период смуты XVII века. М., 2005.
2. Флоря Б.С. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.
3. Козляков В.Н. Смута в России. XVII век: с приложением полного текста «Утвержденной грамоты» 1613 г. М., 2007.
4. Ульяновский В.И. Смутное время. М., 2006.
5. Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.
6. Петрович И.К., Блашков Ю.А. Русская православная церковь в смутное время: жизнь и деятельность патриарха Гермогена // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. № 5. С. 30–34.
7. Рабинович Я.Н. Личности смутного времени: Федор Тимофеевич Черново-Оболенский // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2010. Т. 10. № 1. С. 22–31.
8. Рабинович Я.Н. Личности Смутного времени: Семен Гаврилович Коробьин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. № 2-2. С. 11–18.

9. Рабинович Я.Н. Личности смутного времени: Андрей Федорович Палицын // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2009. Т. 9. № 2. С. 73–83.
10. Красилова Е.С. Эволюция отношения к шведам в России в эпоху Смутного времени // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2014. № 30. С. 175–179.
11. Иванова Е.А. Служение русского духовенства в смутное время // Труды преподавателей и выпускников Воронежской Православной Духовной Семинарии. 2012. № 6. С. 82–103.
12. Скрипкин И.Н. К вопросу о роли казачества в событиях Смутного времени // Актуальные проблемы общественных наук. Материалы Региональной научной конференции, посвященной 100-летию Февральской и Октябрьской революций 1917 года. В 2-х частях. М., 2017. С. 8–13.
13. Рабинович Я.Н. Годов в Смутное время (1604–1621 гг.). Великий Новгород, 2011.
14. Молочников А.М. Смоленский служилый город в смутное время: 1605–1612: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2014.
15. Пашина Е.В. К вопросу о Смутном времени в крепости Тетюши и ее округе // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. В. В. Карпова. М., 2018. С. 149–152.
16. Рабинович Я.Н. Ивангород, Ям и Копорье в Смутное время (1608–1617): историография вопроса // Историография. Источниковедение. Историческое краеведение. Сборник статей к юбилею доктора исторических наук В. В. Митрофанова. Нижневартовск, 2017. С. 49–59.
17. Косильникова И. Ярославль в Смутное время начала XVII столетия // Родина. 2013. № 4. С. 44–45.
18. Рабинович Я.Н. Малые города Псковской земли в Смутное время. Псков, 2014.
19. Товкачева Н. Вятская земля в период Смутного времени начала XVII века // Студенческая наука и XXI век. 2005. № 2. С. 53–55.
20. Перевезенцев С.В. «Власть» и «земля» в Смутное время // Русская политология. 2018. № 1 (6). С. 4–13.
21. Аракчеев В.А. Земские миры и земское движение в России в годы Смутного времени (1606–1614 годы) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 78. С. 27–34.
22. Цицинов А.Ю., Шуйская Ю.В. Традиции построения протоимиджа «царя» на примере текстов о военных походах Смутного времени // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 14. С. 166–167.
23. Михайлова Т.В. Образ истинного царя в повестях смутного времени // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2012. № 4. С. 297–302.
24. Шатковская Т.В. Осмысление правовых последствий «Смутного времени» в трудах российских историков права второй половины XIX – начала XX в. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 9–14.

А. Р. Конищев
Государственный архив Курской области

**Федор Иосифович Лаппо и его вклад
в изучение территории курского края в XVIII в.
(по материалам личного фонда)**

Аннотация. В статье проанализированы основные документы личного фонда Р-30 «Лаппо Ф.И.», затрагивающие вопросы изучения территорий Курского края в XVIII в. В связи с тем, что в литературе до сих пор уделяется недостаточное внимание данной проблематике, стоит вновь обратиться к методологическим и практическим разработкам заслуженного ученого, и возможно использовать их для будущих исследований.

Ключевые слова: Ф. И. Лаппо; административно-территориальное деление Белгородской и Курской губерний в XVIII в.; архивные материалы; Государственный архив Курской области.

Федор Иосифович Лаппо один из тех историков научные труды которого пользуются широкой известностью как в краеведческой, так и в академической среде. Область его исследовательских интересов лежала в сфере изучения социально-экономической истории курского края второй половины XVIII в. [1, с. 95–94]. За время работы у Ф. И. Лаппо накопилось большое количество личных документов, включающих черновики его докладов, выписки из архивных документов Государственного архива Курской области (ГАКО), Центрального государственного архива древних актов (ныне Российский государственный архив древних актов) и др. В 1985 г. историк обратился в Государственный архив Курской области с предложением передать личный научный архив на государственное хранение, так сформировался личный фонд Р-30 «Лаппо Ф.И.». Последняя часть документов была передана сыном Лаппо Феликсом, так же историком, в 2006 г. [1, с. 93].

Учитывая сферу научных интересов ученого, его внимание было обращено в том числе на изучении административно-территориальной принадлежности населенных пунктов, реконструкции состава территорий Белгородской и Курской губерний, и на изменениях, происходивших по причине реформ 1779 г. и 1797 г. В связи с тем, что данный вопрос до сих пор недостаточно освещен в литературе, предлагаем обратиться к тем результатам, которые уже были достигнуты историком. На наш взгляд, они могут стать как методологическим, так и источниковым фундаментом для будущих исследований.

Большую роль в своих работах Лаппо отводил картографическим источникам, благодаря которым возможно проследить изменения границ, определить административную принадлежность населенных пунктов, а

также установить фактически состав территорий Белгородской, а впоследствии и Курской губерний.

К наиболее значимым источникам начала XVIII в. он относил «Карты ситуации г. Севска» лейтенанта артиллерии Джеймса Рида 1712–1723 гг. и работы петровских геодезистов Ивана Хрущева и Бориса Батурина, описывавшие Белгородскую губернию и датированные 1722–1745 гг. (каждый уезд описывался в разные периоды времени) [3, л. 5]. Особое внимание было уделено изучению карт Хрущева и Батурина. Так, встречаем выписки из фондов ЦГАДА о ходе геодезических работ [4, л. 1–16], а также анализ исследуемых источников [3, л. 26–33]. В последнем историк отмечает, что, карта Хрущева содержит в себе большой историко-географический материал: описания границы уезда, 20 рек, 419 населенных пунктов, дорог, промышленных предприятий – карта Хрущева стала одним из тех источников, позволивших «реставрировать» карту Курского уезда 1760–х гг. [3, л. 32]. Кроме того, по картам Хрущева и Батурина, Ф. И. Лаппо были подготовлены списки селений Курского, Обоянского, Суджанского, Рыльского и других уездов [4, л. 50, 91, 103, 158].

Карту Рида историк использовал для создания списка селений Севского уезда, причем данный список сделан при сравнении с картой Хрущева и картой генерального межевания [4, л. 114–120]. Надо сказать, что Ф. И. Лаппо в принципе высоко оценивал картографический материал и сетовал на редкое привлечение его в литературе, между тем, карты, по его мнению, являлись важнейшим источником, без которого не могло обойтись ни одно социально-экономическое исследование [3, л. 7].

Достаточно полно Ф. И. Лаппо осветил проблемные вопросы, связанные с образованием Курского наместничества в 1779 г. и Курской губернии в 1797 г. Отдельный доклад он посвятил анализу источников, способствующих изучению административно-территориального деления в пореформенные годы. Историком были выделены две основные группы источников: картографические и текстовые [5, л. 5]. К текстовым материалам 1760–1775 гг. были отнесены: «Географические известия», составленные в ответ на «Академическую» и «Шляхетскую анкеты» в 1761–1762 гг., ревизские сказки, переписка между центральными и местными учреждениями [5, л. 5–6]. К картографическим: общероссийские карты «Атласа Российского» 1745 г., карты петровских геодезистов (то есть, Хрущева и Батурина), примерные карты Орловской, Воронежской и Слодобско-Украинской наместничеств. На основании вышеуказанных источников Ф. И. Лаппо достаточно подробно описал предпосылки реформы 1775 г. и ход реформы [6, л. 2–5]. Он писал о том, что введение в 1763 г. штатов вошло в противоречие с составом населения, поэтому вскоре ставился вопрос о переработке областного деления с явных тенденций положить в его основу принцип равномерности, то есть слияние

нескольких уездов и доведение численности до определенных норм [6, л. 2].

Кроме того, используя все те же источники, а также карты Хрущева по Курскому и Севскому уездам 1733 г., карту почтовых дорог Курского наместничества 1791 г., списки селений по переписным книгам III ревизии, топографические описания Ларионова, Башилова и Зубова, ученый реконструировал административно-территориальное деление Курского уезда в 1760 г. и его изменения в 1780–1782 гг. [6, л. 6–10].

Что касается административной реформы 1797 г., то к основным текстовым источникам для ее изучения Ф. И. Лаппо относил Указы Сената, «Протоколы и определения Курского губернского правления», «Ведомость, учиненная при расположении Курской губернии на 10 уездов» и др. [5, л. 9–10]. К картографическим: предварительные карты Курской и смежных губерний, составленные в первой половине 1797 г., Атлас Курской губернии 1800 г., составленный Саратовской межевой конторой и Атлас Вильбрехта 1792 г. [5, 10–11].

Ф. И. Лаппо делал вывод, что разнообразие и содержательность всех этих источников позволят создать как уточняющую карту Курского наместничества, в которой можно будет выделить селения, возникшие между III-й и IV-й ревизиями, так и аналогичную карту Курской губернии 1797 г. [5, л. 12].

Надо сказать, что благодаря данным материалам, историком были подготовлены не только доклады и статьи, но и также многочисленные списки селений, которые могут быть использованы исследователями и в настоящее время. Например, в материалах фонда содержатся выписки из документов ЦГАДА по генеральному межеванию Курской губернии в 1782–1785 гг. [7, л. 1–8], а также списки селений Курицкого стана при сравнении документов ЦГАДА и ГАКО [7, л. 18–43]. Фактические аналогичные списки были сделаны на основании выписок из «Топографического описания А. Зубова» [8; 9]. Кроме того, имеются списки селений, сделанные на основании IV-й и V-й ревизий [10; 11].

Перечисленные материалы – это лишь часть наработок, касающихся изучения территории Курского края в XVIII в. Большая часть дел по данной проблематике представлена конспектами и записями из архивных документов и литературы, нежели обобщающими работами и мыслями автора. Тем не менее, именно этим Ф. И. Лаппо и внес огромный вклад в исследования данного вопроса. В связи с чем, еще большее значение приобретает его решение передать свои личные документы на хранение, где они смогут стать отправной точкой и вспомогательным инструментом для будущих исследований.

Источники и литература

1. Атрепьева Е.Г. Советский историк Федор Иосифович Лаппо (к 150-летию со дня рождения) // События и люди в документах курских архивов: Сборник статей / Архивное управление Курской области, ОКУ «Госархив Курской области». Выпуск XVIII. Курск, 2019.
2. Государственный архив Курской области. Путеводитель / под ред.: В. Л. Богданова (председатель), М. М. Ливтвинова, Л. С. Ласочко (отв. составитель). Курск, 2005.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 14.
4. ГАКО. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 193.
5. ГАКО. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 15.
6. ГАКО. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 27.
7. ГАКО. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 99.
8. ГАКО. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 198.
9. ГАКО. Ф. Р-30 Оп. 1. Д. 214.
10. ГАКО. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 216.
11. ГАКО. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 217.

М. В. Филёв

кандидат исторических наук

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Первые шаги Калининградской области: обзор источников

Аннотация. Настоящая статья является обзором основных источников по истории становления Калининградской области. Важное место в этом ряду занимают документы из фондов Государственного архива Калининградской области (ГАКО), а также архивов других регионов. Реализация нескольких проектов по интервьюированию переселенцев позволила накопить существенный массив материалов устной истории. Сотрудниками ГАКО, БФУ им. И. Канта и Калининградской областной научной библиотеки была проведена масштабная работа, позволившая оцифровать основные газеты Янтарного края. Несмотря на то, что изучение указанного периода уже нашло отражение в большом количестве научных публикаций, вовлечение в научный оборот новых источников создает потенциал для его дальнейшей детализации.

Ключевые слова: история СССР; Калининградская область; переселенцы; исторический источник; устная история; советская пресса.

Советские люди начали прибывать на территорию бывшей Восточной Пруссии вскоре после окончания боевых действий. Не считая военнослужащих, в апреле 1946 г. на этой земле проживали 35 тыс. советских граждан, а к началу августа – уже 84,5 тыс. [1, с. 72].

Старт массовому заселению региона был дан принятым Советом министров СССР 9 июля 1946 г. постановлением № 1522, согласно

которому до конца года в сельские районы Янтарного края должны были прибыть 12 тыс. семей колхозников из РСФСР и БССР [2, с. 94].

В постсоветской региональной историографии изучение вопросов заселения и становления Калининградской области стало наиболее популярной темой среди калининградских историков, что нашло отражение в научных публикациях Ю. В. Костяшова, Г. В. Кретицина, В. Н. Маслова, Д. В. Манкевича, П. П. Полха, Е. В. Барановой, М. Г. Шендерюк и ряда других авторов (подробный историографический обзор [3]). Особо следует отметить широкий тематический спектр, представленный в этих трудах (переселенческая кампания и обустройство переселенцев, повседневность, демография, формирование «калининградской идентичности», здравоохранение, образование и др.).

Не в последнюю очередь всплеску интереса к прошлому области способствовало «открытие» архивов, которое проявилось в рассекречивании документации, а также снятии идеологических запретов [3, с. 137]. В настоящей статье представлен обзор основных источников по истории становления Калининградской области, и предпринята попытка определения перспектив исследования данной тематики.

Архивные материалы

Перечень введенных калининградскими историками в научный оборот архивных источников по истории рассматриваемой эпохи весьма обширен: постановления, приказы, решения, справки государственных и партийных инстанций (Калининградский областной совет народных депутатов, областное и районные управления сельского хозяйства, управления по гражданским делам, областной и районные комитеты ВКП(б)/КПСС и многие др.), статистические отчеты, стенограммы областных партийных конференций, совещаний передовиков и так далее. Перечисление всех типов источников, задействованных исследователями, может занять не одну страницу, ввиду чего ограничимся лишь несколькими примерами использования архивных материалов.

Специалисты Центра социально-гуманитарной информатики (ЦСГИ) БФУ им. И. Канта проводят тщательный анализ хранящихся в Государственном архиве Калининградской области (ГАКО) эшелонных и сводных списков переселенцев, актов о прибытии эшелонов, списков вселения мигрантов, алфавитных перечней переселявшихся. Введение этих документов в научный оборот позволило существенно расширить представления о различных аспектах переселенческой кампании, «охарактеризовать условия выполнения правительственных решений о заселении сельских районов одной из молодых российских областей» [4, с. 210].

Новым словом в региональной историографии стало обращение Ю. В. Костяшова к истории повседневности калининградской деревни эпохи позднего сталинизма. Опубликованная им в 2015 г. монография [5] основана на протоколах общих собраний, заседаний правления и первичных

партийных организаций более ста колхозов Калининградской области. «Взгляд снизу» на происходившие в селе процессы в период формирования региона продемонстрировал их противоречивый характер.

Значимым представляется опыт работы Ю. В. Костяшова в Государственном архиве Воронежской области, где им были проанализированы материалы фонда переселенческого отдела [6]. Кроме того, историки обращались к ряду документов Государственного архива Российской Федерации [7], Государственных архивов Кировской [8], Псковской [9] и Тамбовской областей [10], что дополнило картину заселения Калининградской области статистическими данными и позволило получить информацию о ходе вербовки и организации переселения – в документах калининградских архивов эти сведения минимальны.

Вместе с тем, видятся целесообразными дальнейшие изыскания в архивах «регионов-доноров» первоначального населения Калининградской области. Интересным исследовательским экспериментом (хотя и довольно трудоемким) мог бы стать спуск на микроуровень – к документации отдельных колхозов и их первичных парторганизаций, райкомов партии, сельсоветов. Потенциально эти материалы могут содержать сведения, показывающие переселенческую кампанию с иного ракурса.

Материалы прессы

Определенным исследовательским потенциалом обладают материалы периодической печати, прежде всего, газеты «Калининградская правда» и «Калининградский комсомолец», районные газеты.

В 2022 г. сотрудники ЦСГИ и ГАКО создали электронный накапливаемый ресурс «Калининградская правда», представляющий собой оцифрованный архив номеров главной областной газеты с 1946 по 1991 г. [11]. В свою очередь, сайт Калининградской областной научной библиотеки располагает масштабной коллекцией оцифрованных выпусков «Калининградского комсомольца», районных газет, периодических изданий предприятий Калининграда и области [12].

Советская печать в первую очередь была нацелена на «формирование положительного образа советской действительности в массовом сознании рядовых граждан» [13, с. 32]. В «Калининградской правде» основной упор был сделан на демонстрации успехов народного хозяйства [14, с. 180], но и переселенческая кампания получила весьма подробное отображение.

На постоянной основе в газете публиковали письма переселенцев, которые они направляли своим землякам. В них обязательно присутствовало упоминание достижений молодой области («превращается в цветущий уголок страны с высоко развитым сельским хозяйством, продуктивным животноводством» [15]), призывы поддержать начин первых переселенцев («расскажите, пожалуйста, нашим землякам о том, как мы устроились на новом месте, может и еще кто пожелает приехать

строить новую область» [16]) и типичные для того времени пропагандистские конструкции («по призыву партии и правительства мы переселились в Калининградскую область на древние славянские земли, много веков тому назад захваченные немецкими псами-рыцарями» [15]).

Опыт обращения автора настоящей статьи к газете «Колхозная правда» Правдинского района показывает, что основная доля публикаций была посвящена производственной деятельности колхозов и совхозов района [17]. Как и в «Калининградской правде», здесь писали прежде всего о трудовых свершениях, хотя находилось место и освещению социальных проблем; критическим заметкам, основанным на жалобах людей. Не обходилось и без упоминаний переселенческой кампании. В основном в таких заметках рассказывалось о встрече переселенцев и их трудовом энтузиазме (см., например: [18, 19]).

Несмотря на то, что советские газеты по большей части представляли собой инструмент официальной пропаганды, пресса может служить важным источником для изучения калининградской послевоенной сельской и городской повседневности, идеолого-пропагандистской работы, культуры и досуга.

Материалы устной истории

Неоспорима для развития современной исторической науки роль устной истории, получившей «признание и полную легитимацию в профессиональной корпорации» и имеющей «значительную перспективу в самых разных сферах исторического исследования» [20, с. 537–538]. Не является в этом плане исключением и реконструкция периода становления Калининградской области, безусловно, требующая обращения к материалам устной истории.

Не вызывает сомнений и тот факт, что этот тип источников нуждается в дополнительной верификации, поскольку интервьюируемым свойственно субъективное восприятие некоторых событий, приукрашивание или даже сокрытие определенных моментов, а высказанные ими суждения «в большинстве случаев отражают их сегодняшний жизненный опыт, а не то, что было ценно для них в прошлом» [21, с. 351].

Характерным примером может послужить интервью переселенки Агнии Павловны Бусель, по словам которой, ее отец, первый председатель колхоза «Большевик» Правдинского района Павел Кузьмич Суворов, был вынужден уйти в отставку по семейным обстоятельствам [22, л. 72]. Однако обращение к протоколам колхозных собраний позволяет сделать вывод, что основной причиной отставки главы колхоза все же оказались совершенные им финансовые махинации [23, л. 34].

Тем не менее, следует отметить, что основная ценность материалов устной истории заключается в том, что они показывают аспекты послевоенной жизни калининградцев, практически не нашедших отражения в других источниках. К ним можно, например, отнести

взаимоотношения с оставшимся в регионе немецким населением или голод 1946–1947 гг.

С 1988 г. в рамках проекта «Переселенцы» ассоциацией устной истории, объединившей преподавателей, студентов и выпускников исторического факультета Калининградского государственного университета, под руководством Ю. В. Костяшова, велась масштабная работа по подготовке интервью с первыми переселенцами [24, с. 3–4].

Стандартное интервью отражало разнообразные аспекты послевоенной жизни Янтарного края: обустройство и быт переселенцев, взаимоотношения людей, труд и досуг. Кроме того, интервьюеры старались выяснить у собеседников мотивы их переселения в Калининградскую область, как их встречали на «новой советской земле».

Итогом работы стало появление более трехсот двадцати интервью, общий объем которых составил около двух с половиной тысяч машинописных страниц. Эти материалы были переданы на хранение в ГАКО, а также легли в основу книги «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев» [24].

В 2006 г. вышла книга «Односельчане: народная повесть», также представляющая собой подборку интервью первых переселенцев [25]. На страницах издания их глазами показан пространственный диапазон событий: Великая Отечественная война, становление Калининградской области, рабочие будни и праздники и др. Соответственно, данные материалы могут служить подспорьем для историков, занимающихся изучением прошлого региона.

Экспедиции по Калининградской области, в ходе которых студенты-историки записывали интервью с переселенцами (преимущественно проживавшими в сельской местности и районных центрах), некоторое время были частью учебного процесса [26, с. 179]. Однако постепенно от этой формы практической деятельности обучающихся было решено отказаться.

Тем не менее, работа по интервьюированию продолжалась. К отмечаемому в 2021 г. 75-летию Калининградской области, сотрудниками Центра исследований исторической памяти Балтийского федерального университета им. И. Канта был снят документальный фильм «Первые» [27], оказавшийся качественной попыткой запечатлеть коллективный портрет переселенцев.

Героями фильма стали 24 переселенца, прибывших из разных регионов Советского Союза и осевших как в сельских, так и в городских населенных пунктах различных районов области. Они поведали интервьюерам о многих гранях жизни в Калининградской области в первые послевоенные годы. В целом интервью строились по лекалам проекта «переселенцы» и включали в себя вопросы об организации переселения, первых впечатлениях, труде, условиях проживания, праздниках, поиске кладов, отношениях с немцами.

Всего авторами было отснято более 30 часов видеоматериалов (итоговая версия фильма продолжается 2,5 часа), которые в перспективе могут быть использованы исследователями как исторический источник для изучения периода становления Калининградской области: процесса ее заселения, городской и сельской повседневности, поведенческих стратегий и других аспектов послевоенной жизни региона.

В заключении отметим, что в настоящей статье представлен обзор лишь некоторых, уже введенных в научный оборот, источников по истории становления Калининградской области. На первый взгляд кажется, что этот период достаточно хорошо исследован историками, ввиду чего его дальнейшее изучение не имеет существенных перспектив. Однако с точки зрения автора, анализ некоторых его составляющих может получить дальнейшее развитие за счет расширения источниковой базы.

В частности, в отличие от истории заселения сельских районов Калининградской области и сельской повседневности эпохи позднего сталинизма, малоизученными остаются вопросы послевоенного формирования советского населения областного и районных центров региона. Редко авторы обращались и к исследованию истории областной промышленности, городской повседневности, системы образования, культуры и досуга.

Потенциально восполнить эти лакуны возможно путем привлечения хранящихся в ГАКО документов промышленных предприятий, обслуживающих организаций, районных управлений по гражданским делам, райкомов партии, сельсоветов, учреждений образования и культуры, спортивных обществ. Потенциально продуктивным может оказаться исследовательский поиск в архивах регионов выхода первых переселенцев в Калининградскую область. Практически не задействовались в научных целях районные газеты, фрагментарен опыт работы историков с «Калининградским комсомольцем».

Таким образом, изучение первых шагов Калининградской области уже получило весомый отклик со стороны исследователей, результатом чего стало появление большого числа качественных научных публикаций, основанных на обширном круге разнообразных исторических источников. В то же время, уровень осведомленности о некоторых аспектах данной эпохи может быть повышен благодаря введению в научный оборот ранее не задействованных исследователями материалов.

Источники и литература

1. Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки. 1945–1956 гг. Калининград, 2009.
2. В начале нового пути: документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947). Калининград, 2004.
3. Баранова Е.В., Манкевич Д.В., Маслов В.Н., Стальмакова А.В. Историография

- послевоенного заселения Калининградской области в контексте советских общегосударственных миграций // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 133–151.
4. Баранова Е.В., Маслов В.Н. Проблемы послевоенной крестьянской миграции в актах о прибытии переселенческих эшелонов в Калининградскую область // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26. № 190. С. 200–211.
 5. Костяшов Ю.В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М., 2015. 263 с.
 6. Костяшов Ю.В. «Желающих переселиться мало». Об организации переселения колхозников из Воронежской в Калининградскую область в послевоенные годы // Калининградские архивы. 2004. Вып. 6. С. 61–68.
 7. Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х–1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 138–148.
 8. Чернышева Н.В. Участие Кировчан в освоении территории бывшей германской Восточной Пруссии (Калининградской области) в конце 40 – начале 50-х гг. XX в. // Немцы в России: взгляд из провинции: сб. материалов III Всерос. науч. конф. с межд. участием. Киров, 2015. С. 51–57.
 9. Филимонов А.В. Организация переселения псковских колхозников в Калининградскую область в первые послевоенные годы (1946–1948) // Северо-Запад в аграрной истории России. 2015. № 21. С. 178–190.
 10. Дьячков В.Л., Канищев В.В. Соотношение принудительной и добровольной миграции сельского населения Тамбовской области в 1920–1990-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. №. 8 (100). С. 340–345.
 11. Архив газет Калининградской области. URL: <https://kaliningradka.kantiana.ru/lp/> (дата обращения: 10.03.2024).
 12. Газеты Калининградской области [Электронный ресурс] // URL: <http://lib39.ru:8082/dsweb/View/ResourceCollection-301> (дата обращения: 10.03.2024).
 13. Хасянов О.Р. Периодическая печать Куйбышевской и Ульяновской областей как источник по изучению повседневной жизни советского крестьянства послевоенного десятилетия // Клио. 2014. № 10 (94). С. 30–35.
 14. Мегем М.Е., Филёв М.В. «Сверх плана»: роль региональных СМИ в формировании сознания советского человека // «Советский народ» на крайнем западе России (1945–1991): теория и практика формирования «новой исторической общности» в Калининградской области / ред. И. О. Дементьев. Калининград, 2022. С. 179–196.
 15. Письмо членов сельхозартели «Красный октябрь» Гвардейского района колхозникам и колхозницам Журавичского района Гомельской области Белорусской ССР // Калининградская правда. 1947. 5 ноября.
 16. Письмо колхозницы артели «Путь к новой жизни» Гурьевского района Анны Андреевны Соловьёвой районному комитету ВКП (б) Егорьевского района Московской области // Калининградская правда. 1947. 5 ноября.
 17. Филёв М.В. Сельская повседневность на страницах газеты «Колхозная правда» (1950–1961 гг.): опыт контент-анализа // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии. Материалы межд. конференции. М., 2020. С. 146–153.
 18. Новые переселенцы // Колхозная правда. 1951. 4 апреля.
 19. Санин В. Новоселы приняты в колхоз // Колхозная правда. 1951. 8 июля.
 20. Ростовцев Е.А. Российская наука об устной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 522–545.
 21. Орлов И.Б. Устная история // Теория и методология истории / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград, 2014. С. 335–355.
 22. Государственный архив Калининградской области (далее – ГАКО). Ф. Р-1191.

- Оп. 1. Д. 1.
 23. ГАКО. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 4.
 24. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Калининград, 2003.
 25. Односельчане: народная повесть. Калининград, 2006.
 26. Костяшов Ю.В. Традиции устной истории в Калининградской области // Калининградские архивы. 2018. Вып. 15. С. 178–183.
 27. Документальный фильм «Первые» о первых переселенцах в Калининградскую область [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bg0PLABgDoY&t=4373s> (дата обращения: 10.03.2024).

О. Н. Аргунов

кандидат исторических наук
 Государственный архив Курской области

Основные проблемы изучения регионального административно-территориального устройства в послевоенный период (на примере Курской области)

Аннотация. В настоящей работе рассмотрены ключевые проблемы, с которыми столкнулись сотрудники Государственного архива Курской области в ходе подготовки первого тома справочника «Административно-территориальное деление курского края», а также пути их решения.

Ключевые слова: Курская область; населенные пункты; административно-территориальное устройство.

В свете подготовки первого тома справочного издания «Административно-территориальное деление курского края», который будет включать сведения о преобразованиях административно-территориального устройства Курской области с 13 июня 1934 по 1 января 2024 г. сотрудниками Государственного архива Курской области была проведена серьезная работа по выявлению и систематизации информации по данному вопросу.

Все данные об административно-территориальных преобразованиях в регионе будут представлены в двух основных таблицах. Первая – **Алфавитный указатель населенных пунктов, представленная ниже:**

Наименование н. п.	Тип н. п.	Дата	Административное подчинение
1-е Апухтино	дер.		Курская обл., Солнцевский р-н, Толмачевский с/с
	дер.	1954	Курская обл., Солнцевский р-н, Афанасьевский с/с
	дер.	2010	Курская обл., Солнцевский р-н, Бунинский с/с
	дер.	2024	Курская обл., Солнцевский р-н, Бунинский с/с

Как можно видеть, таблица состоит из четырех колонок. Первая колонка – это наименование населенного пункта. Вторая – тип населенного пункта (выселок, хутор, деревня, село, местечко, слобода, поселок, поселок станции, рабочий поселок, город). В третьей колонке представлены даты, когда населенный пункт изменял свою административно-территориальную принадлежность. И, наконец, четвертая колонка, включающая информацию об административном подчинении населенного пункта на указанную в третьей колонке дату.

Вторая таблица носит название Хроника административно-территориальных изменений Курской области. Она представлена ниже:

Дата события	Событие	Основание
1934		
13 июня 1934 г.	Постановлением ВЦИК Центрально-Черноземная область разделена на Воронежскую и Курскую, в состав последней вошли р-ны: Белгородский, Беловский, Болховский, Большетроицкий, Борисовский, Валуйский, Великомихайловский, Верховский, Веселолопанский, Воловский, Волоконовский, Вольнский, Глушковский, Горшеченский, Грайворонский, Дмитриевский, Дмитровский, Долгоруковский, Должанский, Дросковский, Золотухинский, Иванинский, Ивнянский, Измалковский, Касторенский, Колпнянский, Коньшевский, Кореневский, Корочанский, Кромской, Курский, Ливенский, Льговский, Малоархангельский, Медвенский, Мценский, Новосильский, Новооскольский, Обоянский, Орловский, Прохоровский, Ракитянский, Русскобродский, Рьльский, Свердловский, Скороднянский, Советский, Солнцевский, Старооскольский, Суджанский, Тербунский, Тимский, Томаровский, Уразовский, Урицкий, Фатежский, Хомутовский, Чернянский, Шебекинский, Щигровский.	СУиРРКП РСФСР. 1934. № 26. 20 июля. Ст. 153; Курская правда. 1934. 26 июня.

Данная таблица состоит из трех колонок. В первой указана дата, когда произошло то или иное административно-территориальное изменение и данная колонка взаимосвязана с третьей колонкой Алфавитного указателя населенных пунктов. Вторая колонка озаглавлена как Событие. В ней представлена информация на основании какого документа и какое именно произошло административно-территориальное преобразование. В третьей колонке представлены выходные данные документа, на основании которого произошло событие из второй колонки.

Данная структура подачи информации не нова: она была нами позаимствована из двухтомного справочника «Административно-территориальное деление Брянского края за 1916–2006 годы» [1; 2]. Однако несмотря на то, что выявленная информация хорошо поддается систематизация в двух вышеуказанных таблицах, перед архивистами возник ряд проблем, которые мешают структурированию информации.

И первая подобная проблема – это отсутствие учетных данных по населенным пунктам Курской области в 1930-е и 1940-е гг., в то время как именно этот период, на который пришлось становление Курской области как самостоятельного региона страны, был наиболее богат на события, связанные с административно-территориальными преобразованиями.

Данные материалы необходимы в условиях документальных лакун, когда по различным причинам не сохранились распорядительные документы органов власти о тех или иных преобразованиях.

Подобные учетные документы с указанием административно-территориальной принадлежности всех населенных пунктов области начали вестись органами статистики только в начале 1950-х гг. Первыми были Списки населенных пунктов по районам Курской области на 1 января 1951 г. [3]. Следующие подобного рода документы были созданы в связи с предстоящим изданием справочника «Курская область: Административно-территориальное деление на 1 июля 1955 года» [4]: это Списки населенных пунктов Курской области на 1 января 1955 г. [5].

В дальнейшем, в 1960-е гг. подобные документы велись систематически. Сохранились списки населенных пунктов региона на 1 января за 1962 [6], 1963 [7], 1964 [8], 1965 [9], 1966 [10], 1967 [11], 1968 [12], 1969 [13], 1970 [14], 1971 [21] гг. Стоит отметить, что данный период также можно охарактеризовать как этап, в течение которого произошло значительное количество административно-территориальных преобразований, поэтому данные документы являются серьезным подспорьем при определении административной принадлежности того или иного населенного пункта на конкретную дату.

За более поздний период, к сожалению, подобных документов или не сохранилось, или они не велись, что также существенно усложняет систематизацию информации несмотря на то, что, начиная с 1943 г., сохранились все распорядительные документы областных органов власти в том числе и по вопросам административно-территориальных преобразований.

Определенным подспорьем в систематизации выявленных сведений нам служат списки населенных пунктов, составленные перед проведением Всесоюзных переписей населения 1959 и 1979 гг. [15; 16; 17]. Они представляют собой актуализированные данные о населенных пунктах, входивших в состав административных образований (сельсоветов и районов) Курской области.

Немаловажную роль в устранении информационных лакун играют справочники административно-территориального деления. Так, к примеру, в нашем распоряжении имеется справочник «Населенные пункты ЦЧО» [18]. Он включает в себя сведения об административной принадлежности населенных пунктов 155-и районов Центрально-Черноземной области, существовавших на начало 1932 г., 60 из которых в 1934 г. вошли в состав Курской области [19]. Однако данный справочник изобилует неточностями (указаны неправильные типы населенных пунктов), ошибками (особенно в названиях населенных пунктов), а также большим количеством населенных пунктов, никогда не существовавших на территории Курской области.

К примеру, возьмем данные по Беловскому району. В составе Беловского сельсовета значится дер. Гонжевка, хотя ее правильное наименование Ганжовка; аналогичная ситуация с хут. Рябко Пенского сельсовета: его правильное наименование Рябки. В Беловском сельсовете значатся выселки Дубино и Лиски, в то время как данные населенные пункты являлись хуторами. Кроме того, в составе Кондратовского сельсовета указан отдельный населенный пункт Кучеровский сельскохозяйственный техникум, когда в реальности данное учебное заведение всегда значилось в составе хутора Кучеров вышеуказанного сельсовета [18, с. 15–16]. И подобных примеров, анализируя содержание справочника можно привести десятки, если не сотни.

Между тем, более поздние справочники административно-территориального деления содержат уже значительно меньше ошибок, хотя и не лишены их. Некоторые ошибки, по нашему наблюдению, со временем закреплялись в официальных документах. И это вторая проблема – расхождение информации в учетных данных и справочных изданиях.

Так, до 1968 г. село Олым (современное название) Краснознаменского сельсовета Касторенского района в учетных документах и справочных изданиях значится как Олымь [3, л. 43 об.; 4, с. 121; 5, л. 27; 6, л. 31; 12, л. 41]. В справочном издании «Курская область: Административно-территориальное деление по состоянию на 1 февраля 1968 года» [20, с. 154] и более поздних аналогичных изданиях за 1975 [22, с. 155], 1980 [23, с. 162], 1993 [24, с. 139] гг. значится как Олым. В учетных документах, сохранившихся до 1971 г. значится как Олымь [21, л. 34], а в материалах за 1979 г. (аналогичные документы за период с 1972 по 1978 г. не сохранились) значится как Олым [17, л. 66]. При этом в документах облисполкома прошения в отношении села Олым (Олымь) в Президиум Верховного Совета РСФСР, который принимал решения о переименовании населенных пунктов, отсутствуют, что говорит о том, что однажды закрашаясь в справочные издания ошибка привела к переименованию населенного пункта.

О том, что в вышеуказанном справочнике административно-территориального деления присутствуют ошибки в наименовании отдельных населенных пунктов, также говорит решение Курского облисполкома от 6 декабря 1971 г. № 694 «Об уточнении в справочнике названий некоторых населенных пунктов» [28, л. 59; 29, л. 30], в котором приводились правильные наименования некоторых населенных пунктов. К примеру, пос. Лев-Толстовский Андросовского сельсовета Железнодорожного района, вместо Лев Толстовский, указанный в справочнике; или дер. Плоскобукреевка Троицкокреснянского сельсовета Щигровского района вместо Плоско-Букреевка [20, с. 141, 158].

Кроме того, несмотря на то, что процедура переименования населенных пунктов имела строгий порядок, и данный вопрос административно-территориальных преобразований находился сугубо в

ведении Президиума Верховного Совета, имеются также прецеденты аналогичные вышеописанному.

Так, Коньшевский райисполком своим решением от 18 марта 1961 г. переименовывает дер. Узник Ваблинского сельсовета в дер. Рассвет [25, л. 33]. Утверждение данного решения на областном и республиканском уровне отсутствует, однако в учетных данных в дальнейшем деревня фигурирует под новым названием [26, с. 260].

Из данного прецедента вытекает третья проблема: отсутствие официальных документов об административно-территориальных изменениях в органах власти, в полномочия которых входили данные вопросы. В большинстве случаев это касается упразднения населенных пунктов. Таких прецедентов нами было выявлено не менее двух десятков. О существовании данных населенных пунктов мы узнаем из решений облисполкома об их передачи из одного сельсовета в другой и из учетных документов.

К примеру, дер. Верхняя Кшень Волобуевского сельсовета Тимского района решением Курского облисполкома от 12 декабря 1957 г. № 542 передана в Быстрецкий сельсовет [27, л. 62–63]. В то же время, в списках населенных пунктов, составленных перед проведением Всесоюзной переписи населения 1959 г., как по Быстрецкому, так и по Волобуевскому сельсоветам, данный населенный пункт отсутствует [16, л. 111, 118], а каких-либо решений относительно его упразднения в период между 1957 и 1959 гг. Курский облисполком не принимал.

Причем, абсолютное большинство подобных «исчезнувших» населенных пунктов приходится на 1960-е гг., и чем данное явление обусловлено, нами пока не установлено.

Как можно видеть, изучение даже регионального административно-территориального устройства сопряжено с решением достаточно серьезных проблем, связанных, с одной стороны, с документальными лакунами и расхождениями в учетной и справочной документациях, а с другой – с несовершенством местного и областного делопроизводства. Однако верификация информации через сопоставление данных из разных исторических источников в большинстве случаев решает эти проблемы.

Источники и литература

1. Административно-территориальное деление Брянского края за 1916–2006 годы: Справочник. В 2 т. Т. 1. Клинцы, 2011.
2. Административно-территориальное деление Брянского края за 1916–2006 годы: Справочник. В 2 т. Т. 2. Клинцы, 2011.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 69.
4. Курская область: Административно-территориальное деление на 1 июля 1955 года: Справочник. Курск, 1955.
5. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 181.
6. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 440.
7. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 543.

8. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 577.
9. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 620.
10. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 667.
11. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 741.
12. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 771.
13. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 807
14. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 1183
15. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 15. Д. 16.
16. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 15. Д. 17.
17. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 15. Д. 171.
18. Населенные пункты ЦЧО. Воронеж, 1932. 358 с.
19. Курская правда. 1934. 26 июня.
20. Курская область: Административно-территориальное деление по состоянию на 1 февраля 1968 года. Курск, 1968.
21. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 1207.
22. Курская область: Административно-территориальное деление по состоянию на 15 июля 1975 года. Курск, 1975.
23. Курская область: Административно-территориальное деление по состоянию на 1 октября 1980 года. Курск, 1980.
24. Курская область: Административно-территориальное деление по состоянию на 1 января 1993. Курск, 1993.
25. ГАКО. Ф. Р-3931. Оп. 4. Д. 85.
26. Аргунов О. Н., Есипов Д. М., Коровин В. В. Административно-территориальные преобразования в Курской области в середине 1940-х – начале 1960-х годов: основные практики и результаты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 254–263. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-254-263>
27. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 980.
28. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2295.
29. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 11. Д. 1236.

**«ОСВОЕНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ
(IX–XXI вв.): ИДЕИ, ПРАКТИКИ, РЕЗУЛЬТАТЫ»
(К 90-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

*Материалы
Всероссийской научной конференции,
Курск, 31 мая 2024 г.*

**Оригинал-макет подготовлен
ОКУ «Госархив Курской области»**

*Дизайн обложки: С. В. Пешехонов
Верстка, подготовка к печати: О. Н. Аргунов*

Фотография на обложке из фотокаталога
ОКУ «Госархив Курской области»

Подписано в печать 01.10.2024 г.
Формат 60x84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 50 экз.
Отпечатано ООО «Центр рекламы «Лоцман»
г. Курск, ул. Семеновская, 78